

ВАЛЕРИЙ
ПЕРЕВОЗЧИКОВ

О ВЫСОЦКОМ

ТОЛЬКО САМЫЕ БЛИЗКИЕ

ВАЛЕРИЙ
ПЕРЕВОЗЧИКОВ

О ВЫСОЦКОМ

ТОЛЬКО САМЫЕ БЛИЗКИЕ

ЭКСМО
Москва
алгоритм
2011

УДК 82-94
ББК 85.374-8
П 27

*В книге использованы фото из коллекции Сибирского фонда
по увековечиванию памяти Владимира Высоцкого*

П 27 **Перевозчиков В. К.**
О Высоцком — только самые близкие / Валерий Перевозчиков. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 240 с. : ил. — (Легенды авторской песни).

ISBN 978-5-699-49562-7

Книга Валерия Кузьмича Перевозчикова — попытка представить и понять живого Высоцкого. Каждый, кто знал его по-настоящему, имеет право на голос, считает автор, известный биограф поэта. Время идет, люди уходят, а с их смертью удаляется навсегда тот живой Высоцкий, которого знали только они. Эта книга, содержащая эксклюзивные воспоминания и интервью, неизвестные факты биографии Владимира Семеновича, может вызвать несогласие читателей и желание поспорить с авторами свидетельств, но это свойство всех «непричесанных» воспоминаний.

УДК 82-94
ББК 85.374-8

© Перевозчиков В. К., 2011
© ООО «Алгоритм-Издательство», 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-49562-7

ЖИВОЙ ГОЛОС, СОРВАННЫЙ ОТЧАЯНЬЕМ

Вступление

Чтобы понять текст, надо
знать биографию автора.

Сент-Беф

Начнем с мысли Михаила Михайловича Бахтина о том, что «позади у героя (у поэта) — смерть, впереди — жизнь (т.е. вечность)».

Высоцкий понимал значение и значимость того, что он делает. «Я тоже кошусь на эти самые века...» — знаменитый ответ Высоцкого Эрдману. Высоцкому есть что предьявить вечности, — так что насчет него можно справиться у великих.

«Считается, что в каждом поколении есть по крайней мере четыре праведника, на которых незримо держится мир и которые служат его оправданием перед ликом Господа...» (Борхес). И живой Высоцкий в их русском числе...

«И лучше всего послужит поэт своему времени, когда даст ему через себя сказать, сказаться» (Цветаева). Владимир Высоцкий о своем непростом времени: «Но влекут меня сонной державою, что раскисла, опухла от сна...»; «...И вся история страны — история болезни!».

Но как сказаться? Через язык, через речь, через текст... «Язык — это факт не научный, а художественный. Его изобрели воины и охотники, и он гораздо древнее науки». (Честертон) Вспомним мысль Бродского, что от человека остается только часть, — это часть речи.

Высоцкий жил и творил во времена, которые «нуждались» в живом голосе, сорванном отчаяньем, — он реабилитировал крик в русской поэзии. Это был выброс особой энергии, которая проникала в мысли и чувства людей, попадала им «не в уши, а в души».

Михаил Пришвин, размышляя о трагической судьбе Пушкина, написал в дневнике: «Стало быть, искусство во вред себе?!»

«Искусство и там, где идет речь об отдельном человеке, означает повышенную жизнь. Она счастливит глубже, но и пожирает быстрее» (Томас Манн). Очень точные слова, они в полной мере относятся к Высоцкому.

Высоцкий и после смерти продолжает вмешиваться в жизнь «потом живых», становится для них личным чрезвычайным происшествием.

А тогда, в семидесятых-восемидесятых годах прошлого века, в эпоху безвременья и общественной немоты, — теперь (!) даже трудно представить, как это было нелегко...

Я это понял, когда с радостью и благодарностью встречался и разговаривал с людьми, которые имели хоть какое-то отношение к жизни и творчеству Владимира Семеновича Высоцкого. А ведь они уходят, прошло уже 30 лет со дня его смерти. И теперь каждая живая деталь, каждое подлинное слово Высоцкого становятся бесценными.

Вениамин Смехов: «В Магнитогорске после моего выступления подходит один человек:

— Вы мало сказали о Высоцком — человеке...

— Он — поэт, и этим интересен...

— Но в Библии об Иисусе Христе сказано все. А Высоцкий для нас — как Бог, и нам интересно все».

Добавим сюда известную поговорку: «То, что знает Бог, должны знать люди».

Воспоминания... Повторим, что каждый, кто знал Высоцкого, имеет право на голос... А время идет и люди уходят. С их смертью уходит навсегда та часть живого В.В., которой они были свидетелями, о которой знали только они.

И, конечно, воспоминания — это не место сводить сче-ты или выяснять отношения... А вот анализировать, спо-

рить, не соглашаться — это право потомков. И еще одно: ведь жизнь всегда всерьез, и за слова, сказанные за другого, придуманные за Высоцкого, тоже придется отвечать.

А как верить длинным монологам Высоцкого, которые воспроизводятся спустя пятнадцать-двадцать лет после его смерти. И ведь этим грешат многие «вспоминатели». А.А. Ахматова предлагала за введение прямой речи в воспоминания подвергать человека уголовному наказанию.

Вере или неверию Владимира Высоцкого посвящено много статей... Читаем у Даля: «Умение — половина спасения. Искусство — половина святости». В принципе, Высоцкий сам высказался на эту тему в своих последних стихах и песнях... «Купола в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал!», «Покарает Тот, кому служу...». Добавим еще известное: «Великий поэт не может не быть великим богословом». А кроме того, настоящий поэт — почти всегда пророк.

Болезнь нашего времени — неостребованность вечных истин, тех самых жизнестроительных истин, по которым и «делали жизнь». И Высоцкий — может быть, только и именно Высоцкий — заполняет эту нишу. Высоцкий — самый издаваемый и самый цитируемый поэт конца двадцатого — начала двадцать первого века. А может быть, еще важнее — Высоцкого продолжают слушать и петь. А чтобы точнее и полнее понять стихи и песни Высоцкого, надо знать, как он жил... Попытаться понять живого Высоцкого.

Что касается родителей Высоцкого, воспоминания которых публикуются в этой книге, то не будем забывать, что самое большое человеческое горе — смерть детей. Они были людьми своего времени — постараемся их понять... А я хочу попросить у них — у их памяти — прощенья за те огорчения, которые вольно или невольно им причинил.

В. Перевозчиков

Пятигорск, июль 2010 года

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Нина Максимовна
ВЫСОЦКАЯ

О ДРУЗЬЯХ И СОСЕДЯХ, О ВРЕМЕНИ И О СВОЕЙ СЕМЬЕ

На Малую Грузинскую к Нине Максимовне Высоцкой я попал по рекомендации Вадима Ивановича Туманова. Помню, что у нее уже была кассета с записью интервью на пятигорском телевидении, которую мы тогда же и прослушали. Правда, не до конца. Почему-то барахлила аппаратура.

Встречи эти происходили, начиная с конца 1987 года, а последняя встреча была в начале 1990 года. В это время шла работа над моей первой книгой «Живая Жизнь. Штрихи к биографии Владимира Высоцкого», в которой предполагалась публикация воспоминаний Нины Максимовны. А время тогда было бурное, сложное и очень интересное.

Это было время первых больших публикаций стихов Высоцкого; время первых статей о нем. Выходили первые книги — сборники стихов, песен и воспоминаний о В.В.

Кроме того, в это время начались публикации отрывков из книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». А потом вышла и сама книга. Параллельно развивалась «дачная история», шли споры о надгробном памятнике Высоцкому на Ваганьковском кладбище.

Естественно, все разговоры с Ниной Максимовной я записывал (даже разговоры из телефонных автоматов)... Записывал сначала в толстую тетрадь, а потом и на диктофон. Что касается встреч на Малой Грузинской, то однажды я даже пил чай на кухне, и Нина Максимовна показывала мне коробки из-под различных сортов чая... Потом я узнал

секрет знаменитого чая Высоцкого: «он по ложечке насыпал из разных коробок».

В текстах, которые публикуются в этой книге, попытка сохранить то время, когда так сложно и противоречиво начиналось изучение биографии Владимира Семеновича Высоцкого.

— О друзьях?.. Валера, понимаете, это вопрос щепетильный. Друзья в разные годы менялись...

Ваня Бортник — может быть, я что-то не знаю, но в последний год Ваня появлялся очень редко. Мне рассказывали, что Володя подарил Ване пластинку, чтобы директор санатория устроил его на отдых. А Ваня эту пластинку продал. Ваня ведь человек пьющий, и все может быть... Но я этому не верю. Я спрашивала у Вадима Ивановича Туманова, он тоже этому не верит. Я просто видела, что в последний год Ваня редко бывал на Малой Грузинской.

Вот обвинили Костю Мустафида... Как будто много лет тому назад Костя продавал Володины кассеты. На Матвеевской он много записывал Володю. Может быть, Костя кому-нибудь и переписывал за деньги, — а почему нет? Если его просили записать, может быть, он и брал за это какие-то деньги.

Я знаю только, что он приходил к Володе, что были разговоры о его диссертации, что эта диссертация хранится здесь, на Малой Грузинской... Значит, Володя ценил Костю.

Толя Утевский — это было еще на Большом Каретном... Я помню его, такой красивый парень, у меня даже его фотография есть.

Ветка Бобров — сын известного артиста эстрады... А это было время, когда молодые ребята были стилигами. Так вот, Бобров — он был стилига. Наш сыночек тоже — носил брюки узкие, пиджачок «букле». И была какая-то статья про стилига, где фамилия Боброва была упомянута. Какой-то случай в ресторане... А мы с Семеном страшно волновались, как бы это дело не коснулось Володи.

А когда Володя стал студентом, к нам на Мещанскую стали приходиться Валя Буров, Валя Никулин, Жора Епифанцев... Жора помогал нам переехать в новый дом. Он говорил: «Ну вот мы и переехали!» — и пришел к нам со своим добром.

— *Епифанцев мне рассказывал, что когда он оставался ночевать, то Вы стелили ему и Высоцкому на полу, чтобы было равенство.*

— Нет, не было этого. Еще Семен Владимирович купил громадную кровать. И она переехала сначала в новую квартиру, потом в Черемушки... Эта кровать стояла в спальне, и Володя с Жорой Епифанцевым спали на этой кровати, потому что на полу места не оставалось.

Жора... Здоровый и нахальный, мог открыть холодильник: «А у вас мясо есть?!». Вел себя как дома. Здоровый мужик и бесцеремонный. Это у него на полу спал Володя! И Жора об этом рассказывает в своих выступлениях... Как будто Володя спал у него на кухне — под столом! Я ему позвонила: «Жора, как тебе не совестно! Как можно говорить такие вещи на публике! Это в высшей степени неэтично. Почему ты Володю в таком свете выставляешь?!» А он говорит: «Ну а я что?! Нина Максимовна, и я часто на полу спал... Может, я выпил перед выступлением...» Вот он такой.

Конечно, это молодая романтика — тогда могли спать где угодно, даже на полу. Но все-таки... Конечно, его жена Лиличка (балерина Лилия Ушакова. — *В.П.*) была интеллигентная женщина. И даже если Володя спал на полу, то это было вполне прилично. Кстати, Володя и познакомил Жору и Лиличку, а потом они поженились. Она стала обставлять квартиру, а Жора разрисовал ей кухонный стол, под которым якобы спал Володя. А потом он как ударил кулаком по этому столу: «Вот не было у нас никаких мебели, и мы друг друга любили...» Как ударил по полированному столу — этот стол треснул! Жора — горячий человек. Да, была такая тройца: Роман Вильдан, Жора Епифанцев и Володя Высоцкий — они дружили тогда... Выпивали, конечно... У них в студии

были занятия по светским манерам, ну, например, как держать себя за столом. Так они в чашки вместо чая иногда наливали вино. И преподавательница рассказывала: «Я ничего не понимаю, к концу занятия они все такие веселые...»

— *Манеры у них преподавала княгиня Волконская.*

— Да, она очень удивлялась, почему они такие веселые.

А этот случай с морковкой, о котором Гарик Кохановский рассказывал, я тоже хорошо помню... Володя мне говорит: «Мамочка, мне нужно плесень на хлебе вырастить». А у меня на столе на блюдечке лежала морковка, я ее машинально прикрыла банкой и забыла. И на ней образовалась плесень — очень красивая плесень. И я Володе говорю: почему обязательно на хлебе? Вон у меня на морковке плесень есть.

Он так захохотал и говорит: «Ну хорошо. Я ее завтра возьму». И назавтра он принес эту морковку в школу. Класс хохотал! Потому что учительницу Елену Сергеевну прозвали «морковкой», и она это знала. А преподавала она ботанику, и когда все это увидела, то сказала: «Высоцкий, какое вы ужасное существо!». Потому что она, конечно, знала, какое у нее прозвище. А Володя сострил: «Я был веществом, а стал существом». И опять в классе все захохотали. Ну все мы в детстве шлодили...

— *Мне рассказывали, что Высоцкий точно копировал вашу соседку Гисю Моисеевну. Расскажите, пожалуйста, о ней.*

— Гися Моисеевна — мать Миши Яковлева, была очень интересная женщина. Например, она говорит:

— Вовочка, тебе звонил Сережа.

— Какой Сережа? Может быть, Гриша?

— Очень может быть, что Гриша!

Понимаете, она не очень запоминала все эти имена, а Володя потом повторял: «Это очень может быть».

У Гиси Моисеевны была старенькая уже мать — такая аккуратная старушка. И вот она входит к нам в комнату и говорит: «Здравствуйте, вы меня не узнаете? Я — Гофман, Гисина Мама. А где Гисин шкаф? А где Гисина тумбочка?». Володя моментально это схватывал и повторял: «Здравств-

вуйте, вы меня не узнаете?». И говорил это не с насмешкой, а по-доброму.

— *А отношения у вас с Гисей Моисеевной были хорошие?*

— Естественно! Гися Моисеевна, Софья Арменаковна, вот с ними были идеальные отношения. Вообще у нас у всех в доме на Первой Мещанской были очень хорошие отношения. Тетя Соня — Софья Арменаковна — знает Володю с самого рождения. Ее сын Миша — на двенадцать лет старше Володи. Володя с Мишей подружился уже в последнее время, когда повзрослел, стал студентом... К Мише приходили друзья, Володя с ними общался. Но Яковлевы были ближе всех.

Володя родился в январе — а дом у нас старый, да и плохо топили, — и у Гиси Моисеевны в комнате было теплее, чем в нашей, да у них еще керосинка горела... Так я с грудным Володей у них несколько раз ночевала. Это же за стенкой, мы же рядом жили. Да, у нас между комнатами когда-то были двухстворчатые двери. Это был один богатый двухкомнатный номер. Потом эти двери забили и заложили. Но когда семья Гиси Моисеевны переехала к нам, мы эти двери вообще открыли и общались, как будто одна семья. И обедали вместе, и чай вместе пили... На Новый год ставили одну елку, обедали вместе... А вообще Володя был самым маленьким в нашем коридоре — все с ним играли, его угощали, все его любили.

Гися просто обожала Володю... У нее был такой большой пуховый шарф, она Володю положит на кровать, прикроет этим шарфом, и он у нее спит. Когда он подрастал, все время бывал у Яковлевых. Однажды он Якову Михайловичу ка-а-ак даст! «Давона спать! Пора на работу!» — это мне потом рассказал Яков Михайлович. Все они Володю очень любили.

Софья Арменаковна Терминосян, вот они жили немного получше. И когда мы вернулись из Бузулука, все время — до конца войны — тетя Соня Володю подкармливала. Выйдет на балкон: «Ниночка! Идите к нам, я булочек напекла!».

Сейчас это трудно себе представить... Вот сейчас я бываю у Софьи Арменаковны, и мы говорим, что так уже ни-

кто не живет. Такое было время, и таких отношений между людьми уже нет.

Володя был такой хорошенький, кудрявенький — самый маленький в коридоре. Все его любили, девчонки его таскали — и кто булочку, кто конфету... Тогда ведь все вместе на кухне обеды готовили и друг друга угощали, хотя жили очень небогато.

Наша семья... Комната, в которой мы жили, все-таки была обставлена, у нас была старинная мебель, красивые обои. А ведь у других ничего такого не было. Стол, стулья с круглыми спинками, кровати, деревянный диван — вот и вся обстановка. Больше ничего! Все жили очень скромно. Вот семья одной моей подруги: в одной комнате жили тетя, мама и две девочки. Стояли четыре кровати, стол, комод — и больше ничего. А у нас даже скатерти были и красивые шторы, а не занавески, как у всех...

— *Расскажите о вашей семье...*

— Сестра Раечка, она рано умерла... В 1931 году, зимой. Ей был всего 21 год. А потом умерла моя мама. Брат Сергей... Очень красивый был мужчина: громадного роста, смуглый, черноглазый — все женщины обращали на него внимание. Учился в Севастополе в летном училище. Я до сих пор помню адрес: Севастополь, Кача, Первая летная школа, ученику летчика Сергею Серегину...

Начинал он работать в Оренбурге, летчиком-инструктором. Оттуда его вызвали в Москву, в штаб Военно-воздушных сил, здесь он тоже работал летчиком-инструктором. Тогда же были эти «звездные» дальние перелеты, он в них участвовал и был за это награжден. Во главе штаба стоял тогда Алкснис. Потом Сергей уехал из Москвы в другой город, где он уже командовал эскадрилей. У него было «три шпалы», то есть он был в звании майора. И вот там его арестовали, арестовали безвинно. Произошел такой случай... Шли учения, и одна бомба не взорвалась. Случайно ее нашли дети, произошел взрыв, и трое детей погибли. И вот в его личном деле сказано, что в этом виноват командир эскадрильи! Но откуда он мог знать, что бомба не взорвется, что дети пойдут по этому полю и найдут ее...

Началось следствие. Сергей был под следствием два года, один год в заключении где-то на Севере, на каких-то озерах... Приговорила его «тройка» — то есть судили без суда и следствия.

Потом Сережа вернулся, стал восстанавливаться. Все это тянулось, надо было добиться пересмотра дела и так далее... Один его друг помог Сергею устроиться на авиационный завод. Там он работал нормировщиком, еще кем-то... Он же был очень способный. И вдруг начальство вспомнило, что у них работает летчик, и ему дали летать, но уже на грузовых самолетах. А в письмах он мне писал: «Я уверен, что буду летать на боевых самолетах». Там, в Ульяновске, он и умер — в 1952 году...

— *Значит, Высоцкий его знал?*

— Конечно, Володя его знал, и уже потом Володя мне однажды говорит: «Мам, расскажи про дядю Сережу...» — «Ну что я тебе расскажу?.. Зачем это?» — «А-а, боишься, у меня же жена иностранка». — «Ничего я не боюсь, это она этого боится».

Ну а в те времена, конечно, Володя был мальчиком... Но я помню, что он очень переживал, когда Сергей умер... Сережа в последние годы жил в Ульяновске и приезжал к нам в Москву. Последний раз он приехал, — уже такой худой был — обошел всех своих родных и знакомых, как будто что-то предчувствовал. В Москве он был в сентябре, в декабре заболел, а в марте умер... Ведь на севере, в лагере, он такое пережил... Хвою ел, ягоды собирал, болел, в больнице лежал. Говорил там: «Сестрички, не дадите мне таблетку, чтобы вылечиться от тюрьмы?..» Сергей был такого веселого нрава. Но ведь там был — ужас! Сережа старался никогда об этом не вспоминать. Он безумно страдал от того, что все это было так несправедливо. Ни за что сломали человека! А вот теперь Генеральный штаб прислал мне бумагу, в которой говорится, что Сергей полностью реабилитирован.

Когда он вернулся, ему в Москве нельзя было жить. И он прятался у меня, смотрел из-за занавесок, не идет ли милиция. Все было очень строго, милиция все проверяла. Ну, а

потом он устроился на работу на этот авиазавод... Просился на фронт, но ему отказали. Сказали, что можете сопровождать эшелоны, а он хотел воевать, и воевать летчиком...

Он мне рассказывал про пересыльную тюрьму. Туда сгоняли тысячи людей, и они стояли вот так — впритирку. То есть люди не могли ни сесть, ни даже упасть. И вот они — несчастные и голодные — иногда умирали стоя. А когда кого-нибудь вызывали, была жуткая давка, и в этой давке тоже погибали люди! И в этой толпе они, изможденные, придумали такой полуприсед, чтобы хоть немножко отдохнуть.

И вот представьте себе, потом начальник этой Лукьяновской тюрьмы был директором завода, на котором я работала в эвакуации. И там он издевался над рабочими.

Так что, видите, сколько я пережила за брата... Да и за сестер...

— *И за племянника Николая?*

— И за племянника тоже. Ведь Николай остался один: отца нет, мать умерла. И вместо того, чтобы его отправить в детский дом, он попал в детский приемник. А это совсем другое дело, там они, мальчишки лет 14—15, работали на угольной шахте. И уже там Николай начал кашлять... Потом Николай мне говорил: «Я чувствую, что начал кашлять...» И тогда мальчишки решили оттуда бежать. И по дороге они, голодные, что-то стащили, чтобы поесть. Их поймали, и так он попал в лагерь, работал где-то на золотых приисках в Сибири... И сколько я за него хлопотала!

А когда Николай вернулся в Москву, — вы бы знали, какой он был худой. Просто скелет. А вернулся он по амнистии, да еще дорогой его ударили ножом в живот, и рана загноилась... Но он сказал себе: я всеми правдами и неправдами должен вернуться в Москву. И главное было для него сохранить справку об освобождении. И вот он приехал в Москву: квартиры нет, прописки нет — что делать?.. А ведь он приехал в таком страшном виде: казалось, что у него есть только кости, а мышц вообще нет. Как из Освенцима!

А у него в Москве была еще одна тетка, я пошла к ней и говорю:

— Надо как-то устраивать парня...

— Вот и устраивайте сами своего парня.

В общем, она так агрессивно меня встретила... Но ведь тогда все всего боялись. Коля живет у нас... Конечно, надо хлопотать, ведь он нигде не прописан. А где хлопотать? С чего начинать? А тут еще Коля заболел — у него активный процесс в легких. Ходить он не может, лежит... Что делать? Куда бросаться? И я начинаю хлопотать, звоню в больницу... Говорю: приезжайте, иначе человек может умереть. Лежит, а на нем все мокрое, как будто он из ванны вылез! Это все было еще на Первой Мещанской, еще в старой квартире — 1951-й или 1952 год. Ну и что делать? Я же работала... Приезжает врач, дает направление на рентген. И вот там, после рентгена, из кабинета выскакивает медсестра... Вот с такими глазами! «Кто здесь с ним?! Кто здесь Дартушина?!»

Я говорю:

— А что с ним?

— А вы кто?

— Я — тетка.

— У него ужасное затемнение в легких!

Ну, что делать — надо класть его в больницу, а как? Коля же нигде не прописан, у него даже паспорта нет. Я начинаю хлопотать, иду в райисполком. Все там рассказала, а мне говорят: «Мы понимаем ваше положение, но ведь он живет не на нашей территории. Советуем вам пойти в свой исполком». А тогда ведь все было проще: я сразу попадаю в приемную председателя нашего исполкома, а он уже собирает-ся уходить. Я к нему:

— Вы уже уходите?

— Да, ухожу. А вы ко мне?

— Да, к вам.

— Ну, пожалуйста.

Представляете? Возвращается в кабинет, предлагает мне стул. И я говорю:

— У меня вот такая ситуация, в квартире такой больной человек...

И он меня направляет в другой кабинет: «Идите к товарищу Шепелю и расскажите, что у вас такая проблема... Все подробно ему расскажите».

Я пошла, а это оказалась женщина. Все подробно ей рассказала... И на следующий день с работы ей звоню. Она отвечает: «Я ничего не забыла, все идет своим чередом». Прихожу вечером домой, оказывается, что она сама побывала у нас и посмотрела Колю... А соседи все ей рассказали. Ведь все они — и Гися Моисеевна, и Людмила Яковлевна — помогали, ходили к нам, кормили Колю... И эта Шепель мне говорит, что надо пойти туда-то, взять такие и такие документы.

Ой-ой-ой! Сколько я тогда выходила!.. У меня была целая записная книжка: куда и когда надо идти, с кем говорить... А у меня же работа, правда, меня отпускали иногда... И однажды я прихожу домой, а Коли нет. Наконец его забрали в больницу. Я сразу туда, а сестра говорит: «Вот и мамочка твоя пришла...». А когда она его раздевала, то говорила: «Милый мой, откуда же ты такой явился?». А Коля говорит: «Откуда-откуда? Оттуда, где и Макар телят не гонял...»

В общем, у него туберкулез, и он лежит в больнице в Сокольниках полгода. Я езжу к нему почти каждый день, падаю с ног, но что же делать... Потом меня вызывает главврач и говорит: «Мы не можем его больше держать, курс лечения закончен. Но просто так выписать мы его не можем — он же без паспорта».

Я опять в наш исполком: ну дайте, наконец, паспорт человеку. И наконец мне дают паспорт. В больницу Коля лег летом, а вышел зимой. И вот всем домом мы собирали ему одежду... Кто-то дал пальто, кто-то — шапку, зимние ботинки... Вот такая история...

— А Высоцкий общался с Николаем?

— Володя с ним, конечно, общался, но не так много. Он даже говорил Николаю: «Коля, ты на меня не обижайся, я же учусь, я же — студент».

А вообще, вы знаете, Валера, это очень тяжелая тема, и я стараюсь ее не касаться...

О МАРИНЕ, О ДАЧЕ И О НАСЛЕДСТВЕ

Что касается Марины... Марина прилетает 23 января. И я вас уверяю, Валерий, все с ней будут общаться... Я Вадиму Ивановичу (Туманову. — В.П.) сказала: «Вы должны высказать Марине свое мнение. И очень резко ей сказать, что вы думаете о ее книге».

А вы знаете, что Марина подала в суд на газету «Советская Россия»? Подала за неточный перевод... А женщина, которая переводила этот отрывок, — очень образованный человек... Она говорит, что во французском языке нет такого слова «алкоголик». А там речь идет вот о чем... Марина пишет, что вот она приехала в Москву, познакомилась с молодым человеком, а ей говорят: «Это сейчас он не пьет. А вообще он — алкоголик. И потом он тебе покажет...» А если бы Марина хорошо владела русским языком, то она могла бы написать так... Что он часто себя не сдерживает, ну, наконец, выпивает. Но не алкоголик же! И вообще она не должна была об этом говорить.

Потом она путает многие факты... Возьмем этот трагический случай у Абдуловых... Во-первых, было желудочное кровотечение, а не «пошла кровь из горла». И это было не в тот момент, когда якобы Володю не пустили в автобус, он расстроился, вышел из себя, и поэтому все произошло. И произошло это потому, что он жил в постоянном напряжении.

Потом, она пишет о каких-то тяжбах, о судах... Да, это было, но это мы ходили, волновались, терзались. А Володе звонили по телефону и вызывали в суд. А он сказал: «Оставьте меня в покое! Я никуда не пойду! Не звоните мне больше и не мешайте мне работать». Повторяю, он все время был в напряжении.

— Эта история с группой администраторов Кондакова?

— Наверное... Ведь Володя многое не рассказывал. Я только слышала его разговоры по телефону и видела эти

повестки в суд, которые я запихнула подальше, чтобы они не попадались Володе на глаза.

Да, а в главе, где говорится о Семене Владимировиче, она якобы пишет Володе: «Милый мой, ты не знаешь, в какой стране ты живешь...» И это пишет француженка, это у них все продается и все покупается, а не у нас...

А еще она недавно снялась в антисоветском фильме... Во втором подъезде нашего дома живет женщина — переводчица из Министерства культуры. И она мне сказала: «Когда мы недавно были в Париже, мы просто ушли с этого фильма. Отвратительно! Невозможно было смотреть!» Но Марина же вывернулась, она сказала: у вас же перестройка, у вас все будет по-другому... И почему не снять такой фильм?..

А вообще Марина — женщина умная, очень практичная, очень деловая. У нее же большие связи. Я знаю даже, что она знакома с самим Горбачевым и даже подарила ему свою книгу...

— Наверное, она знакома с женой Горбачева... Марина встречалась с Раисой Максимовной в Париже...

— Может быть... Но вы представляете, что Горбачев такое читает про ее мужа!

— Но книга же на французском...

— Ну что такое Горбачева — книга на французском... Садятся четыре переводчика и в одну ночь переводят всю книгу. И даже напечатывают! А там написано: первый экземпляр — тому, второй экземпляр — тому и так далее. И все наше правительство читает книгу Марины!

Я вот сейчас сниму все ее портреты и вынесу из дому! Она кровно нас обидела, обидела всех детей и внуков!

Ведь книга издается не на один день. Она будет стоять в библиотеках, и ее будут читать. Одна женщина написала в издательство «Прогресс», чтобы какие-то места смягчили, а какие-то — убрали совсем! У нас же не принято об этом говорить. А какие слухи и сплетни пойдут...

— А 25 января вы будете в театре?

— Конечно, буду! Хотя спектакль мне не очень нравится. Там мало гражданственности, а ведь у Володи есть пес-

ни, которые действительно берут людей за душу. Хотя Любимов собирается там что-то менять... А так у меня остался осадок — какой-то легковесности. Мы сидели в зале и держались... Там Ваня Бортник поет, как будто он пьяный.

Понимаете, какая-то чушь получается. Человек работал в театре, снимался в фильмах, выступал в сотнях городов Советского Союза, общался с людьми, ездил в границу... Существуют тысячи фотографий — и ни на одной нет пьяного Высоцкого! Понимаете? Когда же он пил, если он столько работал?! Он столько создал стихов и песен, и разве можно это выносить на первый план?

Володя не пил... Если он выпивал — это была болезнь! Он болел! Если только это происходило, Володя был похож на подстреленную птицу. А она пишет о том, что он приползал пьяный домой! Да как она смеет?! Когда мы жили вместе с Володей, ни одного такого случая не было. Правда, если где-то собиралась компания, то он любил оставаться там, у товарищей... Ну, сидели они ночами, разговаривали, а мы жили далеко.

Ну кому интересно, что Володя, — как пишет Марина, — ледяной ложился под одеяло, что у него были судороги... Ну кому это надо?! Это бульварная литература — и больше ничего. В газете «За рубежом» перевели то место, где Марина пишет, как Володя с пренебрежением пнул шприцы... Ну что это?! Я вчера Никиту спросила:

— Никита, ты когда-нибудь видел папу пьяного или в непристойном виде?

— Нет, я про такое даже и ничего не знаю...

Я могу точно сказать, что Володя никогда и никого не обидел и не оскорбил — даже если он был в таком состоянии. Он болел! В общем, он был такой несчастный человек, которому нельзя было выпить.

А Володарский?! Он же пьет постоянно. У него, правда, бывает такое: он останавливается, и тогда работает как вол. И он часто пишет про милицию, поэтому у него такая мощная поддержка. Но с народом ему связываться не стоит!..

— Володарский ведь и дачу Высоцкого разобрал...

— Ну, это разговор отдельный. Я считаю, что в этом отношении не надо на Володарского бочку катить. Потому что он дал Володе этот кусок земли... А они — Марина и друзья — начали эту дачу продавать. Сначала Артур Макаров хотел купить, потом другой человек, которого Володарский не хотел. Но я же не в курсе всех этих дел. Это Марина занималась этим, она все решала, и все «друзья» ей помогали. А от нас все скрывали, шептались в коридоре, даже дверь закрывали...

Мы в это дело не вмешивались, да у нас никто ничего и не спрашивал. Они сами все обсуждали и все решали. Я тут занималась хозяйством и слышала, как Артур Макаров сказал: «Сорок тысяч за дачу я отдам, но только не сразу. Сразу я не могу». А Марина говорит: «Ну, хорошо! Ты эти деньги потихоньку будешь переводить Нине Максимовне...»

Благородный жест — переводить деньги матери. А когда там жил Макаров, к нему приезжали его друзья грузины, кутили там... А Володарскому все это было неприятно! Он эти шесть соток отдал Володе, а Володи не стало... И ему все эти кутежи стали неприятны. Потому что Артур — это же не Володя, это же совсем другое дело.

Потом Сахнин хотел купить дачу, что-то мне названивал, а я не в курсе дела. Этот Сахнин писал какое-то заявление в дачный кооператив, но все это было мимо нас... А потом Володарский решил — зачем кто-то чужой будет жить на его земле... Потом он хотел взять себе этот дом под библиотеку, но ему не разрешили, потому что у него свой дом очень большой. И он в сердцах этот дом разобрал. А мы даже в Моссовет обращались, чтобы сохранить эту дачу. И вот тогда у Володарского и пошло зло против меня. А я вообще не злой человек и не люблю все эти склоки, эти выяснения отношений — это не в моем характере.

Да, я написала заявление в Моссовет — Степанову: то и то-то произошло... Написала о том, что нужно сохранить этот дом, что Володарский в своих произведениях гово-

рит о чести и достоинстве, а в жизни поступает совсем иначе... После этого звонит его жена Фариды: «Вот, вы на Эдика всякие гадости пишете...» «Какие гадости?! А вы читали? Вот скажите, какие гадости в этом письме?»

Потом уже сам Володарский стал мне писать письма, потом он стал требовать деньги за тот сломанный дом, на месте которого Володя построил дачу. Я позвонила Нагибиной, они там рядом живут... И она говорит: «Какой это был дом?! Его тронуть пальцем, и он бы развалился! Не дом, а шепка. И что это Эдик выступает... Пусть сначала расскажет, как он Кирсановым деньги за свою дачу не отдавал.

То да се. А Фариды говорит:

— Нет, никому этот дом мы не продадим.

Звонит мне:

— Вы знаете, Нина Максимовна, мы решили этот дом сами купить. За десять тысяч рублей.

— Но вы же прекрасно знаете, что этот дом стоит гораздо больше!

— А вы видели наш дом? Вот наш стоит десять тысяч, а Володин гораздо хуже... Но мы предлагаем вам официально оформить все за десять тысяч...

— Вы знаете, Фариды, — оставьте меня в покое. Я в этом деле не участвую, ничего не знаю, какие у вас дела делаются. Пожалуйста, не звоните мне больше.

А в это время Марина с друзьями собралась подавать в суд на Володарского. Какая-то расписка Эдика у них была...

И тут все это произошло! Володарский разобрал Володину дачу. Конечно, он мог оставить этот дом, дом мог бы стать музеем... И ничего страшного не было бы, если бы родители хоть раз в неделю приезжали туда, чтобы поддерживать там порядок. А так все пошло прахом.

Но дело в том, что дом не был официально оформлен, то есть — построен незаконно... Володя мне как-то сказал:

— Мамочка, вот дачу строю...

— И где же ты ее строишь?

— У Эдика Володарского...

Володя так его называл — Эдик...

Я говорю:

— Милый мой! Ты же эту дачу строишь на песке!

— Почему, мамочка, на песке?

— Знаешь что, придет новый хозяин земли, и что ты будешь делать?

— Ну и что, я ее на новый участок перенесу. Она же у меня будет разборная.

Понимаете, все-таки дача была построена, повторяю, «незаконно». А теперь получается все законно. Материалы останутся детям Володи, а нам, родителям, что надо?! Мне надо погулять на природе — я в Ромашково поеду и погуляю...

— А какие были отношения у Володарского и Высоцкого?

— У меня такое впечатление, что Володе с ним было интересно, все-таки среди всех Володиных друзей он один был писателем, они сценарий вместе написали («Каникулы после войны». — В.П.). Сейчас Аркадий работает над этим сценарием, кстати, вместе с Володарским. Аркаша на правах наследника и как соавтор. Ну а дача... Аркадий считает, что к нему это не имеет никакого отношения. И я могу сказать, что Володарский Аркадия опекает.

А нам никакие дачи и машины не нужны. Мы сына потеряли — и ни в какие дела не вмешивались. Тогда они в этом доме шуровали... Сидели тут все друзья Володи вокруг Марины, как цыплята вокруг наседки. Это она тут всем командовала. А нас запутали, опутали — только так! А машины незаконно вывезли из Москвы, вывезли без всяких доверенностей. Правда, Марина сразу сказала: «Я возьму только две машины». И никто тогда не возражал, ведь они имели дело с порядочными людьми.

И вот еще что, Валерий... Марина после смерти Володи стала совсем другим человеком. Значит, похоронили мы Володю все вместе... На девять дней ее не было, она прилетела на сорок дней. Она, конечно, переживала — очень похудела. Тогда Марина была в ужасном состоянии, но она уже занималась делами. Наследственными делами... А мы же — советские люди — ничего не знаем об этом. И ничего не хо-

тели делать. Машины не мы покупали, дачу не мы строили... Мы потеряли сына, страдали, а остальное — как идет, так идет. Всю Володину одежду Марина оставила детям — будет она еще с мелочами возиться. А вокруг нее крутились Валера Янклович, Игорь Годяев, Артур Макаров — они все ей тут помогали.

У Володи была звуковая установка — японская, белого цвета, «Пионер». Он купил ее за несколько тысяч еще на Матвеевской. Очень красивая установка, такие большие деревянные тумбы (звуковые колонки. — *В.П.*), проигрыватели разные, какие-то штуки стояли на штативах (микрофоны. — *В.П.*). И вот Володя с Мариной уехали за границу, а вещи его все стояли у меня, за ширмой, до самого потолка — тюки. И все мои сотрудники принимали в этом участие и перевозили... В этих же тюках была и эта установка... А когда они вернулись, уже в новую квартиру, что им нужно, то и распаковывали. И первым делом Володя взял эту установку. А потом они здесь (на Малой Грузинской. — *В.П.*) все стали переклеивать, обои переклеивать... Володя даже нанимал человека, который руководил этим ремонтом. Ну, вот все. Переехали они в свою квартиру — установка на месте... Но через некоторое время появилась другая музыкальная установка — две большие ажурные тумбы, она записывала и на катушки, и на кассеты... Громадная, еще больше чем, «Пионер». Я приехала к ним и говорю:

— Ой, Володя, какая-то эта новая — некрасивая. Та была лучше.

— Мамочка, а ты знаешь, сколько она стоит?

— Ну, я в этом ничего не понимаю, но мне кажется, что та была интереснее.

Но, видно, она была ему нужнее, чем прежняя.

Когда Володи не стало, Марина меня как-то выпроводила из квартиры — на рынок или в магазин, уже не помню, — а они тут стали сами шуровать, канителиться. И когда я вернулась, увидела, что установки нет. Я тогда Валерию Янкловичу сказала: «Вам не кажется, что вы унесли второй гроб

из дома?» — «Ну что Вы, Нина Максимовна, ничего подобного». В это же время пришел Никита, посмотрел, увидел и спрашивает: «А почему вы взяли папину установку? Он же на ней работал...». И Никита сам поговорил с Мариной. А я никому об этом ничего не говорила, правда, позвонила Семёну Владимировичу:

— Куда-то исчезла Володина установка.

А еще я спросила вахтера: выносили вчера какие-нибудь большие ящики или коробки? Она говорит: нет, не выносили. Я сразу догадалась, что установка у Нисанова. И только через несколько лет это подтвердилось официально — Марина продала ее Нисанову за 11 тысяч. А Никита, когда сказал, что «папа работал!», спросил у Марины... Я захожу в комнату, а она уже на взводе, вся взвинченная...

— Вы что-то Никите сказали?!

— Ну, а что я ему сказала? Он уже взрослый человек, он сам все увидел и все понял. Он же несколько раз приходил к отцу, держал в руках тексты, а Володя работал.

В общем, все они считали, что все, что есть в квартире, — принадлежит Марине. О Володе уже никто и не думал. Потом я сказала Семёну Владимировичу, что вынесли установку. И он позвонил Марине: «В чем дело?! Где установка?» А Марина и Никите, и Семёну Владимировичу сказала одно — что установка Володе не принадлежала... Якобы это установка Бабека, и ее нужно было вернуть. И после этих разговоров они все сказали Бабеку, что, в случае чего, ты говори, что установка твоя.

А Никита говорит: «Что это за таинственная личность такая — Бабек? Машины — Бабека, установка — Бабека. А что у папы ничего своего не было?!»

Мне ничего не надо, но как-то это все не так делалось... Рукописи вывезли безобразно, фотографии тоже увезли. Потому что в тот момент — после смерти Володи — я ничего не соображала, ни о чем не могла думать. Это они что-то увозили, что-то привозили... А потом я получила анонимное письмо, что среди Володиных друзей есть предатели. Ведь

кто-то же придумал легенду, что и машина, и установка принадлежали Бабеку. Но когда Марина поняла, что без установки большая комната как-то опустела и что-то в этом не то... Тогда мне купили маленькую установку, а я ей никогда не пользуюсь! Никогда!

Марина прилетела в очередной раз:

— Ну как установка?

— А я не знаю! Никогда и ничего на ней не делаю.

— Ну почему?

— А я не хочу.

Вот так они тут хозяйничали... Потом искали какие-то документы. Да, у Володи был еще один магнитофон, он стоял в спальне. Он включал его перед сном, обычно слушал какие-то классические вещи — его тоже кому-то отдали. И все это было на наших глазах, мы только смотрели и удивлялись.

И вот после всего этого — а ей еще кто-то что-то нашептал — она сама что-то надумала... И она уехала из дома, жила на даче. А я переживала, плакала, говорила по телефону:

— Почему ты уехала?! Кто тебе чего сказал? Возвращайся домой... Но она уже не вернулась.

Москва, Малая Грузинская, 19 января 1988 года

ЕЩЕ О МАРИНЕ, О ЕЕ КНИГЕ, И О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО В ИЮЛЕ 1980 ГОДА

— Валерий, вы приехали и уехали, а мы здесь живем. Первая гадость была — Маринина книга, и вы должны были сделать все, чтобы эта книга померкла... Я плакала, когда читала «Столицу»... (Журнал «Столица» — публикация «Скорбный лист, или Как умирал Высоцкий». Интервью В. Первозчикова с Л. Сульповаром и А. Федотовым.) Как вы могли опубликовать это при живых родителях! Почему никто не пишет, как умер Даль? Как умер Богатырев?

И люди не молчат — звонят Мальгину (Андрей Мальгин — в то время главный редактор журнала «Столица». — В.П.). А вы знаете, что у палаточного городка, у самого Кремля один человек держал плакат: «Требую выяснения обстоятельств смерти Высоцкого!»

Я сама себя уговаривала — ну, может быть, это ничего... Я не могу сказать, что это гадко, — нет. Это написано по-доброму, но зачем?! Скажите, Валерий, зачем? Меня берегли, долго не говорили об этой статье... Вы должны были выступить в защиту Володи, а получилось... Может быть, вы запретите перепечатку? Да нет, это невозможно... А мне Володю так жалко!

Ведь это была болезнь... На Володю же невозможно было подействовать в таком состоянии, но мы же старались... Старались уберечь, чем-то отвлечь. Он же ничего не ел — мы варили бульоны, поили соками... И что это такое — «уход в пике»? Никуда он не уходил, его мозг постоянно работал, он страдал, и страдал тот, кто его любил. Мать страдала! Пусть это уже не тайна, но зачем еще раз?!

А последние дни?... Я вернулась в Москву 10 июля. Володя сказал мне, что умер Колокольников (актер Театра на Таганке. — В.П.), что похороны через два дня... Но на похоронах Володя не был. 14 июля я тоже была у Володи. 16-го у него был концерт где-то за городом... Я им говорю: «Возьми-те меня с собой. Я хочу поехать...» А Володя:

— Подожди, мама. Скоро будет концерт в Москве, вот тогда поедешь со мной...

Потом открытие Олимпиады — это 19 июля. Я фотографировала, но было такое оцепление, что ничего не получилось. Зашла к Володе, пришли дети... «Мама, возьми там, в холодильнике, покорми ребят... А я поднимусь к Нисанову...» Вернулся Володя уже плохой...

23-го — весь день была у Володи... Уехала поздно, легла спать. Две ночи не спала — отключила телефон. Просыпаюсь — звонок в дверь, соседи... «Вам звонят, Нина Максимовна! Срочное дело». Валера Янклович: «Нина Максимов-

на, отправлять или не отправлять Володю в больницу? Ваше мнение?» Я говорю: «Конечно, отправляйте! В любом случае отправляйте в больницу!»

Ну а 24-го... Снова целый день у Володи. Я же говорила Севе Абдулову. «Сева, останьтесь!» Так нет же — у него гастролы, репетиция... Если бы я была там ночью, может быть, Володя бы и не умер. Это гораздо раньше он мне сказал: «Я скоро умру, мамочка», — еще в марте... А если бы Володя тогда сказал: «Я сегодня умру...» — разве бы я не осталась?! Я бы, конечно, осталась.

Сульповар... Ну кто он такой?! Один раз видела его у Володи — ну и что? Эти люди не его врачи, а его враги. А Федотов?! Мы ему вообще не доверяем. Люди ходили к нему... Они его разнесли! Он сказал, что разговаривал с Перевозчиковым, что Перевозчиков записывал, но как получилось, что эта статья вышла, он не знает... Пусть он и признает свою вину... Да кто он такой?! Эти врачи неправильно лечили Володю. Мне один профессор сказал... У меня есть копия диагноза — и там все не совпадает.

Годяев Игорь... Приехал 25-го, после смерти, но он раньше появлялся в доме... Хотя Игорь больше крутился около Марины. И тут много загадок... Зачем он взял кассеты Вадима Туманова? Почему у него фотография Володи с Мариной на Таити? Сосед видел, что Годяев выносил какую-то коробку, а с чем?

Валера Янклович! Ну, что он нес на пресс-конференции?! (1 марта 1989 года. Пресс-конференция, посвященная выходу книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». — В.П.) Мне люди все рассказали... Валера же кричал в зал такие вещи, и после этого еще смеет приходиться в дом?! Пришел летом на день памяти Володи, подходит ко мне — целоваться. Я отвернулась: «Мне не нужны ваши поцелуи!»

Семен Владимирович был просто в бешенстве — он был готов всех их разорвать на куски! Я допускаю, что Семен мог что-то резкое сказать Володе, может быть... Но он — отец Высоцкого, заслуженный человек, он имеет право. У него же двадцать шесть правительственных наград!

Марина... всю страну наводнила ее книга — говорят уже три миллиона напечатано. Она пишет про 1500 писем! А сколько они прожили вместе, и зачем писать столько писем?! И куда они делись? Я их нигде не нашла... Валера, ведь я ее так любила... А как она меня изобразила в своей книге?! Она пишет, что семь бутылок водки — это была норма! Но ведь этого не может быть! Это даже алкоголики говорят...

В ВТО Марина сказала, что с родителями она не контактирует. А почему? Там показывали фильм Солдатенкова «Я не люблю»... Я все время хожу с бокалом — зачем это было нужно показывать?! Я бы никогда не пустила в дом Солдатенкова — это тогда Марина настояла. Я звонила председателю комитета по кинематографии...

— Надо просматривать такие фильмы...

— Я смотрел. Фильм политически выдержан.

— А... Теперь все можно.

Демидова книгу написала — там столько ошибок! Зачем она пишет, что Володю рвало кровью?! Люди забывают, что родители — живые люди и они — страдают. И зачем она рассказывает это, почему люди должны это знать?! (А. Демидова в своей книге упомянула о Георгии Бантоше — вторым муже Н.М. Высоцкой. — В.П.)

Чижков выпустил книжку... Рерих, Джуна и Марина Влади. Ну помог он с архивом, ну и что? Но книга написана хорошо.

Зимой в театре нескладно все получилось... У меня ведь много близких людей. Звоню.

— Нина Максимовна, вы не подавали заявку. Для вас отставлено четыре билета.

— Я же — мать, а не организация! Какая еще заявка!

А у Никиты из ФРГ приехал спонсор его театра, ну как его не пригласить?! Потом попросили у Любимова малый зал для театра Никиты — он отказал. А ведь у Володиного гроба все клялись помогать.

Театру сейчас нелегко... А мне легко? Директор Ваганьковского кладбища заявляет:

— Мне надоело вывозить цветы с могилы Высоцкого — пусть театр вывозит!

Я говорю:

— Это же люди приносят.

— Тогда напишите объявление — пусть люди сами убирают, а то завтра придет Вилли Токарев, и ему будет негде цветы положить.

Да кто он такой — Вилли Токарев?!

Подходит женщина на кладбище: «Я — сестра Владимира Высоцкого! Я пишу стихи, а меня не печатают. Помогите, пожалуйста!»

Люди спрашивают: «А правда, что отец Высоцкого будет похоронен рядом с ним?» А что в этом такого? Это такая русская традиция. Подошла одна женщина из Греции: «Я купила две пластинки вашего сына. Высоцкий проник мне в душу!»

Вы должны выступать на нашу защиту, а не давать возможность все это смаковать. Враги это используют. Я верю в ваши добрые намерения.

Москва, осень 1990 года

Семен Владимирович
ВЫСОЦКИЙ

О ВОЛОДЕ, О ДРУЗЬЯХ ДЕТСТВА И ОБ ИОСИФЕ КОБЗОНЕ

Семену Владимировичу меня представила Нина Максимовна: «Семен, ты поговори с человеком, он журналист, встречался с Володей. (В сентябре 1979 года я записал с В.В. телевизионную передачу на Пятигорской студии ТВ. Фрагменты этой записи до сих пор используются в спектакле Театра на Таганке «Владимир Высоцкий». — В.П.) А еще он не в свои дела не лезет».

Чаще всего мы разговаривали втроем на кухне, где Евгения Степановна угощала нас домашним апельсиновым напитком, «который гораздо лучше «Фанты».

Тогда мы работали над текстом воспоминаний Семена Владимировича и Евгении Степановны для моей первой книги о В.В. — «Живая жизнь». И у меня сохранился машинописный экземпляр с собственноручной правкой Семена Владимировича Высоцкого.

На этой же кухне было записано интервью с Лидией Николаевной Сарновой — племянницей Евгении Степановны, которая некоторое время одна воспитывала Высоцкого на Большом Каретном.

А потом практически на моих глазах произошла ссора Семена Владимировича и Нины Максимовны... Не мне судить, но Семен Владимирович — с его непростым характером — часто бывал чрезмерно резок и несправедлив.

Дважды Семен Владимирович принимал меня один... Принимал в комнате, в которой было много шкафов с книгами, большое количество портретов Высоцкого, знаменитая коллекция зажигалок (пополнением которой занимался В.В.) и часы из Германии, которые были куплены по просьбе маленького Володи.

И только один раз Семен Владимирович разрешил мне включить диктофон. Я записал его рассказ о том, когда и где были сделаны детские фото В.В. Но, естественно, разговор перешел и на другие темы. Перед вами расшифровка этого разговора.

Перевозчиков Валерий Кузьмич: Семен Владимирович, есть такая запись: песню Высоцкого «Татуировка» исполняет Леонид Утесов...

Высоцкий Семен Владимирович: Я слышал эту запись... По-моему, это какой-то пародист. 25 сентября мы были на юбилее Кобзона, сидели рядом с Тонечкой Ревельс — женой Утесова, болтали о нашем славном прошлом. Так она об этом даже не упомянула.

И я не думаю, чтобы Утесов пел Володину песню, скорее всего это дружеская пародия на самого Утесова. Хотя надо уточнить у Тонечки... Тонечка Ревельс — это женщина,

которая унаследовала все имущество Утесова, ей принадлежат все авторские права. Она — балерина, которая танцевала с мужем в его ансамбле, а потом переехала к Утесову и жила с ним всю жизнь...

Перевозчиков: Кстати, вчера я был у Олега Николаевича Халимонова, и он говорил, что в 1972 году Высоцкий собирался дать Иосифу Кобзону две свои песни...

Высоцкий: Кобзон пел Володиные песни и сейчас поет. Я помню, как Иосиф приходил ко мне с Гурченко, а привел их Володя. Кстати, когда Кобзон был мужем Гурченко, там Сева Абдулов крутился — он влюбился в Гурченко. И они с Кобзоном даже дрались из-за нее...

Перевозчиков: Да, об этом есть и в книге Павла Леонидова...

Высоцкий: И это правда. Хотя в книге Паши Леонидова есть много гадостей и антисоветчины, но такое дело было.

Кстати, Кобзон получил «народного артиста СССР», и все у него в порядке теперь. Так что он пел и поет Володиные песни и никогда не переставал петь. Да, еще Иосиф поет посвящения Володе — Булата Окуджавы и Андрея Дементьева на музыку Мигули. Так что Иосиф — человек достойный во всех отношениях.

Перевозчиков: Иосиф Давыдович же помогал и на похоронах Владимира Семеновича...

Высоцкий: Да, это так. Когда мы все были практически в невменяемом состоянии, Кобзон сделал все! А теперь даже не говорит, сколько он заплатил за поминки... И со мной он даже не хочет разговаривать на эту тему.

А вообще, Валера, ты в эту тему (смерть, поминки) не лезь — это не твоя епархия. Иосиф сделал после смерти Володи больше, чем все близкие друзья вместе взятые. Хотя на концертах он говорит, что я, к сожалению, не был другом Владимира Семеновича.

Перевозчиков: А в 1965-м или 1966 году Владимир Семенович предлагал Кобзону свои песни, а тот ответил: «Молодой человек, через некоторое время вы сами будете петь

свои песни...» И дал им с Людмилой Абрамовой двадцать пять рублей.

Высоцкий: Все это вранье! Это ты в повести «Кольцо» прочитал? Там все вранье! И если Люся Абрамова и рассказывала эту глупость, то я ее за это очень серьезно ругал.

Перевозчиков: Но это же она сама рассказала...

Высоцкий: Да, но она рассказала этому корреспонденту, а я знаю, что все корреспонденты — жулики. Еще этот Колодный написал... В «Московской правде»... Я никому сейчас не верю! Потому что всем корреспондентам нужна сенсация. Всем нужны тити-мити (деньги. — В.П.) — пусть даже это стоит всего десять копеек...

Что сейчас делается?! Сейчас Антимоний вырвался в специалисты по Высоцкому. Человек, который при жизни Володю не знал. Бегал вокруг театра, что-то там делал... А Эрик Милосский, который с Володей работал, остался ни с чем, его выгнали отовсюду. Хотя сейчас вот он пишет в «Студенческий меридиан»... (публикации в журнале «Студенческий Меридиан» — «Владимир Высоцкий. Эпизоды творческой судьбы». — В.П.).

Но Антимоний взял у Марины копии рукописей Володи, которые украли у меня. Правда, украли всего 130 листов только, а остальное было в чемодане у Валерия Павловича Янкловича, а потом у Давида Боровского. А сейчас у этого Антимония доверенность Марины, и получилось так, что от него все зависит: он может дать или не дать текст. И хотя срок доверенности закончился, он делает вид, что ничего об этом не знает. Лезет везде, лезет править стихи Высоцкого! Я ему позвонил и сказал: «Удавлю! — если будешь еще лезть не в свое дело». И он меня понял. Но представь, Валерка, сейчас с этим Антимонием работает Сева Абдулов, потому что этот Гарик имеет доступ в ЦГАЛИ (в Центральном государственном архиве литературы и искусства хранятся рукописи Высоцкого. — В.П.). Доверенность Марины кончилась, а он продолжает туда ходить... Да, Марина же недавно была в Москве два дня.

Перевозчиков: Я знаю, мне Абдулов рассказал, я вчера был у него.

Высоцкий: Слушай, Валера, зачем тебе ко мне ходить? Если ты имеешь доступ к самому Абдулову! Так что, Валера, действуй по тому направлению...

Перевозчиков: Да ладно, Семен Владимирович... А вот когда Высоцкого быстро соединяли с Парижем — вы случайно этому не способствовали?

Высоцкий: Нет, там есть такая Люся Орлова — очень хорошая женщина. А ты знаешь, что Володя делал концерт на международной?

Перевозчиков: Да, знаю, даже видел фотографию у Бортника... Там Володя с Иваном, и там же должна быть Люся Орлова. Семен Владимирович, вы как-то упомянули Барышниковых — друзей детства Высоцкого. А в какое это было время?

Высоцкий: В мое время! Во времена Нины Максимовны у Володи был только один настоящий друг — Севрюков. Все остальные друзья появились в мое время. И всю жизнь они крутились у меня, на Большом Каретном. А кто их там опекал?! Евгения Степановна, Лида Сарнова, да еще Лидин муж — Левка Сарнов, это мой друг детства. Я же полтора года служил в Киеве, и они все вместе воспитывали там Володю. А в это время Нина Максимовна жила со своим Жорой Бантошем, который бил Володю! Сволочь! Я же этого Жору взял за грудки и сказал: «Сволочь! Ты с кем разговариваешь?! Я же тебя в землю вгоню!». А Жора был мужик здоровый, если бы он мне врезал, так я бы далеко покатился... Но он был трус и испугался: «Я сейчас в милицию пойду!». А я говорю: «Да не дойдешь ты до милиции!». Это когда Нина Максимовна прислала ко мне Володьку... Тогда Жора первый раз побил Володю и бросил в него эту бронзовую штуку... Вот попал бы — и не было бы Володи! Но Володька как-то увернулся. Вот тогда-то Нина и закричала: «Иди к папе!».

А ведь у меня есть абсолютно четкий документ, что суд Свердловского района Москвы присуждает сына отцу. Так там было и написано... Из-за несовместимости жизни мате-

ри и ее незаконного мужа с моим и ее родным сыном. Нина с Бантошем же была не зарегистрирована, Жора не хотел расписываться с ней. Так вот, была несовместимость их жизни с жизнью моего сына. А теперь ей надо оправдаться... И она еще имеет нахальство получать все эти награды, причем я ничего об этом не знаю. Мне звонят и говорят: «Семен Владимирович, мы сегодня вручаем «Свидетельство о звезде Высоцкого». — «Кому вручаете?» — «Вам! Как, вы ничего не знаете?... А мы уже три месяца назад сказали Нине Максимовне... Она давно готова... Она даже подарки приготовила — книгу «Нерв» и еще что-то».

А какое она имеет отношение к этой награде? Какие-то мисочки из гжельского фарфора подарила... Да какое она имела право?! Ты представляешь, Валерка, если бы я туда явился! И что бы со мной было?! Ей бы там все кланялись — ну я бы и не выдержал! Наговорил бы ей прямо там. Но я ей все это простил. И я ей закрою глаза, когда она умрет.

Хотя мы с ней никогда хорошо не жили... И Володя это знал, и Володя на это не реагировал. Ведь когда Нине Максимовне что-то было нужно — холодильник, путевка, хорошая больница — Володя всегда все делал. А однажды Нина Максимовна попросила Володю через Евгению Степановну — вернуть ей ключи от квартиры на Малой Грузинской... Ведь когда она приходила к нему, то все бумаги на столе раскладывала под разные ленточки: под красную, под белую, под голубую. А Володя приходил домой и не знал, что где искать. И однажды он забрал у нее ключи. А Евгения Степановна вернула. А ты знаешь, что Евгения Степановна со дня смерти Володи не выходит из больниц? Инсульт перенесла и вообще ходит еле-еле. Потому что Володя — это было единственное в ее жизни, чем она дорожила. Она и мной дорожила, конечно, но Володей — больше.

Перевозчиков: Семен Владимирович, расскажите еще о людях с Большого Каретного, ну, например, об Утевском...

Высоцкий: Толя Утевский — хороший парень, сын знаменитого юриста, профессора. Сейчас он работает в Высшей

школе милиции, скоро будет защищать докторскую. Утевские жили над Кочарянами... Мы жили на втором этаже — Володя, я и Евгения Степановна. На четвертом Инна и Лева Кочарян, а еще выше — Утевский. Специально для семьи профессора надстроили этаж.

Толя Утевский женился на знаменитой эстрадной артистке Разинкиной — была такая певица... Толя и в компании Кочаряна был своим человеком. Ну а Володька всегда тянулся к старшим. Кстати, у Инны Кочарян должны быть очень интересные Володины записи.

Перевозчиков: Да, у нее есть одна уникальная пленка 1964 года...

Высоцкий: Ну и что, дала она тебе их переписать?

Перевозчиков: Пока нет, но это ее личное и драгоценное. Та самая «пленка Кочаряна».

Высоцкий: Да, Лева Кочарян там появился, когда женился на Инне. У Кочаряна был отец — знаменитый эстрадный чтец, народный артист... А Лева снял единственный фильм «Один шанс из тысячи» и умер.

Перевозчиков: А сад «Эрмитаж» — это же рядом с Большим Каретным?

Высоцкий: Рядом. Сначала я ходил в этот сад, потом Вовка... А когда-то я там познакомился со знаменитой пловчихой Васильевой — любовницей Василия Сталина. А она в меня влюбилась. Так что я мог крупно погореть с этим Василием Сталиным... Ну, думаю, нет — и прекратил с этим.

Ну а ребята часто бывали в «Эрмитаже» — Акимыч, Володя, потом появился Кохановский... Гарик Кохановский — Васечек. Он же Володю предал по жизни, и предал очень здорово! Володя его исключил из своих друзей... Ты это знаешь?

Перевозчиков: Я знаю, что Кохановский исчез из жизни Высоцкого, но как и почему?

Высоцкий: Володя сам исключил его из своей жизни, потому что Кохановский начал хамить. Гарик же приставал ко всем Володиным женам и к Тане Иваненко — актрисе Театра на Таганке, и Володя однажды сказал: «Все, Васечек, ты мне больше не нужен».

Да, Валерка, вчера вышел журнал «Современная драматургия» — там пьеса Володарского. Я ее раньше читал — ужасная пьеса! Он там хамит и мне, и Нине Максимовне. И я ему сказал: «Ты — подонок!» — «Семен Владимирович, я же не знал, это мне так рассказали... Извините!». Он мне тогда сказал, что все переделает... А теперь люди говорят, что он все оставил как было. Если это так, то я этого подонка ославлю в прессе. Он когда-то пытался протянуть эту пьесу в театре — я протестовал категорически! Я тогда ему сказал: «Мой милый, если ты постоянно в запоях, то, хотя бы когда трезвый, пиши умные вещи». А то он там пишет, якобы Нине Максимовне приносят сапоги, и они ей не подходят... И я как будто говорю: «Давай мне, моей Дуньке (т.е. Евгении Степановне Высоцкой. — В.П.) все сойдет». Ну не идиот ли?!

И вот он мне говорит вчера: «Семен Владимирович, я вам честно говорю, что я все исправил... А я ему: «Ну смотри, а то я тебе покажу. И не посмотрю на весь твой авторитет». И еще я ему сказал, что горжусь тем, что честность, внутренняя культура — все это у Володи пошло от меня. И Володя сам говорил: «Это — от папы!».

Москва, на Кировской, 14 октября 1989 года

Лидия
САРНОВА

С Женей Семен познакомился в доме у Бориса Аронова. Это было в 43-м. А в 1944 году Женя рассказала мне, что познакомилась с потрясающим офицером. Семен Владимирович был очень красивым мужчиной. Женя читала мне письма, которые Семен писал с фронта. А в 1945 году они поженились.

В доме у Семена Владимировича я познакомилась с Левой — моим будущим мужем. Лев Сарнов учился вместе с Семеном в техникуме связи. Там же учился Володя Серегин —

брат Нины Максимовны. Однажды Семен, Володя, Лева и я вместе пришли в гости к Нине Максимовне. Я помню, что Нина Максимовна пекла очень вкусные пирожки... Мой муж — Лев Сарнов — всегда уважал Нину Максимовну. Друзья Семена Владимировича стали и нашими друзьями — Валентиновы, Барышниковы, семья Капитолины Лазаренко...

А как получилось, что Володя поехал в Германию? Об этом я знаю со слов Семена... Он пришел и рассказал, что суд решил оставить Володю с отцом. Семен Владимирович — подполковник, материальные условия были великолепными: хорошее питание, отдельная комната... Кроме того, Женя работала директором «Военторга» в Оберсвальде. В силу этих обстоятельств суд и принял такое решение... Я только сказала: «Как мать могла оставить своего ребенка?!»

Жора Бантош — второй муж Нины Максимовны — плохо... нет — жутко плохо — относился к Володе. Мне Иза много об этом рассказывала. А Нина Максимовна очень любила Жору. Мне Володя показывал письма. Нина Максимовна писала Жоре очень красивые письма, жалко, что они не сохранились.

Когда я вышла замуж и уехала с Большого Каретного, Володя приезжал ко мне. Обсуждали разные темы. Приезжал ко мне, когда ему было плохо. Володе просто некому было пожаловаться... Да что там говорить...

Володя и Алексей Владимирович Высоцкий были очень дружны. Володя дядей гордился. В семье Алексея Владимировича Володя познакомился с легендарным летчиком Скомороховым. А вот что Скоморохов в Монино бывал на концертах Высоцкого — об этом, наверное, не знает никто.

Сора Семена Владимировича и Нины Максимовны? Ведь тогда никто и ничего не говорил о Жене. А она взяла на себя такую ответственность — воспитание чужого ребенка. Женя очень хорошо относилась к Володе — все делала для него... И когда Нина Максимовна в своей статье даже не упомянула о Жене — тогда Семен и взорвался!

У Семена Владимировича был сложный характер. Он не всегда был объективен, а иногда его просто «несло». Сколь-

ко раз мы с ним ссорились! По-моему, он меня немного побивался...

Письмо в КГБ!? Да чтобы Семен мог написать такое письмо? Брехня! Противно слушать! Как сам Володя говорил мне: «Лидик, это неприлично!»

После смерти Жени Семен Владимирович остался один. Он к этому не привык, да и как можно привыкнуть... А еще — его же никто не обслуживал. Ну да — Лариса брала рубашки, стирала... Девять лет за Семеном ухаживала я — каждую неделю и убирала, и готовила. А все праздники — он у нас. Последние годы мы были всегда вместе.

Москва, январь 2003 года

Геннадий
ПОЛОКА

О разговорах со знаменитым режиссером и близким другом В.В. — Геннадием Ивановичем Полокой... Тут есть и досада, и радость... А история такая... Готовилась к изданию одна из моих книг «Живая жизнь», в которой предполагалась публикация большого материала Полоки. Этот текст был сделан на основе его двух ярких выступлений на вечерах памяти Высоцкого.

И для того, чтобы выправить этот материал — что-то уточнить, что-то убрать, а что-то добавить — я несколько раз приходил к Геннадию Ивановичу. Он жил тогда рядом с Домом кино. Все дополнения и исправления записывал на диктофон, кое-что вносил в основной текст, а многое — так и осталось на кассетах.

Так вот, радость в том, что в архиве Г.И. Полоки хранится большой — очень большой — текст его воспоминаний о В.В. ... А ведь Полока — один из немногих людей, кто сразу понял, что рядом с ним грандиозное явление — театра, кино, поэзии и культуры. А досада в том, что этот текст

так и не опубликован, а в нем много нового, неожиданного, интересного и глубокого.

Рассказы и комментарии Геннадия Ивановича — а он увлекался, отлекался, импровизировал — сегодня впервые публикуются в этой книге.

«РАБОТАЛ НА ИЗНОС»

Давайте начнем с того, что я не верю в стопроцентные умственные способности людей, которые читают все, что связано с Высоцким. Порой сообщаются вещи вполне невинные, а человек определенного склада, воспринимает это совсем не так, как это должно восприниматься. Некоторые вещи меня просто возмущают... Например, выступление Конечного. Во-первых, он с Володей не был знаком — даже шапочно, во-вторых, сравнивать судьбу Высоцкого с судьбой Олега Даля — это форменное безобразие. Ведь Олег Даль имел счастливую официальную судьбу, он сыграл огромное количество ролей, и чаще всего главных... Даль почти всегда имел выбор из двух или трех ролей, работал с ведущими режиссерами... И главные роли он начал играть еще студентом. Представляете?! Разве можно сравнивать с Высоцким? Из театров Даль уходил, всегда хлопнув дверью, если что-нибудь делалось не так, как он хотел. И, в отличие от Володи, он был алкоголиком. Не пил он только последние два года, когда положение уже стало отчаянным. Когда он женился на Лизе Апраксиной, моей монтажнице... Это тот случай, когда, вопреки официальной роскошной судьбе, человек сам себе устроил трагедию. А Володя — в силу своей физиологии — просто не мог быть алкоголиком. Он был запойным человеком, но не алкоголиком, а это разные конституции. Володя раз или два в год «развязывал», пил несколько дней — это кончалось скорой помощью... И начинался долгий мучительный процесс «выхода»... У него были перерывы по два-три года. А ведь он мечтал о норме. «Я мечтаю, — говорил

он мне, — чтобы выпить одну-две рюмки, как нормальный человек, и не входить после этого в «штопор». А вместо этого я полгода пью воду, и все это кончается взрывом». Но ведь говорить об этом с людьми просто невозможно.

И ведь кончина его связана не с водкой, а с тем, что он вел какой-то противоестественный образ жизни, работал на износ — писал, когда нельзя было писать... Два спектакля в день, ночью он пишет стихи, а утром в девять часов — съемка. Ну разве это нормально? Не нашлось человека, который помог бы ему выйти из этого противоестественного образа жизни. Ему надо было работать как профессиональному писателю. Профессиональный писатель работает ритмично: встает в шесть и садится за стол. Даже если он «сова», он переламинает себя — он работает профессионально. А Володя был любителем в этом смысле, и работал он на износ. Ну представьте: почти ежедневная работа ночами, не говоря о том, что он использовал эти «лекарства»... Сейчас не только говорят о каких-то стимуляторах, но и о наркотиках пишут... Я думаю, что все-таки это были стимуляторы, то есть, в сущности, лекарства. Но ведь это вещь тоже вредная. При мне ему давали какие-то комбинации лекарств — эти два друга его, врачи... Это были стимуляторы, и меня таким же образом лечили в ГДР. Мне тогда давали больничный на целую неделю — такое было состояние, а у нас там был только месяц работы... И врачи мне говорят: «Мы дадим вам стимуляторы — у нас это разрешенные препараты, но вы должны работать не более семи часов в сутки, а спать часов двенадцать. И следите за этим, иначе это кончится сердечным приступом». Так что я сам такое пережил.

То есть происходят разночтения в восприятии Высоцкого разными людьми — его поступков, ситуаций, его характера. Это происходит по одной причине — Володя людей никогда в одну кучу не сваливал. И он общался с людьми, которых невозможно было вместе свести. Например, некоторых его приятелей я просто сторонился — от встреч с Тумановым я просто уклонялся. Я не пошел на новоселье на Малой Грузин-

ской, потому что там были совершенно разные люди. И были только три-четыре человека, с которыми я хотел бы общаться. На фотографии-то они все улыбаются, но половина там же и перессорились. И еще пример... Он никого из близких людей никогда не сводил с Кеосаяном. Хотя нельзя было сказать, что у них были плохие личные отношения, нет.

Или — последние два года перед смертью Кочаряна... Он с ним встречался, но нельзя сказать, чтобы часто. Когда я у Володи жил, он встречался с Кочаряном только один раз, и это происходило не у него дома.

Что касается кино, то Высоцкий никогда на нем не зарабатывал, как многие популярные актеры. В нашем кино большие деньги не платят. Допустим, актер, играющий главную роль, за все лето может заработать максимум две тысячи — а это деньги небольшие. Но если он занимается концертами по всей стране, используя свою популярность в кино, — это другое дело. Он может заработать раза в три больше.

Например, в 1967 году Володя начал сниматься в «Интервенции», но уже тогда его главные деньги были заработаны на концертах. И Володе не нужны были фильмы для денег... Он это всегда декларировал! Ведь когда актеры подписывают договор, они всегда ведут битву за лишние две-три сотни рублей. А Высоцкий всегда говорил — за ставку. А точнее так: «Как получится, так и пишите, я согласен» — вот его позиция. Поэтому говорить о том, что он зарабатывал в кино, — это неосведомленность. Когда мы с директором «Интервенции» добавили ему денег за трюки — ну чтобы больше было — он этого даже не заметил. А «Стряпуха» Кеосаяна — ведь Володя снимался вовсе не из-за денег, а потому, что Эдик увлек его... Он предложил ему сыграть такого веселого, разбитного парня, который вносит какую-то свежую струю в деревенскую жизнь. И Володя этим увлекся.

Он всегда хотел иметь возможность выбора, как имел эту возможность, например, Даль. Не хвататься за то, что дают, а играть те роли, которые ему нравятся. И играть роли положительные — ему всегда предлагали отрицательные, а

он не любил играть отрицательные роли. Ведь Володя понимал, что его роли связаны не только с его личностью, но и с ним, как с общественным человеком... Высоцкий понимал, что несет в себе и реализует какие-то мечты и представления людей о будущем... А ведь это были сложные годы. У Володи была моральная ответственность за то, что он делает. Он не мог сыграть какого-то фигляра в фильме «Один из нас», которого ему предложило начальство, и я это понимал... Хотя мне его нужно было заполучить любой ценой.

Что касается нашего последнего разговора... Володя накануне мне сказал, тоже по телефону, что ночью он будет сочинять, а утром рано мне позвонит. А потом он хочет поспать и боится меня не застать — а тогда я приезжал в Москву на короткое время и снова уезжал на съемки в Серпухов. Во время Олимпиады нам не разрешили снимать старую Москву, и мы снимали в Серпухове эту «старую Москву» — улочки, фонари... И в восемь часов он позвонил... Это я помню точно, потому что на половину девятого у меня была заказана машина. Я хотел эту песню записать на магнитофон. Мой звукооператор мог это сделать прямо с телефона, и у нас было такое устройство. Но Володя пропел мне один раз, и я говорю: «Володя, давай еще», а он ответил: «Гена, у меня нет времени...» Времени не было и у меня, потому что ждала вся съемочная группа. Да, он мне еще сказал, что, наверное, сегодня не сможет играть спектакль, а вот какой? Восемнадцатого июля у него был последний «Гамлет». Вероятно, это было «Преступление и наказание»... И еще Володя сказал: «Я тебя жду на спектакль, который будет на следующей неделе, и отдам тебе текст. Если мало куплетов, то я напишу еще один». К этому времени Володя стал экономным — ведь раньше он писал по семь-восемь куплетов, а в картинах редакция оставляла два-три. Для моей картины он написал романс в пять куплетов, а оставили два, в танго тоже оставили два. Это был обычный способ «дать поменьше Высоцкого». А вот тогда он добавил: «Я написал два куплета, и если надо, напишу еще». Сейчас я вам его покажу — это студенческая

песня, и это рукопись Володи. Видите, как экономно он пишет? А вот рукопись песни «Деревянные костюмы». А это «Песня Вани»... «Зря ты, Ванечка, бредешь...» Вот посмотрите, для чего делались варианты, видите — редакторские правки. Эту песню Володя писал для Папанова... «Не припала в слезах на могучую грудь...» А если бы эту роль играл, допустим, Доронин, то Володя бы не написал «могучую грудь...», потому что Доронин к тому времени весь высохший был... И он делает вариант: «на пробитую грудь...». «И обратно меня...» А Папанову Володя говорил: «Пойте не «меня», а «мине», это ложится на ваш облик...». И еще: «за раненья мои» — это пусть Папанов поет, а если другой актер, то «за заслуги мои». Видите, как интересно. Эта песня была написана для кинофильма «Одиножды один», но об этом никто не пишет.

Г. Полока поет по рукописи:

Дескать мир, да любовь вам, да хлеба на стол,
Чтоб согласие по дому ходило,
Ну а он даже ухом в ответ не повел,
И забило меня, зазнобило —

это для Папанова...

А «Вроде так и положено было» — это для другого актера, более официального... Кроме того, эту мелодию он напел композитору Хагагортяну — и это его мелодия. У вдовы Хагагортяна есть пленка с записью этой песни, но она мне ее не дает. И я говорил ребятам из театра: «Найдите — пойдите, заберите или перепишите, пусть она хоть в театре будет...»

Да, вот еще интересный факт: Володя у Мережко брал книгу по русскому фольклорному стихосложению, и тот принес ему эту книгу — такой толстый талмуд, в котором были русские народные песни — обрядовые, свадебные... И Володя этот талмуд штудировал — не то что там просто читал, к каким-то вещам он возвращался — вся книга была в закладках. Вот так он писал свои народные песни-стили-

зации. То есть он улавливал общий принцип, а потом писал свои тексты.

Я уже говорил вам, что Высоцкий считал Бортника одним из лучших актеров нашего времени. Он считал, что Ваня — актер высочайшего класса. И в «Зеленом фургоне» Бортник должен был играть Красавчика. Сначала Володя сам хотел играть эту роль. Но я ему сказал: «Володя, не стоит в первой своей картине играть самому — можно упустить весь процесс».

Как-то в театре зашел разговор о повышении зарплаты, и когда разговор зашел о Бортнике, то кто-то заметил: «Да Бортник же за последние два года ничего не сыграл!» — Володя сказал: «Неважно! Ему надо платить за талант». Замечательная история!

А Володя мечтал снять свою картину — ведь он попробовал это дело еще на картине Говорухина «Место встречи изменить нельзя»... Говорухина две недели не было, он улетал в заграницу, и все эти две недели Володя сам снимал. И наснимал на месяц! Володя мучительно работал над сценарием своей первой картины «Зеленый фургон». Работал вместе с Игорем Шевцовым, и не все ему там нравилось. И именно тогда я познакомился с Иваном Бортником. Это было примерно в конце 1979 года.

И вот вам еще один замечательный случай... Сидит какая-то компания — светская, чопорная, то есть люди «отбывают номер». И Володя говорит: «Хоть бы Бортника сюда, живого человека. Живой души, вместо этой шоблы!»

Повторяю, что Ваня Бортник — это артист, который на голову выше всех хороших артистов Театра на Таганке. Он мне все время повторял:

— Ты сходи на Бортника посмотри.

— Ну что я пойду — мне этот спектакль не нравится...

— Да ты на Бортника одного посмотри!

Если я кого-то хвалил, что тот хорошо поет, то Володя говорил:

— Да Бортник же лучше!

Они как-то с Золотухиным Ваню раскачали, и он запел, и запел просто поразительно. Володя был влюблен в его индивидуальность. А ведь актеры не любят, когда хвалят кого-то другого, — есть у них такая черта... Я все время почему-то оттягивал знакомство с Бортником, а Володя силой заставил меня это сделать. Все время говорил:

— В «Зеленом фургоне» только Бортник может сыграть!

Многие в театре этому завидовали, и, может быть, отношение к Бортнику объясняется именно этим...

Я несколько раз публично говорил о Володе... И как бы эти выступления ни были эмоционально растрепаны — в каждом из них я придерживался какой-то одной сквозной мысли. Одно выступление было посвящено тому, что много случайных вещей говорят о Володе. В другой раз я говорил о том, что многие стараются вытащить из Высоцкого то, что им выгодно. Вот, Володарский это делает, может быть, невольно... Эдик сам старается казаться суперменом, всех ставить на место... А ведь для этого нужно — помимо силы — талант «мгновенного ответа», как это было у Маяковского. А у Володарского этого нет, и он приписывает это Высоцкому. И отсюда возникают легенды о вещах, которых и быть не могло. Например, где-то я читал, что Володарский рассказывал такую историю... Высоцкий пел в каком-то зале, и там сидел очень странный человек. И будто бы Володя сказал: «Пока этот человек не выйдет, я петь не буду». Я не могу в это поверить... Володя обладал такой внутренней интеллигентностью, что он никогда бы на это не пошел... Он бы вытерпел этого человека, пусть и ему архинеприятного, потому что понимал, что в зале сидят сотни людей, которые в этом не виноваты.

Что меня еще возмущает... Например, Евтушенко утверждает, что песни Высоцкого, над которыми в России все смеются, практически непереводимы и непонятны иностранцам. В Лондоне мы слушали песни Высоцкого вместе с англичанами, и трудно сказать, где реакция была сильнее — там или в Союзе. А там ведь большинство людей русского язы-

ка не понимали. Да и переводов там было мало — какие-то подстрочники... То есть перед его песней говорят несколько слов, а потом идет Володина песня. И реакция практически такая же, как и у нас. Значит, в его творчестве есть общечеловеческая составляющая и общечеловеческое содержание.

А теперь давайте коснемся острой темы — темы алкоголя... Однажды, в 1971-м году, Володя меня устроил в одну больницу, в которой сам лечился. И я лежал в той же самой палате, в которой когда-то лежал Тарковский, потом Володя... Это было в клинике профессора Бадаляна — главного невропатолога Москвы. Это была двухместная маленькая палата, в неврологическом отделении... Много разговоров вокруг этого... Но на самом деле его язва желудка, известное кровотечение из горла — это объяснялось не выпивкой, а тем, что он был человеком поразительной щедрости... Володя постоянно себя тратил и — как артист — никогда не мог играть вполсилы, он заваливал режиссеров вариантами песен. Он был безжалостен к тому, что отпустила ему природа. Он расходовал себя настолько щедро — щедро по отношению к другим людям, которым он отдавал себя полностью... Мне кажется, что он был обречен на преждевременную смерть.

Марина мне рассказывала, как он пел в Париже... Французских шансонье поразило то, что он пел два часа без перерыва. Поет, допустим, Азнавур — у него оркестр на сцене, у него есть возможность сделать паузу... А Володя пел без всяких передышек, на высочайшем накале, он тратился не только эмоционально, но и физически... А главное — он иначе просто не мог. Володя считал, что экономить силы — это оскорбление для людей в зале. И неважно — зал на восемьсот человек или, допустим, вечер у Диодорова. Кстати, там сидели Ефремов, Вертинская, Люся Гурченко, Боря Диодоров с женой — человек семь-восемь. И Володя выдал концерт часа на два — тратился, как будто он пел перед большим залом...

У каждого художника — своя природа... Есть люди в искусстве, которые берегут себя. А у Володи, допустим, че-

тыре концерта в день, и он на всех четырех тратится так, как будто у него сегодня всего один концерт. Откуда шло это свойство? С одной стороны — от темперамента. А с другой стороны — у Володи всегда было чувство колоссальной ответственности перед людьми, перед его слушателями. Доходило до того, что иногда он чувствовал какую-то вину перед ними. И этим, вероятно, определялась его доброта по отношению к партнерам, особенно в кино. Он мне однажды сказал на съемочной площадке:

— Люди стараются, а у меня ничего не получается.

— Как не получается? Ты же здорово играешь!

Это было в Одессе, жара, да еще осветительные приборы... Он тогда снимался с Золотухиным...

Что касается Золотухина, то в какой-то мере Валера сам виноват... По-моему, он запутался в своих женах. Дело в том, что не от него Нина (Шацкая) ушла, а он от нее два раза убежал. По-моему, из-за тещи... Вот вам такой факт... После «Интервенции», в 1969 году, Высоцкий и Золотухин поклялись всегда сниматься вместе. Это была наивная клятва, потому что это нереально. Но сам факт этой клятвы говорил об уровне их отношений... Во-вторых, я это точно знаю, что Золотухин всегда как-то стеснялся находиться рядом с Высоцким, хотя я этого не понимаю. Кстати, в Золотухине есть такое сочетание человеческих свойств — и благородных, и неблагородных. Он весь из себя такой мужичок сибирский — одиноличник! А еще, Валера — разный человек, но, повторяю, его, как и Бортника, очень ценил Высоцкий. Он считал, что Золотухин — один из умнейших людей, которых он когда-либо встречал. А другие этот природный ум Золотухина воспринимали как хитрость. Эта хитрость, конечно, есть у него. Кстати, это понимал и Любимов. Золотухин может так искренне мыслить и действовать — ну просто святой... И не потому, что он хитрит, а потому, что в эту минуту он себя на это настроил или у него это так получилось... Он мог быть безжалостным к себе, не выглядеть красиво... Знаете, ведь Высоцкий с Валерой советовался по ка-

ким-то важным вопросам. Потому что знал, что это будет совет не от какого-то «умствования», а от глубинного восприятия жизни...

А с другой стороны, в Золотухине есть коварство, на него трудно надеяться... Но я знаю, что большой период в жизни Володи — первые пять лет работы в театре — были связаны с Золотухиным. Ведь что такое природный ум?.. Это ум, который идет изнутри. Володя говорил: «Золотухин — мужик, а все остальные — гнилые интеллигенты». Это нельзя забывать, хотя у меня сложные отношения с Валерием Сергеевичем. Он один раз меня подвел, и подвел очень крупно. Поэтому до конца я на него положиться не могу. Валерий, давайте сегодня на этом закончим. Приезжайте ко мне через недельку...

7 марта 1987 года

«ЕМУ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ОН МОЖЕТ ВСЕ»

Я еще раз хочу сказать о том, почему у Володи хорошо выходили роли фронтовиков. Во время записи песни с Папановым для картины «Одиноким людям», о которой я уже говорил, песни фронтовика, вернувшегося с войны, Володя так точно передавал интонации, свойственные инвалидам, которые пели эти песни на вокзалах и в электричках, что Папанов — сам фронтовик — был просто потрясен. Потрясен тем, насколько точно Володя передавал и настроение, и интонации, и дух того времени. И как я уже говорил, если Володя писал для конкретного артиста, то он мог даже что-то изменить в тексте. Ну, например, в этой песни строчку «...Дымок поднимался совсем по-другому». Папанов пел «...подымался совсем по-другому» или «за чужое за что-то запнулся в сенях»... А Папанов пел: «за чужое за чтой-то запнулся в сенях». Специально для Папанова, учитывая его внешность, Володя вводил какие-то такие просторечия.

Каждый раз, когда я слушаю эту песню или смотрю на рукопись, которая сейчас лежит передо мной, я всегда вспоминаю, что очень многие крупные поэты старшего поколения были тогда поражены, насколько точно сделана эта песня. И, например, Исаковский написал свою песню — там есть строчка «Медаль за город Будапешт»... Не помню, как она называлась, но там есть такие строчки: «И на груди его светилась медаль за город Будапешт» — ну это самая популярная строчка из всей песни. И все-таки я считаю, что, несмотря на всю точность и яркость песни Исаковского («Враги сожгли родную хату». — *В.П.*), Володина песня и точнее, и пронзительнее. В ней больше той речевой смелости, на которую поэты того поколения не рисковали идти. И вот эта речевая смесь (и блатной, и уличный, и деревенский жаргон), которая была свойственна песням инвалидов и на которую не решались профессиональные поэты, Володе была свойственна и отличала его. Он с детства впитал этот язык, который он слышал на военных базарах и вокзалах... Кстати, он очень органично на нем сам говорил, ничего не играя и никого не изображая.

А теперь по поводу того, что происходит после Володиной смерти. Я теперь думаю об этом особенно много... Появление после его смерти статей и воспоминаний, в которых авторы пытаются подвести итоги, сформулировать свое отношение к такому явлению, как Высоцкий, я считаю преждевременным. Я думаю, что он был целой эпохой в жизни нашей страны, выразителем дум целого поколения. В шестидесятые и пятидесятые годы бардов и менестрелей было много, но я человек пристрастный и субъективный, как всякий художник, мне тогда еще казалось, что останется только Высоцкий. Если говорить о Булате Окуджаве, тоже ярком представителе этого поколения, то у него прежде всего отмечаешь поэтическую культуру... Для Окуджавы песни являются одной из сторон его творчества и, может быть, не самой главной. У него ведь есть и чистые стихи, и замечательные романы. Поэтому исполнение песен Булатом обаятельно тем,

что оно непрофессионально. Можно сказать так: стихи — высочайшего уровня, а пение — любительское. У Окуджавы главное — это стихи, а не исполнение. А у Высоцкого каждый компонент — на самом высоком уровне... И стихи, и пение, и даже мимика. И в этом смысле Володя — явление уникальное. Может быть, в своих лучших произведениях к нему приближался только Юлий Ким.

Высоцкий обладал феноменальным ухом... Даже не слухом, а именно ухом — и в этом смысле равных ему я не знаю. Потому что, работая в кино, я часто просил поэтов и композиторов сделать песню «под кого-то...». И в этом смысле Володя был неподражаем. Допустим, ему говорили: «Володя, напиши под Овидия». Он говорил: «Дайте мне Овидия». Ему дают томик Овидия, он читает его в течение какого-то небольшого времени. И через час пишет стихи под Овидия. Причем это текст Высоцкого, написанный в стиле этого римского поэта.

А была еще одна история поразительная... В картине «Одиножды один», о которой я уже говорил, нужны были обрядовая свадебная песня — величальная жениху и невесте и другие. То есть большое количество русских обрядовых песен, так как в центре картины была русская национальная свадьба. Можно было пойти по простому пути — взять настоящие русские народные обрядовые песни. И мы располагали к тому времени достаточным материалом. А Высоцкий, который писал все песни к этой картине, побоялся, что будет некая разностильность... И тогда он взял сборники народных песен, подлинных, изучил их и написал свои обрядовые песни для русской свадьбы. И в этих песнях было удивительное сочетание полного знания материала, владения им и осязаемое присутствие самого Высоцкого. И это соединение позволило ему создать общую стихотворную ткань для всей картины. Это было феноменально. В картине ведь были самые разные песни, в том числе и для хора, многоголосые. Володя за очень короткое время сумел понять суть и создать нечто законченное, на что у многих уходят месяцы и годы.

Я об этом так подробно говорю, потому что существует утверждение, что Высоцкий был человеком не очень грамотным в стиховом отношении. А Володя был поразительно точен в стихотворных размерах, я уже говорил, что он на спор мог писать гекзаметрами, и это были настоящие гекзаметры. Он мгновенно это схватывал, он прекрасно читал чужие стихи, если это было надо театру. И я его считаю интеллигентнейшим и образованнейшим человеком. Ведь, повторяю, я работал со многими поэтами, но у них получалось не так, как у Володи... И было впечатление, что профессиональные поэты менее начитанны, менее культурны, чем Высоцкий.

Я не знаю ни одного поэта — и это действительно феноменально, — который бы имел такой огромный социальный радиус поклонников. То есть Володю любили все: от академиков до самых простых людей, от самых утонченных интеллигентов до самых неискушенных потребителей искусства.

И еще о моем представлении о Высоцком как о музыканте... У него бывали-таки состояния, когда он чувствовал себя чуть ли не Бетховеном. Ему казалось, что он может все. Я сам занимался музыкой, но не выдержал ежедневной колоссальной нагрузки, которая требуется от профессионального музыканта. Но повторяю, что у Высоцкого были такие минуты, когда он чувствовал, что и в музыке он все может.

А еще: актеру — профессиональному актеру — нужно периферическое зрение и колоссальная периферическая память. Ну, например, Володя стоял в кадре и смотрел в сторону киносъёмочного аппарата и одновременно помнил, что находится вправо и влево от него... А там могла быть массовка, декорации и черт-те что еще. В этом смысле он, конечно, был феноменальным человеком. И когда, допустим, мы снимали второй дубль (если был брак на пленке и приходилось переснимать иногда через месяц), Володя точно помнил, что было справа и слева, а иногда помнил, кто стоял сзади. Мы смотрели на фотографии — все было абсолютно точно. А ведь там могло стоять более сотни человек. Но это было, было...

Да, Володя был знаком с Урбанским, и Высоцкий увлекался Урбанским как артистом, как личностью... Потом, ведь Урбанский тоже пел на вечеринках и в компаниях. И пел хорошо, конечно, не свои песни. А еще Урбанский очень хорошо читал стихи. Я помню один случай, который был на следующей картине Калатозова — после «Летят журавли»... Сидели мы все в буфете на третьем этаже «Мосфильма», и я помню, что Володя смотрел на Урбанского влюбленными глазами.

Когда не утвердили Володину пробу на картину «Одиножды один», мы решили ее показать Сытину — заместителю главного редактора Госкино, который был расположен к картине. Кроме того, он сочувствовал и Володе. И вот мы поехали к нему с «Мосфильма» по метромосту, мы ехали в машине нашего автора. А это была огромная американская машина «Шевроле», за рулем машины был ее хозяин, а в машине сидели Высоцкий и я. И вдруг нас обогнала двадцать первая «Волга», машина крепкая... А сзади мы слышали какие-то крики, какая-то там была паника. Наш водитель посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, как эта двадцать первая «Волга» всех обгоняет, причем мост-то узкий, там практически всего два ряда. И эта «Волга» оттесняла другие машины к перилам, что было очень опасно. И водитель «Волги» «чиркнул» по нашей машине. Я посмотрел на Володю, а он даже побелел... И вдруг Алексей Петрович — наш автор — по встречной полосе рванул за этой «Волгой»... И где-то в районе Метростроевской обогнал «Волгу» и перегородил ей дорогу. Алексей Петрович выскочил, распахнул дверь «Волги», и оттуда начал вываливаться водитель, который явно был пьян. Он водителя вытащил, а сзади гудели машины, которые поцарапала эта «Волга». И Алексей Петрович врезал ему так, что тот упал как подкошенный. Потом он вытащил еще двух — как оказалось, в машину набилось человек шесть — и он вытаскивал их по одному, и каждый получал приличный удар по физиономии... Подходит гаишник, и наш водитель сдал всю кучу этих людей — пьяных и вопящих — ему на руки... И это зрелище Высоцкого просто по-

трясло. И дальше он смотрел на этого Алексея Петровича с нескрываемым восторгом.

Теперь про Барнета. Я, собственно, уже об этом писал. Володя был приглашен вместе со своими товарищами по курсу школы-студии МХАТ — это было, когда они учились на четвертом курсе, — для проб в фильме «Аннушка». Помоему, для Володи это было первое приглашение на киностудию... Всю эту группу познакомили с Борисом Васильевичем Барнетом, и Высоцкий, чтобы иметь представление о том, кто их пригласил, посмотрел фильм «Подвиг разведчика». И вот все эти ребята показали что-то Барнету... И Борис Васильевич сказал ассистенту: «Пусть придет тот, в сером пиджаке». Не знаю, пришел Володя или нет...

И еще: Володя обладал феноменальной памятью, причем вплоть до того, что на этой его феноменальной памяти можно было ставить цирковые номера. Что это такое? Это признаки гениальности? Я бы не хотел сейчас делать такие заявления... Но совершенно точно, Володя обладал каким-то набором, каким-то конгломератом необычайных способностей. Я считаю, например, что его пластическая одаренность, чувство формы, чувство силуэта, природный шаг — все то, чем обладают балетные артисты, — это тоже феноменально. А ведь Володя нигде специально не учился танцу. Я скажу так... Вероятно, это было уникальное явление природы, прежде всего. И это было какое-то чудо.

Я очень жалею, что не сохранилась его проба на «Одиножды один». Но этот трюк — эти его танцевальные па на вертикальной стенке — это было уникально и физически необъяснимо. Он прыгал на стенку и делал на ней два чечеточных удара ногами. Я не понимаю, как это можно сделать. Но ведь Володя делал это на глазах у всей съемочной группы. Это было феноменальное зрелище.

Март 1987 года

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

В начале 90-х годов прошлого столетия возникла идея создания «Энциклопедии Высоцкого». Вероятно, по образцу знаменитой тогда «Энциклопедии Лермонтова». При музее Высоцкого была образована редакция во главе с Дмитрием Галковским. Для этой энциклопедии я и начал делать первые статьи, а точнее, это были подборки биографического материала по определенным темам.

Энциклопедия не вышла, о судьбе редакции в музее говорили, что она исчезла вместе со всеми материалами. На каких условиях и в каком составе работала редакция и работала ли она вообще, — мне не известно. Мои же статьи остались в архиве, некоторые из них публикуются в этой книге.

ГИТАРЫ ВЫСОЦКОГО

У меня гитара есть,
Расступитесь стены.

Когда и как Владимир Высоцкий впервые взял в руки гитару? Существует несколько противоречивых версий. Но, разумеется, самое достоверное свидетельство принадлежит матери В.В. — Нине Максимовне Высоцкой: «В десятом классе, а, может быть, и раньше Володя мне говорит: «Мамочка, хочешь доставить мне удовольствие — купи ко дню рождения гитару...» Купила ему гитару, тогда это было просто. И самоучитель — известного тогда гитариста — Михаила Высоцкого: «Вот, учись». — «Нет, мама, я уже сам умею». Сел и сыграл что-то простое. Кто-то научил его во дворе...»

Но вполне вероятно, что эти первые — очень простые — аккорды показал В.В. его школьный друг — Игорь Коханов-

ский: «Мы подружались в восьмом классе, а мне мама подарила гитару в честь окончания семилетки. И я очень быстро научился несложным аккордам, но поскольку знал на память почти весь репертуар Вертинского, то стал это подбирать на гитаре... И когда мы собирались школьной компанией, я исполнял разученное. И Володя как-то попросил, чтобы я показал ему эти аккорды...»

Школа-студия МХАТ. Все сокурсники помнят Высоцкого с гитарой, но не с первого курса...

Г. Епифанцев: «У Володи гитара появилась еще в Школе-студии. Я хорошо помню, как он пел уличные песни».

Р. Вильдан: «С гитарой я помню Володю курса с третьего. Вначале он пел не свои песни, про Колыму, про сроки... А где-то в году шестидесятом сказал: «Все! Чужие не пою. Только свои».

Хотя сам Высоцкий вспоминал, что в Школе-студии он только отстукивал ритм... Это подтверждает А.Макаров: «Хорошо помню, что довольно долгое время Володя совсем не играл на гитаре. Позже появилось ритмическое постукивание по столу или, как рассказывает актриса Жанна Прохоренко, — по перилам лестницы. Она училась с Володей в Школе-студии и хорошо его знала».

В общем, можно предположить, что гитара — уже как инструмент — появилась у В.В. на старших курсах Школы-студии МХАТ.

Г. Ялович: «Он все время говорил: «Надо набить подушечки... Надо набить подушечки». А уж после студии постоянно приставал: «Послушай это... А это еще лучше!» И как он из мальчика-дилетанта превратился в мастера?! Все это — постоянная работа, постоянное самосовершенствование...»

А с середины шестидесятых годов Высоцкий воспринимается только с гитарой:

Шел популярней, чем Пеле,
Носил гитару на плече.

(А.Вознесенский)

Вспоминает Иван Дыховичный: «В Ленинграде на концерте произошел замечательный случай. <...> Мы с Володей сидели на подоконнике, а мимо в зал еще шли люди. И один из них сказал: «Смотри, Высоцкий!» А другой говорит: «Да ладно... Высоцкий — с гитарой!» Они прошли, Володя их догнал: «Почему с гитарой?! Что она у меня из бока растет?! Что вы такое говорите — она из меня растет, что ли, эта гитара?!»

Иногда на концертах Высоцкий использовал этот образ — «гитара растет сбоку»... И, по всей вероятности, эта фраза имела хождение среди друзей Высоцкого.

Запись в дневнике В. Золотухина (31 мая 1969 года): «Была премьера «Хозяина тайги» (29-го в Доме кино). <...> Мы пошли в ресторан. Сели. Назаров заказывал. Стали петь. Просили Высоцкого все. Без гитары он не поет, жаль, что она не растет у него сбоку».

А вот как сам Высоцкий ответил на этот вопрос: «Когда появилась гитара?» (Пятигорское интервью, 14 сентября 1979 г.): «Вы знаете, гитара появилась совсем случайно и странно. Я давно, как все молодые люди, писал стихи. <...> Гитара появилась так: вдруг однажды я услышал магнитофон... Услышал приятный голос, удивительные по тем временам мелодии — и стихи, которые я уже знал, — это был Булат.

Я немножко обучен музыкальной грамоте, хотя, конечно, все забыл, но это дало мне возможность хоть как-то, худо-бедно, овладеть вот этим бесхитростным инструментом — гитарой... Я играю очень примитивно. <...> Я специально делаю упрощенные ритмы и мелодии, чтобы это входило моим слушателям не только в уши, но и в души, чтобы мелодия не мешала воспринимать текст...

Вот из-за чего появилась гитара... А когда? Уже лет четырнадцать назад, после окончания Школы-студии».

Профессионально ли Высоцкий владел гитарой? На этот вопрос отвечает музыкант, композитор Анатолий Бальчев, хорошо знавший В.В.: «В точном смысле слова — нет. Но и

здесь у Володи был дар. Он мог брать очень сложные аккорды, даже не зная, что он берет именно эти аккорды. Володя все схватывал мгновенно: кто-то показал, и он ставил палец так, как было нужно. Причем он брал именно те 3-4 аккорда, которые были необходимы для его стихов».

Актер Театра на Таганке и тоже профессиональный музыкант Виталий Шаповалов: «Я Володе показывал какие-то вещи на гитаре и однажды сказал:

— Тебя упрекают в примитивизме: одни и те же аккорды...

— А мне больше и не надо.

— Нет, вот ты возьми шестую ступень, у тебя музыкальная фраза будет длиннее. Один аккорд, но ты его можешь разнообразить. Это даст тебе больше окраски.

— Шапен, я знаю шесть аккордов, и народ меня понимает.

— Володя, ну я же тебе зла не желаю. Я просто хотел, чтобы у тебя звук был побогаче.

Он одевается на Чаплина, а я — на Карбышева в «Павших и живых». Походил-походил — к его чести, жажда узнать у него была сильнее гордыни, — подходит и говорит:

— Шапен, ну покажи.

Я ему показал это, и он везде стал использовать:

— А ты мне еще что-нибудь такое покажешь?»

Гитар у Высоцкого было много. Проследить судьбу каждой практически невозможно. Расскажем вначале о самой знаменитой гитаре — гитаре народного артиста СССР Алексея Денисовича Дикого.

Вспоминает Алексей Чердынин — кинооператор, в шестидесятые годы друг В.В.: «У меня были тогда магнитофонные пленки, были и записи Высоцкого, сделанные еще во ВГИКе. Тетя Шура (Александра Александровна Дикая — вдова А. Дикого, у которой тогда жил А. Чердынин) услышала Володины песни:

— А кто это поет? А что это за Высоцкий?»

Это были первые Володины песни — уличные, дворовые, «блатные». А Дикой ведь сам побывал в сталинских лагерях, правда, недолго. <...>

В очередной раз ко мне приходит Володя, а я и говорю: «Тетя Шура, это и есть Высоцкий». И Александра Александровна попросила Володю спеть...

А у нее в то время хранилась гитара Дикого — знаменитая гитара венской работы. Она побывала у многих известных артистов, а появилась в России у цыган, в «Яре». С этой гитарой были связаны какие-то романтические истории, ее крали... Когда Высоцкий увидел эту гитару, он сразу сделал «стойку на месте»! Вижу, у него «глаза навывлет», говорит мне:

— Делай что хочешь, но это *такая* гитара!

...Мы начали потихоньку тетю Шуру «обрабатывать»... Устроили такую небольшую осаду — Володя приходил, пел... Конечно, он включил все свое обаяние, а это он делать умел... В общем, тетя Шура была очарована и, в конце концов, просто подарила Высоцкому эту гитару. Я хорошо ее помню — небольшая изящная гитара в большом футляре, обшитом вельветом в мелкий цветок. Куда Володя дел эту гитару Дикого, я точно не знаю...»

Об этой же гитаре вспоминает Нина Максимовна Высоцкая: «Я знаю, что актеры цыганского театра «Ромэн» в шутку говорили Володе:

— Скажи, где лежит твоя гитара, — украдем!

К сожалению, дальнейшая судьба гитары мне точно не известна. Возможно, Володя подарил ее сыну Марины Влади — Пьеру, который тогда учился в консерватории по классу гитары. А футляр еще долго хранился дома — старый, пыльный, я его кому-то отдала».

Посмертная судьба гитар Высоцкого. Две гитары хранятся в квартире В.В. на Малой Грузинской, где живет теперь Нина Максимовна Высоцкая. Большая концертная гитара с двумя грифами, которая висит в кабинете, и гитара мастера Шуликовского, сделанная специально для Высоцкого.

Одна гитара находится в США у друга Высоцкого, Михаила Шемякина: «...Врываясь, сразу хватал эту гитару. Гитара его хранилась у меня. Вот она и сейчас здесь стоит... Он сказал: «Я оставляю ее, потому что это наш рабочий инструмент».

Еще одну гитару Высоцкий подарил Бабеку Серушу: «Когда я въезжал в свою квартиру на Речном вокзале, то Володя к новоселью подарил мне гитару. Потом оказалось, что она очень ценная...

— Володя, ну зачем мне гитара?

— Я же буду приезжать к тебе, чтобы было на чем играть.

Гитара хранилась у меня, потом нужно было ее отремонтировать. У меня был один знакомый — композитор Леня Гарин — он и отдал ее в ремонт. Потом пришел и говорит: «Ты знаешь, это очень ценная гитара — известного мастера».

Вот точно не помню: Климова или Климкина...»

Одна из первых гитар Высоцкого хранится у Инны Александровны Кочарян в знаменитом доме на Большом Каретном. На гитаре автографы Высоцкого, Стриженова и Утевского.

И. Кочарян: «Володя купил эту гитару году в 60-м или 61-м. Купил за шесть рублей, тогда — за шестьдесят... И сразу принес к нам...»

Возможно, именно об этом вспоминает И.К.Высоцкая: «Я помню, что мы покупали гитару, но не помню когда... Хорошо запомнила, что мы платили шестьдесят пять рублей старыми деньгами. Но я не возьму на себя смелость утверждать, что это была первая гитара...»

Во всяком случае, первые записи песен Высоцкого — или большей их части — были сделаны в квартире Кочаряна под аккомпанемент именно этой гитары. В том числе и знаменитая «Золотая пленка Кочаряна».

Еще одна гитара Высоцкого — и тоже из самых первых — теперь хранится в Музее Высоцкого на Таганке. Она подарена семьей Абрамовых.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

Пятнадцать лет назад такое было!..

Кто всплыл — о потонувших не жалеи!

Сегодня мы и те, кто у кормила,

Могли б совместно справить юбилей

В. Высоцкий. «К 15-летию

Театра на Таганке, 1979 г.

Конечно, Высоцкий помнил и о времени, и об обстоятельствах прихода Леонида Ильича Брежнева к власти в СССР, но мемуарных свидетельств об отношении Высоцкого к Генеральному секретарю ЦК КПСС очень немного...

В.И.Туманов: «Володя понимал, что Брежнев в последние годы — пустое место... Смеялся над ним».

Второе — тоже легко представимое: Высоцкий прекрасно копировал речь Л.И.Брежнева. Скорее всего, В.В. в последние годы разделял всеобщее ироническое: «Брежнев умер, но тело его живет». Л.И.Брежнев присутствует в стихах Высоцкого, которые, конечно, не могли быть тогда напечатаны:

«Какие ордена еще бывают?» —

Послал письмо в программу «Время» я.

Еще полно?! — Так что ж их не вручают?!

Мои детишки просто обожают,

Когда вручают — плачет вся семья.

Но Высоцкий не мог ограничиться одной иронией. Он идет дальше:

Мою страну, как тот дырявый кузов,

Везет шофер, которому плевать.

Об отношении Брежнева к Высоцкому и его песням сведений тоже немного, но они есть... Конечно, Леонид Иль-

ич знал о существовании такой неординарной и популярной личности, слушал его песни...

Один из летчиков правительственного авиаотряда рассказывал В.И.Туманову: «Когда мы летели с Дальнего Востока, вдруг в салоне зазвучали песни Высоцкого. Мы — к стюардессам: «Вы что — с ума сошли?» А они говорят, что кассету передали из окружения самого Брежнева...»

Из воспоминаний зятя Брежнева, Юрия Чурбанова, узнаем прямо противоположное: «Когда внуки крутили кассету с песнями Высоцкого и его голос грохотал по всей даче, Леонид Ильич кривился...»

Но, с другой стороны, в книге В.Новикова «Высоцкий» мы находим: «Случалось ведь петь в доме Галины Брежневой, отец которой в это время в больничной палате в телефонную трубку слушал Высоцкого. Трогательный факт, конечно, но что он меняет в жизни?» Об этом же рассказал в одном из выступлений Г.И. Полока, но тоже без ссылки на источник информации.

В сложное для себя время (1969—1970 годы) Высоцкий даже хотел встретиться с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Вспоминает Давид Карапетян: «Володя был ужасно расстроен этой историей с КГБ (во время поездки Высоцкого с Д.Карапетяном в Ереван сотрудники КГБ установили слежку и фиксировали каждый шаг В.В.). Именно в это время он хотел каким-то образом встретиться с Брежневым и попытаться с его помощью решить свои проблемы; кто-то обещал ему устроить встречу с дочерью Брежнева. «Я должен быть совершенно чистым перед этим разговором».

О том, что после высылки Солженицына должен был принудительно «выдворен из страны» и В. Высоцкий — в последнее время сообщалось неоднократно, правда, без ссылок на конкретные свидетельства или документы. Более того, якобы уже готовое решение Политбюро ЦК КПСС по этому вопросу не подписали Л.И. Брежнев и Ю.В. Андропов. Другой вариант: высылку Высоцкого предложил Сулов, а воспрепятствовал этому Андропов...

После смерти Высоцкого в Москве говорили, что «сам Брежнев посочувствовал общему горю и слушал в день похорон на ялтинской даче Володиной песни, особенно «Протопи ты мне баньку, хозяйюшка...» (Д. Чижов «Отражения»)

Вот такие сведения — неоднозначные и противоречивые. Вполне возможно, что песни Высоцкого Брежневу нравились, но, Ю как говорилось в тогдашнем анекдоте: «А что могут подумать наверху?!»

Однако Леонид Ильич Брежнев сыграл в судьбе Высоцкого роль достаточно значительную, и вот при каких обстоятельствах... В 1971 году в Париже на встрече активистов Общества дружбы «Франция — СССР» с Л.И. Брежневым присутствовала Марина Влади — к тому времени жена Высоцкого. В начале встречи Брежнев долго говорил об истории дружбы между народами Франции и Советского Союза... Марина Влади пишет в книге «Владимир или Прерванный полет»: «...Ролан Леруа мне шепчет: «Смотри, как он поворачивается к тебе, как только заходит речь о причинах этой дружбы...» Действительно, я замечаю понимающие взгляды Брежнева. Я знаю, что ему известно все о нашей с тобой женитьбе. Прежде чем уйти, мы фотографируемся: группа французов вокруг советского главы. Этот снимок сделал гораздо больше, чем все наши хлопоты, знакомства и мои компромиссы вместе взятые».

Действительно, когда наступает критический момент — Высоцкому в первый раз отказывают в визе для поездки во Францию, Марина Влади звонит из Москвы в Париж Ролану Леруа. Тот связывается с Жоржем Марше — тогда Генеральным секретарем французской коммунистической партии... «Позже мы узнали, что Жорж Марше хлопотал за нас перед самим Брежневым. Потребовалось доброжелательное вмешательство высшего чиновника СССР, для того чтобы ты получил — в конечном счете — законное». Более того, заграничный паспорт «в зубах», как выразился Высоцкий, принес прямо домой один из ответственных работников ОВИРа...

Более конкретны сведения о контактах Высоцкого с детьми Брежнева. (Высоцкий как-то сказал: «Меня любят

все дети...» — имея в виду детей высшей партийной и советской номенклатуры.)

Из воспоминаний художника Бориса Диодорова: «В 1969 году Володя вдруг привел ко мне Галину Брежневу. С ней был какой-то замминистра...»

Общеизвестно, что Галина Брежнева песни Высоцкого знала и любила.

Рассказывает Валерий Янклович — в последнее время один из самых близких для В.В. людей: «Неоднократно Володя встречался с Галиной Брежневой. Он держал ее как бы на самый крайний случай. И чуть было не обратился к ней, когда начались эти следствия (в 1979—1980 гг. на Высоцкого было заведено несколько уголовных дел — о якобы незаконном получении денег...), когда он почувствовал, что кольцо начинает сжиматься. Колебался — обращаться или не обращаться, думал, что это будет унижительно для него. И еще — не было этого последнего края...»

После смерти Владимира Высоцкого к Галине Брежневой обратился Юрий Петрович Любимов — тогда были сложности с выпуском спектакля «Владимир Высоцкий»: «Сперва с Галиной я говорил — дочерью Брежнева, и она сказала, что плохо себя чувствует, — это я говорил по поводу того, что не выпускают спектакль о Высоцком, а я знал, что она его поклонница горячая, Галина». Когда Галина Леонидовна умерла, Любимов пришел на прощание с ней с громадным букетом роз... «Она очень много сделала для театра и для Володи Высоцкого».

Сын Л.И. Брежнева — Юрий — работал во времена «цветущего застоя» заместителем министра внешней торговли СССР. Вторым замминистра был тогда Журавлев, который несколько раз и в разных ситуациях помогал Высоцкому. При содействии Журавлева — и, конечно, не без ведома Ю. Брежнева — В.В. получил возможность беспопытного ввоза из-за границы нескольких машин. Известно, что однажды «один замминистра (К. Трофимов?) пригласил Юрия Брежнева к Высоцкому на Малую Грузинскую. Я еще бегал в «Берез-

ку» — организовывал стол. Это было осенью 1979 года, сразу после Тбилиси и Пятигорска». (В.П. Янклович)

Но известен и другой факт... У Высоцкого был назначен концерт в Министерстве внешней торговли, и он рассчитывал, что там будет и Ю. Брежнев. Вспоминает актер Театра на Таганке, близкий друг В.В. — Иван Бортник: «Юрий Брежнев не захотел или не смог прийти... Об этом стало известно часа, наверное, за два до начала концерта. И чиновники — как бы чего не вышло — один не пришел, второй, третий... Скорее всего, впервые на концерте Высоцкого был полупустой зал».

Высоцкий хорошо знал Виктора Суходрева — личного переводчика Брежнева, знал — еще по Большому Каретному — его жену Ингу Окуневскую. И когда после смерти В.В. нужно было решить вопрос о передаче квартиры на Малой Грузинской Нине Максимовне Высоцкой, друзья решили обратиться прямо к Брежневу.

Вспоминает Валерий Янклович: «Марина Влади написала личное письмо Брежневу. Я позвонил Суходреву, изложил суть дела.

— Виктор, ты скажи точно, сможешь передать или нет?

— Дайте мне время до завтра...

Назавтра он позвонил мне и сказал, что письмо будет передано. Действительно, письмо Брежневу он передал, и вопрос был решен очень быстро».

Позже — точнее и подробнее об этом рассказали Инга Окуневская и Виктор Суходрев.

Инга Окуневская: «... Известие о его смерти было для меня шоком. Виктор не смог пойти на похороны — у него в то утро были какие-то неотложные дела с иностранной делегацией, и я поехала одна. Как-то я прошла в театр через все милицейские ограждения — сказала, что пришла по приглашению Марины. Тут же ко мне подскочил Кобзон:

— Инга, тебя ждет Марина! А где Виктор?

— На работе, он сейчас не может приехать.

Я прошла в кабинет к Юрию Петровичу, там сидела Марина. Мы обнялись. Она заплакала... А потом сказала:

— У меня к тебе есть дело. Нужно, чтобы наша квартира осталась маме Володи. Нужно мое письмо передать Брежневу. Сможет Виктор мне как-то помочь?

— Знаешь, я за Виктора не могу дать ответ, я должна ему позвонить.

Позвонила Виктору, он сказал:

— Поезжай домой и жди моего звонка, а я постараюсь дозвониться до Александра.

И я поэтому не поехала на кладбище — я на машине тут же вернулась домой и сидела, ждала звонка. Где-то часам к пяти-шести Виктор дозвонился Александру, и тот сказал: «Присылайте мне письмо».

Виктор Суходрев: «В общем, был звонок от Инги, она мне изложила просьбу Марины, и я ей сказал, что буду выяснять. Вы прекрасно знаете, какая была обстановка вокруг похорон: замалчивание его смерти в газетах, вся эта милиция вокруг — и так далее... Я не мог сразу сказать Марине, что письмо я, конечно, возьму, потому что не был на сто процентов уверен, что мне его удастся передать по назначению — я не знал, какова будет реакция «с той стороны». А взять письмо и не передать — это для меня был абсолютно неприемлемый вариант. Я позвонил помощнику Брежнева, Андрею Михайловичу Александру, с которым был хорошо знаком. Напомнил ему, что Марина, во-первых, является вице-президентом Общества дружбы Франция — СССР; а во-вторых, что, когда Брежнев незадолго до этого был с официальным визитом во Франции и принимал в советском посольстве руководство этого Общества, то особенно тепло беседовал с Мариной, и именно поэтому она считает возможным направить ему такое (чисто личное) письмо.

Через какое-то время, после очередной деловой встречи у Брежнева, Андрей Михайлович сказал:

— Кстати, это письмо от Марины Влади, которое вы мне тогда переслали... Вы знаете, я его Леониду Ильичу даже не показывал. В этом не было необходимости, я просто позвонил в Моссовет, переслал его туда, и вопрос решился очень быстро, можно сказать, в одночасье.

Александров был человеком быстрых действий — он любил делать все сразу, с ходу, что называется, — у него обычные бумаги не залеживались. Я думаю, что он позвонил в Моссовет в тот же день, когда мое письмо оказалось у него на столе, — то есть на следующий день после похорон Высоцкого».

Кстати, Владимира Семеновича Высоцкого похоронили в правительственном гробу (изделие номер «шесть», или просто «шестерка», — особой конструкции и из особых ценных пород дерева), в таком же гробу через два с половиной года уронили в могилу тело Леонида Ильича Брежнева.

ГИА СССР

За 42 года своей земной жизни Владимир Высоцкий более десяти раз попадал в серьезные автомобильные аварии. Разбивал машины, переворачивался — спутники его получали серьезные травмы: переломы, сотрясения мозга, сам В.В. отделялся более или менее глубокими царапинами. И только два раза «дорожно-транспортные происшествия» случались не по его вине. Естественно, что его отношения с работниками Государственной автомобильной инспекции складывались далеко неоднозначно...

О том, как Высоцкий водил свои автомобили — очень быстро и очень неосторожно — сохранилось много свидетельств. Первая «проба скорости» состоялась на Украине...

Вспоминает, а точнее — излагает, Давид Карапетян: «...И вот Володя, словно читая мои мысли, просится за руль. Оказавшись на безлюдной трассе, прошитой желтой канвой несжатых полей, Володя не мешкая — с места в карьер — рванул в заманчивый оперативный простор. Слово почуввав беду, суетливо заметалась взлетевшая стрелка спидометра... Я посмотрел на друга и... залюбовался: судорожно стискивая руль вконец загнанной легковушки, безбожно нажимая на газ, он в каком-то вертикальном взлете души был весь устремлен к финишной ленте горизонта...

Нам помешал внезапно возникший поворот. Он был вполне безобидным, но Володя растерялся и резко, как все новички, нажал на тормоз, вместо того, чтобы убрать газ. Я попытался вывернуть руль, но было поздно: со скрежетом остановившись и чуть поразмыслив, наш «Москвич» закружился в неуклюжем фуэте, соскользнул на край обочины и, неловко перевернувшись, кубарем покатался вниз. И самопроизвольно встал на колеса: несмотря на кульбит, он во все не собирался сходить с дистанции... Дебют Высоцкого в роли автоаса длился не более пяти минут...»

Учил Высоцкого водить Борис Диодоров, учил на своей «Волге». У Высоцкого все получалось сразу. Приведем один поразительный эпизод, рассказанный мне Борисом Аркадьевичем Диодоровым: «Однажды Володя позвонил мне: «Я на машине...» Поехали куда-то. Володя вцепился в руль — он недавно начал водить — и говорит: «Вот сейчас будем мчаться по хорошему шоссе, почти лететь... И чтобы кто-нибудь ехал навстречу — лоб в лоб! Интересно, свернул бы тот другой или нет?» Меня это поразило».

Итак, Высоцкий очень быстро научился — и водить, и рисковать, и нарушать... Георгий Гречко: «Однажды Владимир пригласил меня на концерт в какой-то Дом культуры в районе заставы Ильича. Володя был на «иномарке», его друзья — тоже. <...> Поехали. Или Володя со своими друзьями очень спешили, или это был их обычный стиль, но они мчались как сумасшедшие. Почти никакого внимания на светофоры, трамваи обгоняли по встречным рельсам!» Надо отметить, что космонавт Гречко на обычной «Волге» все же не отстал от Высоцкого.

Свидетельство Алексея Штурмина: «Он водил неосторожно. Мне кажется, что это было у него в характере. Был такой случай: серьезно заболел Валерий Янклович, он лежал в больнице, в Измайлово. Володя мне звонит:

— Валера там умирает! Давай поедem, сделаем что-нибудь!

Я бросил все, приехал. А Володя только что купил «Мерседес-450» — очень мощная спортивная машина. <...>

И вот зимой — это было как раз под Новый год — мы поехали в больницу. Володя врубил дальний свет и попер против движения! Я спокойно отношусь к опасности, но тогда мне было очень неуютно. И то, что он часто разбивал машины, не было случайностью, скорее — закономерностью».

Врачу-анестезиологу Станиславу Щербакову пришлось испытать еще более сильные ощущения: «...потому что он гнал как сумасшедший! Когда мы приехали, меня, извините, тошнило. Володя рвал и метал: то под 120, то «по нулям». Я ведь и на «скорой», и на реанимобиле поездил — переносил нормально, а тут меня тошнило».

Вероятно, при темпераменте и темпе жизни Высоцкого перейти на другие скорости он просто не мог. Анатолий Эфрос: «Он летал по Москве на своем автомобиле с быстротой молнии. Однажды у красного светофора его машина догнала мою. Он открыл окно и прохрипел, сделав смешное ударение: — Наперегонки!

И рванул так, что я сразу потерял его из виду».

Однажды А.С.Макаров встретил Высоцкого на «Мосфильме»: «Володя предложил подвезти. Мы сели, кажется, в «БМВ». Он так гнал, что я сказал:

— Володя, мы же взлетим!»

Но надо сказать, что не всегда это было связано с характером В.В., — в последнее время сказывалась болезнь... П.П. Николаев — бывший участковый милиционер на Малой Грузинской: «А в каком состоянии он водил машину?! Теперь это подается как смелость и прочее... А это было безрассудство».

Илья Янклович: «Володя водил машину в любом состоянии... Я сильно заболел, но тогда еще не было известно, что это воспаление легких... Отец был занят и попросил Володю заехать за мной. Он приехал, и вот тогда я понял, что и сам Володя серьезно болен. Он даже нетвердо стоял на ногах, а один раз поскользнулся на лестнице... Но он забрал меня из школы и, не обращая внимания на перекрестки и светофоры, отвез меня в больницу и, как оказалось впоследствии, спас мне жизнь».

Как же реагировали московские «гаишники» на регулярное превышение скорости, да и на более серьезные нарушения. Конечно, легендарному Высоцкому иногда прощали — или разрешали — то, что не позволяли другим.

В.И. Туманов: «Мы торопились куда-то. Надо было развернуться. Володя говорит гаишнику:

— Начальник, можно я здесь развернусь?

Тот так посмотрел:

— По-моему, Владимир Семенович, вам все можно.

Ну Володька и развернулся на сплошной».

Близкий друг Высоцкого рассказал мне, что однажды они серьезно загуляли... Была плохая погода, — шел снег, и маленький скоростной «мерседес» застрял рядом с отделением ГАИ. Начальник отделения, видя состояние друзей, не только помог вытащить машину, но и сам сел за руль, чтобы отвезти их домой. Высоцкий сидел на заднем сиденье и хлопал майора по плечу: «А!? Хороша машина! А как идет!»

И еще одно очень любопытное свидетельство Вадима Ивановича Туманова: «Ездил Володя очень хорошо... Но был ли он асом? Для меня ас — это человек, который не только хорошо ездит, но и досконально разбирается в машинах... Однажды я говорю Володе: «Давай, вымоем твою машину, чистая она быстрее идет...» Ну пошутил так. Вымыли. Едем, Володя говорит: «Слушай, Вадим, она действительно быстрее идет...»

Но в Государственной автоинспекции были люди, для которых општрафовать Высоцкого было особой «честью». Илья Янклович рассказывал мне, что за машиной Высоцкого долго гонялся экипаж ГАИ: «Загнали в какой-то переулок и все-таки содрали штраф». В.И. Туманов: «Гаишники, конечно, останавливали, штрафовали... А один несколько раз догонял и штрафовал. Специально, конечно».

В.Б. Смехов: «Он на днях ехал по спокойной трассе, остановился по свистку, и «тот» <...> инспектор поставил просечку в правах. А когда ошарашенный водитель назвался, тот осклабился радостно:

— А я знаю! Я тебе и ставлю дырку, потому что ты — Высоцкий!»

Иномарок в Москве тогда было немного, Высоцкого знали в лицо, знали и номера его машин. Первую иномарку «Рено-16» в начале семидесятых годов Марина Влади купила во Франции и привезла из Парижа. Естественно, на машине были иностранные номера. А такие машины тогда не выпускали дальше чем за сто километров от Москвы. Сам Высоцкий рассказывал об этом так: «За сто километров от Москвы меня уже не выпускают, из-за иностранных номеров останавливают, и все. Я им (гаишникам) говорю: «Вот мои документы, я — Владимир Высоцкий. Если вы меня не знаете... Не знаете! Но я же гражданин Советского Союза! У меня есть доверенность, это машина моей жены...» — «Все равно с такими номерами не имеем права выпускать!»

Но были и другие сотрудники ГАИ, которые знали и любили песни Высоцкого, отсюда и совершенно другое отношение к Владимиру Семеновичу Высоцкому... Н.И. Тамразов: «Была весна 79 года. Мы едем на большом сером «мерседесе», и нас останавливает гаишник:

— Превышаете скорость.

А Володя вдруг говорит:

— А она медленнее не идет. Чего ни делаю, не идет медленнее.

Гаишник ничего не понимает, вроде сидят нормальные взрослые люди... Володя поворачивается к нему, тот увидел, узнал:

— Ну, товарищ Высоцкий, что же вы шутите... Будьте осторожны».

Вспоминает А.Тюрин, организатор концертов Высоцкого в МГУ: «На концерт ехали с Таганки на двух машинах: Владимир Семенович — на своей, организаторы — на такси. На Ленинском проспекте Высоцкий собирался оставить машину у друга (кажется, Ивана Бортника) и пересесть в такси. Поручив не отставать от него, он поехал первым. Однако после первых двух светофоров его «мерседес» исчез из виду. В ответ на упрек таксист в сердцах воскликнул:

— Я в своем автопарке самый опытный водитель, но утнаться за Высоцким — это самоубийство! Его номер машины знаком всей милиции Москвы — вот и догони его попробуй, если ему — ни красных, ни зеленых...»

Повторим, что далеко не всегда эти «гонки» заканчивались благополучно. Марина Влади рассказывает об аварии на «Рено-16», на той самой — первой «иномарке» В.В.:

«Только вернувшись домой, я понимаю всю серьезность аварии: весь перед смят, машины больше нет».

А. Демидова: «Переезд на гастроли в Ленинград. Высоцкий попал в аварию. За 70 километров до Ленинграда. Перевернулся. Сам, слава Богу, ничего — бок машины помят».

1 января 1980 года «Мерседес-250» на большой скорости, да еще на обледенелой дороге, врзается в трогаящий-ся с остановки троллейбус. Два пассажира получают серьезные травмы, у Высоцкого только сильно поцарапано лицо. Бог, действительно, хранил или судьба берегла — для чего-то другого?..

Подъезжает патрульная машина ГАИ — составляется протокол о серьезном ДТП... И Высоцкому грозит уголовное дело... Друзья пытаются помочь... В.Абдулов: «Мы обращались к Владимиру Баеву — однокласснику Володи, — а он работал тогда зав. отделом кадров ГАИ СССР. Но и он не смог помочь — дело уже было передано в милицию. Да, когда у Володи отбирали права — это Баев всегда их возвращал».

В заключение еще один эпизод... Высоцкий вместе со своим другом Бабеком Серушем опаздывают в Шереметьево: «Володя начал гнать. И его останавливает сотрудник ГАИ — сразу узнал Володю:

— А — Высоцкий... Автограф!

— Мы опаздываем. Если сделаешь «зеленую волну» — дам автограф.

«Гаишник» передал по рации, и Володя гнал до аэропорта как сумасшедший».

28 июля 1980 года. Похороны Владимира Семеновича Высоцкого. Траурный кортеж от Театра на Таганке дви-

жется по Садовому кольцу. Работники ГАИ отдают честь и останавливают даже «олимпийские» автобусы. Последний путь — и снова: «зеленая волна».

ИВАН

Окружение Высоцкого последних лет — тема отдельной большой статьи, но об одном человеке следует рассказать особо. И по месту, которое он долгое время занимал в жизни В.В., и по роли — противоречивой, а в конце трагической — которую он сыграл в его судьбе...

Марина Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет» довольно нелицеприятно пишет о друзьях-приятелях своего мужа: «Среди этих приятелей были: Иван — артист твоего театра — талантливый человек с неудавшейся судьбой...» (В этом же ряду Марина упоминает «предателя — Володарского» и еще одного приятеля — «электронщика, который торговал записями В.В.») И продолжает: «Все эти люди были лишь лакеями, которых ты не сегодня — завтра «оставлял в тени забвения».

Только одного человека Марина Влади называет близким другом Высоцкого — Вадима Ивановича Туманова: «Володя с Ванькой дружил, когда они пили. Но Ванька довольно быстро выходил из этого состояния, а Володя нет. Я Ваньке наговорил после смерти Володи... В последний год они раздружились, не знаю почему...»

Есть и другие точки зрения на отношения Высоцкого и Ивана. Вспоминает Нина Максимовна Высоцкая: «О Ване Володя говорил, что ему с ним всегда интересно. Ваня часто бывал здесь, на Малой Грузинской». В.П. Янклович: «Ваня — это особый случай в жизни Володи. Володя с ним близко общался, находил в нем что-то близкое себе — помимо «черноты» и общей болезни. Я помню, как Ваня, кобенясь, не хотел уезжать в отпуск, а Володя заставлял его. Даже хлопотал, чтобы его кто-то принял на юге... Это было — куда от это-

го денешься». Ксения Ярмольник: «Ваня — человек эрудированный и интересный, действительно талантливый актер. В общем, личность. И когда Ивана не было, Володе чего-то не хватало — не знаю уж чего... Может быть, он давал Володе какой-то заряд? — Не знаю... Но был случай тяжелый и трагический, после которого мы стали врагами...»

Вот такие противоречивые сведения и оценки... А что же сам Иван? В трех книгах о Высоцком он опубликовал два текста воспоминаний и фрагменты писем В.В. к нему. Несколько цитат из воспоминаний: «Я очень горжусь, что он любил меня, был со мною на «ты», и тоже (?) ревниво отношусь к памяти о нем и перипетиям его короткой и страстной жизни». (1988 г.) «В близких отношениях — а я испытал на себе дружбу Высоцкого — он был очень внимательным и даже нежным. Причем о своих друзьях Володя должен был знать все, и я все знал о Володе». (1992 г.). И ни слова о противоречиях, конфликтах, а тем более — трагических ситуациях. Правда, факт ссоры в 1980-м году Иван признает: «Володя мне иногда говорил: «Ну если вот с этим поссорюсь (он называл фамилию), ладно... Но если с тобой — мне будет очень больно. И все-таки мы поссорились, примерно за год до его смерти. Не по-крупному, но поссорились, — обычные дела между друзьями. И я считал себя виноватым, но подойти, сказать — как-то не получалось: гордость заела... Мы продолжали часто встречаться и общаться, но ссора была» (1992 г.).

Да, дружба была, и было общение на самом высоком уровне, правда не очень часто... Озлобленный на Марину Влади и иногда переносящий неприязнь и на Высоцкого, Э. Володарский вспоминает такой эпизод: «Ваньку... обожал. Как-то Ваню прорвало, и он стал авторитетно, со знанием дела говорить о Серебряном веке. У Володи упала челюсть. Он долго слушал и спросил: «Ванька, откуда ты все узнаешь?» — «Ну как? — ответил Ваня. — У меня мама — кандидат наук, Серебряным веком занималась». У Володи почернели глаза от гнева: «Ваня, ты знаешь так много интересного, а сидишь и день за днем мне какую-то х...ню молишь. Какая же ты сука!»

Но не только откровенные разговоры, интеллектуальное общение и выпивка, которая некоторое время для некоторых актеров Таганки была образом жизни, — но и еще одно печальное обстоятельство, связывало Высоцкого и Ивана... Наркотики. В последнее время вокруг В.В. сложился круг людей — очень узкий, — которые так или иначе были связаны с наркотиками. Врачи, которые все «понимали» — и «помогали» (спасали, но и доставали). Администраторы, которые тоже знали, но их знание было таким: без наркотиков концерты могут не состояться...

Каково же место и, так сказать, позиция Ивана? В одном разговоре, записанном на диктофон, он мне признался, что Высоцкий мог уговорить кого угодно... «Даже меня уговорил уколиться... Я поплыл...» Иван пытается представить это единичным случаем, но это, конечно, не так. Врач-реаниматолог Анатолий Федоров вспоминал: «Это было поздней осенью 75-го года... Вадим Туманов вызвал Олега Филатова — моего друга, а Олег позвонил мне:

— Высоцкому очень плохо... Ты не можешь приехать?! Я же не реаниматолог...

А Олег по специальности — травматолог. Но было понятно — что-то серьезное. И мы с Олегом поехали. А там (на Малой Грузинской. — В.П.) Володя был с Ваней — уже прилично «заквашенные». Да еще накололись какой-то дрянью, и у них температура подскочила «за сорок». Я посмотрел-посмотрел: ну, этих ребят уже ничему учить не надо...».

Прекрасно осведомлен об этом В.П. Янклович, один из самых близких людей последних лет жизни В.В.:

— Насколько я понимаю, у них с Иваном все это началось в Болгарии. Они там были осенью 1975 года.

— Мне говорили, что у Высоцкого была какая-то вина перед Иваном?

— Да, я помню, что Володя какую-то вину чувствовал перед Ванькой... Но почему и по какой такой причине, не знаю».

В кругу друзей последних лет практически все утверждали, что Высоцкий «посадил на иглу» Ивана в начале 1976 года. Вот и источник чувства вины: В.В., как совестливый человек, все прекрасно понимал, хотя в 77-м году можно говорить еще о привыкании, а не о болезни.

В 1995 году Иван публикует письма Высоцкого к нему. В одном из них есть загадочная фраза: «Гофманиада продолжается...» (июль 1977 г.). Иван пишет в примечаниях: «Накануне отъезда Володи за границу нас познакомили с врачом-наркологом по фамилии Гофман». Что это? Попытка лечиться? Очередное снятие наркотической абстиненции? Или — временный источник наркотиков?

А теперь о «ссоре друзей»... По свидетельству четырех человек, Ваня «взял» у Высоцкого из номера ампулу с наркотиком. Это было во время гастролей Театра на Таганке в Польше. Учитывая, что Высоцкий прилетел в Варшаву после тяжелейшего курса лечения в парижском госпитале «Шарантон» и что каждый спектакль давался ему с большим трудом, — можно представить, что значила для В.В. каждая ампула «лекарства». В.П. Янклович: «Ванька у Володи в Польше «свистнул» наркотик — вот и поругались...». К. Ярмольник: «Ваня в Польше вытащил у него из шкафа ампулу. Подвигал, подвигал помаленьку — думал, что Володя не заметит...». Об этом мне также рассказывали В. Гольдман и В. Баранчиков.

Можно вспомнить еще один — трагический эпизод... Гастроли Театра на Таганке во Франции — 1977 год. Знаменитый «Гамлет», сыгранный в Марселе... («Володя играл гениально». — Ю.П. Любимов.) А перед спектаклем Высоцкий «сорвался», «ушел в пике» — исчез, растворился в незнакомом городе. Его искали и нашли Марина Влади, Давид Боровский и Ю.П. Любимов... Все так, но ведь никто не упоминает человека, с которым Высоцкий «путешествовал» по марсельским ресторанам и кабакам. Все тот же Ванька... А во время спектакля В.В. рвало кровью, а за кулисами дежурили врачи...

И, наконец, два очень близких к В.В. человека почти напрямую называют Ивана виновником последнего запоя Высоцкого. В.И. Туманов: «Все началось с Ивана — это мне точно рассказали. А если это начиналось, то остановить Володю было очень трудно... Теперь, конечно, никого винить нельзя, но я Ваньке при людях наговорил тогда...» Ксения Ярмольник: «Это было 21 или 22 июля. Тогда мы Володю почти полностью вывели из запоя. И тут приезжает Ваня...».

В.П. Янклович: «Они же с Ванькой так нажрались 21-го... Володька орал! А Ванька ржал: «Орешь? Ну, ори — ори!» Мне Ксения рассказывала. Она мне позвонила: «Приезжай!» Но вечером я приехать не смог...».

Ксения Ярмольник: «...Я поняла, что они запьют. И прикинулась «дохлой лисой», говорю, что у меня заболело сердце. И уехала. Я думала, что Володя поедет за мной, но он не поехал».

Иван остается ночевать на Малой Грузинской: «Утром Володя посылает меня: «Надо бы где-нибудь достать...». Я сходил, принес две бутылки. А в последнее время ему совсем немного надо было... Тут приехала Оксана и устроила истерику — одну бутылку вылила в раковину... — «Уходите, вы нам не друг!». А потом наглоталась димедрола. Я ушел».

Ксения Ярмольник: «Это же продолжалось всю ночь — с вечера до утра. Ваня пел какие-то песни... А лето, все окна открыты. Вот тогда я и напилась, только не димедрола, а элениума. А Ване сказала: «Убирайся отсюда!»».

В.П. Янклович: «Я смог приехать, наверное, часов в одиннадцать. Ивана встретил уже на выходе. Я зашел в квартиру — Ксения была просто в шоке!».

К. Ярмольник: «Это было ужасно... Я сказала: — Все! Я ухожу. Или пусть он уйдет.

Володя:

— Нет, вы останетесь оба! Если ты уйдешь, то я выброшусь с балкона!

Я оделась, выскочила на улицу... Смотрю, Володя висит на руках, держится за прутья решетки! Не помню, как я

взлетела на восьмой этаж, как мы с Ваней вытащили Володю. После этого случая я с Ваней не здороваюсь, более того, стали врагами».

А теперь — предварительные итоги... 6 сентября 1983 года В.С. Золотухин записывает в своем знаменитом теперь дневнике: «Говорил с Венькой (В. Смехов) о черном Ванькином крыле дьявола надо мной. Больше всего он беспокоится: «Дьявольское соседство! Ты вспомни, что он с Володей сделал?!»

А что он с Володей сделал?»

Ксения Ярмольник: «...Иван часто провоцировал Володю на то, что ему нельзя было делать. Зная Володю, он говорил ему обидные вещи. Он знал, на каких струнах играть, и делал это...».

В.П. Янклович: «Иногда, чтобы уменьшить дозу, мы прятали ампулы... Володя об этом догадывался... «Ах, вы так! Тогда поеду к Ивану: если у него есть — он даст». Ваня был «черный человек» для Володи... Но теперь, конечно, никого винить нельзя...».

К. Ярмольник: «Знаете, ведь Володя все про всех знал... Он мне несколько раз говорил: «Очень жаль, что ты появилась в моей жизни, когда из нее ушли все мои друзья».

ИГОРЕК

Одна из самых загадочных фигур близкого окружения Владимира Высоцкого в последние годы жизни — Игорь Годяев. Загадочной она стала во многом потому, что через несколько лет после его смерти Годяев покончил жизнь самоубийством. Тогда говорили, что он добровольно ушел из жизни, потому что его мучило раскаянье: не смог спасти Высоцкого. На самом деле это, разумеется, не так. Но обо всем по порядку.

Игорь Годяев — фельдшер института скорой помощи имени Склифосовского, тот самый «Игорек» из посвящения

Марины Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет». Приведем несколько характеристик Игоря Годяева — разных и разноречивых, которые помогут составить представление об этом человеке...

Леонид Сульповар — врач Института Склифосовского: «Я с Игорем много работал, он был фельдшером на реанимобиле. Молодой человек и весьма неординарная личность, хотя и с некоторыми комплексами... Игорь всегда искал чего-то необычного, а Высоцкий, вся атмосфера вокруг него, конечно, привлекали. Игорь много сделал для Володи, и Высоцкий принимал его, в общем, нормально. У них были свои отношения, о которых не мне судить...»

Всеволод Абдулов — близкий друг Высоцкого: «Игорь — замечательный человек, абсолютно чистый... Игорек — из тех первых врачей, которые спасли Володю в 69-м году. Он — один из активных участников каждой помощи, каждого спасения. Были случаи, когда Игорь один — на свой страх и риск — помогал Володе...»

Станислав Щербаков — врач Института Склифосовского: «Годяев — он всегда такой фирменный, немного нагловатый... Папа — какой-то представитель в Японии. Очень умный мужик и классный фельдшер. Он был такой московский мальчик с хорошим юмором. Конечно, ему было престижно знакомство и общение с самим Высоцким...»

В.П. Янклович: «Игорек работал фельдшером на реанимобиле «Склифа». Он был в той бригаде, которая спасла Володю во время первой клинической смерти. Когда у него горлом кровь пошла в квартире Севы Абдулова. Я познакомился с Игорем, когда они забирали Володю в «Склиф» — выводили из запоев. Так и держалась эта связь до следующей болезни — до наркотиков. Конечно, Игорь был искренне предан Володе — служил не за страх, а за совесть. Очень близкой духовной связи, конечно, не было — другой уровень, — но чисто человеческая близость была. Володя Игоря очень ценил. Ценила Годяева и Марина, ценила в прежние времена. А потом и за все эти алкогольные дела...»

Нина Максимовна Высоцкая: «Годяев... Он больше крутился около Марины. И тут много загадок. Зачем он взял кассеты разговоров Володи с Вадимом Тумановым? Почему у него фотографии Володи с Мариной на Таити? Сосед видел, что он выносил большую коробку с чем-то...»

Артур Макаров: «Годяев... Годяйчик... Игорь... Игорек... Два раза он был, когда Володя умирал. Вот ему я доверял... Его же страшно «напарили». Родители привезли «Волгу» из-за границы. «Продай, а что будет сверху — твое». Они поехали с Ш., а их «кинули» — подсунили «куклу»...»

Итак, знакомство Игоря Годяева вначале с Мариной Влади, а потом и с Владимиром Высоцким произошло при трагических обстоятельствах летом 1969 года, когда В.В. побывал в состоянии клинической смерти. Марина Влади: «Я прошу, чтобы срочно вызвали «скорую», у тебя уже не прощупывается пульс, меня охватывает ужас...

Осмотрев тебя, два врача «Скорой помощи» и санитар реагируют до смешного просто: слишком поздно, слишком большой риск, тебя нельзя перевозить. Им не нужен покойник в машине — это повредит плану». В конце концов, Марина добивается того, что Высоцкого забирают в реанимационное отделение Института имени Склифосовского. Был ли в этой бригаде Годяев — точно не известно...

Но собственно знакомство произошло позже, вечером следующего дня: «Поздно вечером — прошло уже шестнадцать часов, как я жду, — один из них (врачей), невысокий человек с живыми глазами и торчащими усами (И. Годяев), приглашает меня войти. (...) Врач успокаивает меня: «Было очень трудно. Он потерял много крови. Если бы вы привезли его на несколько минут позже, он бы умер. Но теперь — все в порядке...»

Игорек, Вера, Вадим, Толя и Леня хорошо поработали. Отныне они будут служить тебе верой и правдой, как в ту страшную ночь».

Действительно, врачи из Склифосовского будут постоянно помогать В.В. — вначале «вытаскивая» из самых глу-

боких «уходов в пике» — погружений в «этиловое безумие», — а потом, когда водку заменили наркотики, все стало гораздо сложнее. (Подробно об этом в книге В.Перевозчикова «Правда смертного часа».)

Постепенно Игорь Годяев становится «своим человеком» в доме Высоцкого, и не только потому, что участвует во всех «спасениях», но и потому, что Игорь — знаток и коллекционер песен В.В. Вспоминает С. Щербаков: «У Игоря было около тридцати часов записей Высоцкого. И кое-что он писал напрямую, на концертах».

В.Коган — фельдшер реанимобиля в Институте Склифосовского: «У Игоря было очень много кассет Высоцкого, в том числе и рабочих, где Володя пробует какие-то варианты...» (Я слушал одну такую кассету, что хранится у В.И. Туманова. Высоцкий начинает работу над песней «Ты — дока, но и я не прост». Эту строчку В.В. повторяет на разные мелодии и ритмы — более десяти раз. — В.П.)

А.С. Макаров подарил мне одну из кассет Игоря Годяева, на которой записаны разговор Высоцкого с неизвестным, и оригинальные фрагменты нескольких концертов В.В., запись на портативном магнитофоне «УИР»(?). В конце 90-х годов я передал кассету в фонды Музея Высоцкого.

К сожалению, вышеупомянутые записи постигла печальная участь. Вдова Годяева сказала мне: «Я мало что могу сообщить вам... У него была своя жизнь. А на кассетах Высоцкого дочь записала свои рок-ансамбли...»

К счастью, сохранились другие записи В.Высоцкого. Анатолий Бальчев — музыкант, композитор, автор музыки к стихотворению Высоцкого «Попытка самоубийства» — вспоминает: «Игорь Годяев прилично владел гитарой, причем, настолько, что аккомпанировал Володе на некоторых записях. Например, у Бабек». (После смерти Высоцкого его друг Бабек Серуш выпустил двойной альбом, так называемый «Белый альбом», на котором В.В. аккомпанировал среди других музыкантов И. Годяев. — В.П.)

Теперь о судьбе пленок, на которых ночные разговоры В.И. Туманова с Высоцким. В.И. Туманов: «Вначале Слава

Говорухин включал, потом сам Володя... Их было пять или шесть». На кассетах рассказы Туманова о сталинских лагерях — потрясающие человеческие документы... На основе этих рассказов Высоцкий хотел написать сценарий о судьбе В.И.Туманова и снять фильм по этому сценарию. После смерти Высоцкого эти пленки исчезают из квартиры на Малой Грузинской.

И только спустя несколько лет выяснилось, что сам Высоцкий незадолго до смерти передал эти кассеты Годяеву. В.Янклович: «За три дня до последнего «Гамлета» (т.е. 15 июля. — В.П.) Володя привез Игорю эти пленки, причем, отдал их не ему, а жене. Володя попросил, чтобы эти кассеты пока были у них. Наверное, потому, что их дом находился в отдаленном районе. Эти записи в то время могли как-то скомпрометировать Вадима Туманова». В конце концов, три кассеты были возвращены Туманову, а две кассеты — по одним сведениям — увезла в Париж Марина Влади, по другим — они просто исчезли во время переезда Г. Антимония на Ленинский проспект...

Последние недели и дни жизни Высоцкого... Игорь Годяев часто бывает на Малой Грузинской — помогает как и чем может. В конце июня — в начале июля В.В. собирается улететь в тайгу к Туманову — это одна из последних попыток избавиться от наркотиков, — и собирается лететь вместе с Годяевым. Значит, ему полностью доверяют и на него надеются...

18 июля — последний «Гамлет». Высоцкому плохо. Идет Олимпиада, все каналы перекрыты, наркотиков нет. В.Янклович вызывает скорую. Приезжает Годяев. Но даже «скорой помощи» не выдают наркотики, и Игорь — прямо за кулисами — делает укол витаминов, чтобы как-то поддержать В.В. В это время за кулисами находился кинорежиссер Петр Солдатенков. Он видел, как В.В. выскочил со сцены: «Высоцкий задрал свитер, и Годяев всадил ему укол прямо под лопатку».

25 июля 1980 года. С этой трагической даты начинается посмертная судьба Владимира Семеновича Высоцкого...

«Игорь сыграл большую роль именно в посмертном периоде, особенно сразу после смерти. Ведь главным было — скрыть про наркотики. Если бы власти узнали про наркотики, то это во многом могло решить всю посмертную судьбу. А, Высоцкий — наркоман?! Зачем хоронить его на Ваганьковском? Зачем потом его издавать?!» Времена-то были еще те. И. Годяев с Федотовым поехали в поликлинику и «сделали» справку о смерти. Это очень важно. Потом Годяев едет в ОВИР и меняет загранпаспорт на общегражданский...» (В. Янклович).

28 июля. Ночь перед похоронами. Вспоминает Марина Влади: «Твой врач Игорек спрашивает меня, может ли он положить тебе в руки ладанку. Я отказываюсь, зная, что ты не веришь в Бога. Видя его отчаянье, я беру ее у него из рук и прячу тебе под свитер...»

После похорон, «когда начались дела с рукописями, с памятникником, Игорь проделывал громадную повседневную — черновую работу: сводил людей, перевозил материалы...» (В. Янклович).

Годяев принимает участие в пересъемке рукописей, вместе с А.Макаровым занимается проблемой долгов В.В., разбирает архив... Вероятно, именно тогда к нему попали фотографии, о которых упоминает Н.М. Высоцкая.

Через четыре года после смерти Высоцкого Игорь Годяев покончил жизнь самоубийством. Его добровольный уход из жизни (самоубийство — есть дуэль с самим собой?) поразила практически всех, кто его знал... «Такой сильный человек... Он же занимался в школе каратэ у Штурмина, показывал нам приемы... И вдруг — самоубийство». (Илья Порошин, сын В. Янкловича.)

Почему? Вернемся к самой первой версии: «Было такое настроение — давили на Игоря: якобы он виноват в смерти Володи». Но это мнение А.Федотова — врача-реаниматолога, который был в квартире на Малой Грузинской в ночь смерти Высоцкого, мнение абсолютно необоснованное, — скорее, его самого и с гораздо большими основаниями винили в этом.

Станислав Щербаков: «Годяев трижды травился... Ему нужно было поугаить одну девушку, которая его отвергла...» Версию о несчастной любви поддерживают многие. Но обстоятельства смерти Годяева говорят о другом.

Ксения Ярмольник: «И жена, и дочь были в квартире... Он заперся в ванной, выпил какое-то лекарство. Наполнил ванну водой, лег туда... Остановилось сердце».

Анатолий Федотов: «Кто-то был дома — жена или дочь... Игорь лег в теплую ванну и сделал себе укол... В общем, профессионально ушел из жизни...»

Хотел поугаить одну девушку, которая его отвергла, а нанес сильнейшую эмоциональную травму самым близким людям? Возможно, прав А. Макаров — Годяев очень переживал, когда у него практически украли «Волгу», принадлежавшую родителям? Вообще говоря, когда мы имеем дело с самоубийством, всегда вступаем в область догадок и предположений...

В любом случае, Игорь Годяев искренне любил Высоцкого, много делал для него. Именно поэтому он и останется в нашей памяти...

БУХАРА, 1979 ГОД

«Володя собирается на гастроли в Среднюю Азию... А я как раз был у него:

— Володя, а ты не хочешь меня с собой взять?

— Да с большим удовольствием, Толян. Почту за счастье...

И меня оформили артистом «Узбек-концерта». Поездка была такая: Учкудук, Зарафшан, Навои, Бухара. Валера Янкович, Володя Гольдман, Сева Абдулов и я... Да, была еще девушка — актриса. Они с Севой Абдуловым читали стихи».

(Анатолий Федотов — врач-реаниматолог, которого считали «личным врачом» В. Высоцкого)

«Тогда (июль 1979 года) с ним ездила девушка — ведущая.

— А вы не помните ее фамилию?

— Сейчас вам скажу... Лена Облеухова. Володя попросил на эти гастроли ведущую, я поговорил с Леной... Мы встретились на улице Горького напротив магазина «Подарки», я посадил Лену к нему в машину. Мы с Володей расцеловались, они уехали. Там с ним и случилось...»

(Николай Тамразов — администратор, ведущий и режиссер)

«Высоцкий гастролировал в Средней Азии. В Учкудуке, Зарафшане, Навои, Бухаре. В самое пекло... Условия концертов были жестокими. Володя был обязан давать пять — пять! — концертов в день. (По сведениям Александра Петракова — четыре концерта в день. — В.П.) Причем последние три — на открытой площадке, когда дует страшный «афганец», когда песок забивает рот. (Других упоминаний о концертах на открытых площадках нет. — В.П.) Отработали Учкудук...»

(Владимир Гольдман — администратор, который вместе с В.Яковичем проводил эти гастроли, — в интервью израильской газете «Глобус»)

Василий Повереннов — в то время руководитель объединения водоснабжения золотодобывающего предприятия в Зарафшане, имевший определенный вес в партийных органах, — устроил ВВ полет на вертолете над пустыней Кызылкум... Высоцкий заметил, пролетая над гигантскими карьерами, где открытым способом добывали урановую руду: «Даже пустыню опустошили...»

Юрий Гуров — исследователь жизни и творчества Высоцкого: «Мне Василий рассказывал о знакомстве с ВВ в Ташкенте во время гастролей театра в 1973 году. А в 1979 году, когда готовили поездку Высоцкого по Узбекистану, на Повереннова вышел Гольдман. Все согласования в горко-

ме Зарафшана проводил Василий. Ну и — встречал, перевозил, устраивал экскурсии, кормил, доставал — не особо вникая для чего — «лекарство» (пока позднее — уже в Навои не прилетела Оксана с «грузом»). Вот в это время они с ВВ и подружились — очень близко. В Зарафшане перед концертом были на квартире у Повереннова, потом вся группа была приглашена на дачу...»

В. Гольдман: «В Средней Азии мы с Володей любили ходить на базары... Обманем бабая на 10 копеек — и идем довольные...»

Всеволод Абдулов: «Вот представьте себе, Валерий, — Учкудук... Жара, и четыре концерта подряд... А вечером Володю приглашают на озеро — солидные, уважаемые люди. Костер, шашлыки... Володя берет гитару — и это уже пятый концерт».

(Речь идет о банкете в подсобном хозяйстве у Анатолия Ивановича Каца, заместителя директора Навоийского горно-добывающего комбината, для которого В.В. подписал поздравительную открытку:

Нет! Не за тем, что ощущаю лень я,
А просто потому: кишка тонка
Так и не придумать поздравленья
Дороже лауреатского значка

от Высоцкого, 22 июля 79 г

И расписался...)

В. Гольдман: «Володя начал плохо себя чувствовать еще в Зарафшане. Мы работали, отменяли концерты, работали, отменяли... В Бухаре, чтобы Володе было легче работать, Янклович рано утром пошел в кинопрокат доставать ролики, а мы остались в гостинице: Володя, Толя Федотов и еще одна девушка».

А теперь фрагмент интервью с Оксаной Ярмольник, которая, по-моему, является единственным независимым свидетелем тех трагических событий:

— А про остановку сердца в Бухаре вы знали?

— Как знала?.. Я была в Бухаре.

— Вы были в Бухаре?!

— А кто Володю откачивал? Я его откачивала. В принципе Володя сразу хотел, чтобы я поехала. Но потом мы договорились, что я прилечу в Бухару... Но уже через несколько дней звонит Валера Янклович: «Все, Володя заболел! Немедленно вылетай! Сначала полетишь до Ташкента, а потом до Зарафшана».

А. Федотов: «Перед гастролями один военный врач — Володин знакомый — сумел достать несколько больших упаковок «лекарства». И мы рассчитывали, что этого хватит, по крайней мере, на месяц. Валера взял примерно половину... А Володя тогда уже не контролировал себя... И через неделю Янклович звонит Ксении: «Срочно вылетай!»

О. Ярмольник: «Беру эту коробку и мчусь в аэропорт... Билетов нет. Разгар лета, да еще начался Афганистан и везут эти первые — страшные черные гробы. То есть — ужас! Кое-как долетела до Ташкента. А как я добиралась до Зарафшана — это целая отдельная история.

Приезжаю. Жара такая, что каблуки вязнут в асфальте... За колючей проволокой работают заключенные, на улицах ни одного прохожего — пустой город. (Рядом с Учкудуком находишь урановые рудники и карьеры, а в Зарафшане добывался сопутствующий металл — золото. Город строился преимущественно заключенными. Но Оксана ошибается: она приехала не в Зарафшан, а в областной центр, отстоящий на сто километров, — Навои. Колючей проволоки и заключенных хватало и там. — В.П.) Прямо на улице останавливаю «запорожец».

— Ребята, вы не знаете, где живет Высоцкий?

Они говорят, что у Высоцкого сейчас концерт, а один показывает мне паспорт, в котором через две страницы Володин автограф. Приезжаем к кинотеатру, я захожу: Володя без голоса, что-то рассказывал».

Ю. Гуров: «Вася Повереннов рассказал мне, что из Учкудука, где даже утром жара перевалила за 40 градусов, Высоцкого везли в машине с кондиционером, и он очень сильно простудил горло».

В. Повереннов: «Перед каждым концертом Толя Федотов делал ему обезболивающие уколы прямо в шею...»

Вероятно, эти уколы помогали не всегда, а «лекарство», как мы знаем, к этому времени кончилось...

Валерий Павлович Янклович: «В 1979 году в Бухаре у Володи была клиническая смерть. Жара под пятьдесят градусов. Перед этим его рвало, съел какой-то ерунды на базаре... Федотов, который был с нами, сделал ему укол прямо в сердечную мышцу. Это было ровно за год до смерти, 25 июля 1979 года. Кроме Володи и Федотова в номере были Сева Абдулов и Оксана».

Второй — более подробный вариант воспоминаний В. Янкловича: «Рано утром Володя пошел на рынок — искать лекарство... И где-то нашел ампулу, у врачей... Это такая штука обезболивающая, которую колют в десну, когда удаляют зуб. А он еще поел несвежего плова. И Володя сделал укол себе (в вену?!) — и чуть не умер тогда... Федотов его спас».

В. Гольдман: «Я лежу в номере, вдруг слышу крик! Вылетаю: Володя лежит — клиническая смерть! Федотов сделал ему укол в сердце, потом стал делать массаж, а я дышал через салфетку ему в рот. Володя очнулся, пришел в себя... Оказывается, он пошел на базар и наелся там вчерашнего плова».

А. Федотов: «Да, это было при мне... Ко мне прибежал Гольдман: «Володе плохо!» Я быстро одеваюсь, беру шприцы — у меня были с собой... Прихожу. В номере Ксюха — они жили вместе — и Сева Абдулов. Володя — бледный-бледный, стоит покачивается. Вижу — отравление, но не пищевое. Он декаина себе уколол — это я потом узнал. Зрачки расширенные, громадные».

Все стоят напуганные — Севка, Ксюха, Гольдман... Единственное, что он успел мне сказать: «Толя, спаси меня. Буду считать лучшим врачом в мире».

Тут началась рвота — чего-то он еще наелся не очень хорошего. И Володя упал. Упал без сознания. На сонной артерии нет пульсации, дыхание остановилось... И отсутствие сердечной деятельности... Я еще успел выругаться и ввел ему несколько ампул глюкозы сорокапроцентной. Но интоксикация наступает не сразу... Я кричу: «Ребята! Он же умирает!»

И давай дышать изо рта в рот — не помогает. Тогда я уколол кофеин прямо в сердце. Ну, конечно, у меня был еще промидол. Сделал укол промидола».

О. Ярмольник: «Единственная заслуга Толи, что он попал туда, куда надо. Была самая настоящая клиническая смерть. Я ему дышала, а Толя Федотов делал массаж сердца... Володя, когда очнулся, сказал: «Я вас видел и чувствовал... Ты дышишь, а Толя массирует».

А. Федотов: «И, видно, сердечная мышца возбудилась, сердце заработало... И буквально через пять минут стали появляться самостоятельные дыхательные движения. Была остановка сердца — самая настоящая... Володя пришел в себя, я говорю: «Все, Володя, закончились твои гастролы...»

В тот же день мы улетели в Ташкент».

Станислав Щербаков — врач-реаниматолог Института скорой помощи имени Склифосовского: «Такие «залипухи» у Федотова. Спас и отпустил в этот же день! Врач отпустил

после клинической смерти?! Такого не бывает! А что такое массаж сердца? Сердце сжимают между грудной клеткой и позвоночником... Случается, что и ребра ломают, чтобы спасти человека».

А. Федотов: «Так вот, он (Володя) пришел в себя и говорит: Нет-нет... Мы сегодня работаем. А мы с Янкловичем, не договариваясь: «Нет, Володя, хватит»...»

В. Гольдман: «Я снял концерты и отправил их через Ташкент в Москву. С Володей полетел Сева Абдулов, а мы с Валерием Павловичем остались: у нас был багаж — надо было его отправлять».

О. Ярмольник: «А через полчаса Володя был как ни в чем не бывало. Уже подошли Сева, Гольдман, Валера Янклович... И говорят: «Да... Наверное, все три концерта ты, Володя, не отработаешь... Один придется отменить».

Вот словачи! И тут я устроила скандал: «Какие концерты! Вы что, с ума сошли! Он же умирал... Никаких концертов!»

А Володя как-то так: «Да, наверное, надо...»

Я чувствовала, что он на моей стороне, но отказать им он не мог. Почему не мог? Ну он же их всех собрал, они на него рассчитывали... Ведь все на Володе зарабатывали... Он мог заработать в любом месте, а они — нет. А тут все билеты проданы, верный заработок. И в тот день он пошел на один концерт... Они говорят: «Володя, ну хоть один!» Его накачали... Им от него было надо...»

А теперь обратимся к книге Александра Петракова «Владимир Высоцкий. Каталог выступлений»..

25 июля 1979 года в Бухаре СОСТОЯЛСЯ концерт В. Высоцкого!

Эти сведения о дате последнего концерта опровергает Юрий Гуров: «Про Бухару — как я тебе и говорил — порядок городов такой — Учкудук — Зарафшан — Навои — Бу-

хара. В Учкудук они прилетели 21 июля. График поездки, как рассказали мне ребята, организовавшие концерты в Зарафшане, два дня в городе, затем — переезд. 23-го утром на машине с кондиционером переехали в Зарафшан, 25-го — в Навои (туда 26-го и приехала Оксана, вечером 26-го — переезд в Бухару. По-видимому, утренний поход на рынок и последующая «клиника» произошли 27 июля (а не 25-го, как утверждал В.П.Янклович). 28 июля переезд в Ташкент и возвращение в Москву. Повереннов, кстати, сопровождал труп по всем городам, где проходили гастролы. Был и в момент клинической смерти в Бухаре...»

А на вертолете Василий Васильевич Повереннов меня прокатил, как катал Высоцкого, — из Зарафшана в сторону Учкудука. И погиб он, разбившись на вертолете «Ми-2», в феврале 2006 года».

В. Янклович: «Я отправил Володю в Москву буквально полумертвым... Через день сам возвращаюсь в Москву. Самолет посадили не во Внуково, а в Домодедово. Володя узнал об этом и приехал туда... Прорвался к трапу, чтобы встретить меня. Здоровый, подтянутый, как будто два месяца отдыхал... Восстанавливаемость просто колоссальная».

Н. Тамразов: «После этого Володя мне сказал, что побывал на том свете...»

— Знаешь, Тамразочка, я там побывал...

— Ну, и как там?

— Хреново, темно».

В продолжение темы...

Ю. Гуров: «Немного позднее, уже из Москвы, Высоцкий просил Повереннова достать мумие для Одиль Версуа, которая была больна раком. Вася передал мумие через Гольдмана, и тот часть «заныкал». Высоцкий позвонил, в разговоре упомянул про мумие, и когда Василий рассказал поподробнее — после паузы, поняв, что Гольдман присвоил значи-

тельную часть лекарства, попросил Василия не иметь больше дел с Гольдманом.

Но Василий — добрый человек. Он по просьбе Гольдмана и в колонию к тому фото высылал (Гольдман с Высоцким, Гольдман с Папановым... — это уже после смерти В.В.)». (Благодаря этому Гольдман был переведен с общих работ в столовую — хлебрезом. — В.П.)

В Узбекистане администраторы пошли дальше группы В.В. Кондакова (см. «Ижевское дело»). Они вообще не пользовались билетами Узбекской государственной филармонии, они печатали свои — фальшивые. То есть присваивали не часть выручки от продажи билетов, а практически все деньги...

Спустя несколько лет в СССР началась перестройка. Вся страна обсуждала знаменитое «Узбекское дело»... Был арестован один из организаторов гастролей Высоцкого. При обыске у него дома — во дворе были выкопаны два кувшина, набитые теми самыми фальшивыми билетами и сторублевками. Каким-то образом в эти кувшины попала вода, и практически все сгнило.

НАСТЯ

Среди «страшных тайн», которые открыла Марине Влади 26 или 27 июля Фариды Володарская, была и такая: у Высоцкого «на стороне» растет дочь. Как прореагировала тогда Марина — не известно. Но Артур Сергеевич Макаров, который несколько лет был ее доверенным лицом, рассказывал мне, что в начале 90-х годов Марина Влади встречалась с дочерью Высоцкого и ее мамой — актрисой Театра на Таганке Татьяной Иваненко. Тем самым она как бы признала отцовство В. Высоцкого.

В театре, конечно, знали об отношениях Высоцкого и Иваненко, более того, практически никто из театральных друзей В.В. не сомневался, что Настя — дочь Высоцкого.

Б.Хмельницкий: «К Тане Владимир относился очень хорошо, роман у них был долгий. Настя действительно очень похожа на Володю, и только это говорит мне, что она его дочь».

Более того, заведующая кадрами театра Е.И. Авалдуева тоже знает об этом: «Володя привез мне из Парижа очень красивый подсвечник и закрытый свитерок. После его смерти я подарила его Тане Иваненко на память. Ей было трудно — она воспитывала Володину дочь».

Георгий Епифанцев рассказывал мне в 1987 году:

«Таня Иваненко свято хранит память о Володе... Замкнута, никому ничего не рассказывает. Ее позиция — мне ничего не надо! У меня к ней — теплое, душевное отношение... Дочке нужно бы фамилию и отчество Высоцкого, ведь все знают — это его ребенок».

В театре знали, что в 1977 году, во время гастролей в Париже, Татьяна подошла к Марине Влади и сказала:

— Знаете, я очень люблю вашего мужа...

— Я тоже очень люблю своего мужа, — спокойно ответила Марина....

Кстати, как вспоминает В.П. Янклович, именно Высоцкий настоял, чтобы Т. Иваненко была включена в состав группы, выезжающей во Францию.

В.П. Янклович в то время работал главным администратором Театра на Таганке, а в последние годы жизни В.В. был одним из самых близких людей:

«Я однажды спросил у него:

— Вот ходят слухи, что у тебя ребенок от Иваненко... Скажи, пожалуйста, это правда?

Володя засветил вопросом на вопрос:

— А как ты думаешь, если бы я был так уверен, что это мой ребенок, неужели бы стал отказываться от него?!

Хотя потом я слышал от других людей совершенно противоположное. А Бортник даже говорил мне, что Володя Тане помогал...»

Было ли это настроением минуты или отражением их сложных, даже бурных отношений, мы этого не знаем. А вот

как начинается стихотворение Высоцкого, посвященное Татьяне Иваненко:

Как все, как все это было
И в кулисах, и у вокзала.
Ты, как будто бы банное мыло,
Устранялась и ускользала.

Свидетельство (или комментарий) друга Высоцкого (это конец 60-х) Бориса Диодорова: «С Татьяной у Володи были сложные отношения... Бурная сцена, все — разрыв! Расстаются навсегда. Я собираюсь увезти ее на машине, а Володя бросается на капот: «Стой!»

В единственном пока интервью (опубликовано в еженедельнике «Успех», январь 1998 года) Татьяна Иваненко рассказывает очень интересные и важные для биографии В. Высоцкого вещи: «Начну с того, что Марина в своей книге встречу с Володей описала неверно. Встреча действительно произошла в квартире корреспондента «Юманите» Макса Леона, но Володя пришел туда не один... С ним была я. С той минуты, когда он взял гитару и запел, Влади не сводила с него глаз. Мне стало не по себе... Потом мы с ней вышли на кухню и сказали друг другу пару слов...

— Поругались?

— Нет. Были произнесены напыщенные фразы, которые сейчас мне кажутся смешными. Влади сказала, что от такого хорошего мужчины, как Володя, она не отступится, даже если ей придется лечь на рельсы. А я ответила, что не родилась еще женщина, ради которого это могу сделать я... После этого я ушла.

— И все кончилось?

— Нет, Володя еще долго разрывался, метался между мной и Мариной.

Роман Влади и Высоцкого называют сейчас романом века...

Может быть, это и так. Володя влюбился в нее, почему бы и нет?!

— *Таня, извините за такой вопрос... Выходит, что Марину Высоцкий любил больше, чем вас?*

— Трудно сказать... Я знаю одно: она хотела от него ребенка, но он был против. А вот родила я» (интервью Т. Булкиной).

В 1987—1988 годах я «работал» в архиве Театра на Таганке — помогал разбирать завалы различных документов. И одновременно заканчивал первую книгу — «Живая жизнь. Штрихи к биографии В. Высоцкого». И однажды в литературной части театра ко мне подошла Татьяна Иваненко — это было 2 января 1988 года. До начала спектакля оставалось совсем немного времени, и мы поговорили, наверное, минут двадцать.... Тогда Настя училась, по-моему, в 10-м классе, уже писала, по словам Татьяны, интересные стихи и была очень похожа на отца.

Татьяна рассказала, как ее родители вначале не принимали Высоцкого... Но она устроила встречу. В.В. пришел с гитарой, спел несколько песен... И навсегда покорила отца и маму...

В этом, а еще в том, что Настя — тонкий и деликатный человек, мне довелось убедиться самому. 25 января 1998 года в фойе Театра на Таганке группа Пятигорского телевидения снимала фрагмент передачи, посвященной 60-летию Владимира Высоцкого. И вот с камерой и микрофоном мы подошли к девушке, имени и фамилии которой, естественно, не знали:

— *Кто Высоцкий — для вас?*

— Вы знаете, я, наверное, буду немного необъективна, потому что я дочь актрисы Театра на Таганке Татьяны Иваненко... Высоцкий для меня — это наша история... Это вечный протест против несправедливости жизни, протест реальный, который идет от сердца.

Высоцкий — это естественность, это любовь, это умение общаться и с рабочим, и с академиком — с одинаковым тактом и на одном уровне.

— Я знаю, что вы пишете стихи. А есть у вас стихотворения, посвященные Высоцкому?

— Да, есть. Безусловно, есть.

— Вы не считаете, что слишком много помпезности вокруг этой даты?

— Нет. Возможно, это справедливо. Это, я думаю, можно воспринимать как компенсацию за отсутствие таких публичных знаков внимания при жизни Высоцкого.

А рассказы и воспоминания, которые всегда сопровождают подобные мероприятия, может быть, не всегда правдивые... Пусть они останутся на совести тех людей, которые эти сведения доносят до нас...

И пусть каждый для себя решит, что такое в его жизни — Высоцкий. Он, наверное, у каждого свой, как Пушкин. Прошу прощения за такое сравнение...

— Почему бы и нет... А сколько вам было лет, когда не стало Высоцкого?

— Тогда мне было восемь лет.

А в заключение приведем четверостишие из стихотворения Высоцкого, посвященного матери Нasti — Татьяне Иваненко...

Только вербы и льны, только бани,
Только светлые сны или луны
Есть прибежище твое, Таня.
Так пропойте ей аллилуйю!

НЬЮ-ЙОРК

27 июля 1980 года В. Высоцкий должен был играть последнего в сезоне «Гамлета», а на 29 июля у него куплен билет в Париж. За несколько дней до смерти он получил американскую визу и, предположительно, 5 августа В.В. хотел вылететь из Парижа в Нью-Йорк. Почему же — в Нью-Йорк?

Дело в том, что этот город поразил Высоцкого с первого раза — он многим говорил об этом. Барбара Немчик — невеста, а потом и жена В. Янкловича: «Ему очень понравился Нью-Йорк. Володя говорил, что «этот город для меня».

Скорее всего, тут не обошлось без влияния Михаила Шемякина: «Вот что он возлюбил сразу же и так же естественно, как и я, — это Нью-Йорк. Когда я впервые (...) прилетел в Нью-Йорк, я сразу же понял, что это мой дом» (с 1980 г. М. Шемякин живет в Нью-Йорке. — В.П.).

Марина Влади подробно описывает первое — вместе с Высоцким (1975 г.) — пребывание в Нью-Йорке, но это все же ее впечатления. И слова: «Здесь ты всего лишь зритель» справедливы только для первого приезда. Надо добавить — «восхищенный зритель». А потом в Нью-Йорке произошло много событий достаточно значимых для В.В. — они тоже повлияли на его отношение к этому городу...

Здесь состоялись три первых концерта его американского турне — они прошли с большим успехом. Кстати, за две недели выступлений в США Высоцкий заработал 36 тысяч долларов — сумма по тем временам очень солидная. «За две недели я заработал больше, чем за всю жизнь», — сказал В.В. Туманову.

В Нью-Йорке Высоцкий был «главным героем» одной из самых популярных передач телесети Си-би-эс — «Шестьдесят минут». В Москве он рассказывал В. Шехтману: «Представляешь, звонит репортер и говорит, что интервью будет тридцать минут и вы получите три тысячи долларов». Это то самое интервью, в котором В.В. сказал: «Я — не диссидент, я — поэт».

В Нью-Йорке Высоцкий несколько раз встречался с Иосифом Бродским. В интервью «Независимой газете» Бродский сказал: «Мы всячески гуляли, развлекались, когда Володя бывал в Нью-Йорке». Но самое главное, только Бродский назвал В.В. «большим русским поэтом». Вспомним Цветаеву: «Вершины сходятся, низы враждуют».

К этому времени в Нью-Йорке жил Михаил Барышников, который обещал перевести на английский сценарий Высоцкого и Володарского «Каникулы после войны». М.Шемякин: «У Володи была мечта — работать в американском кино. Но он понимал, насколько это сложно». Напомним, что весной 1979 года Высоцкий записывает в телестудии МГУ «кинопробу» для известного американского кинорежиссера Уоррена Битти.

И еще одно обстоятельство... Высоцкий многим в Союзе говорил, что американцы больше похожи на русских, чем, допустим, французы. Это подтверждает Марина Влади: «Кто еще так похож на американца, как советский человек. Они отдыхают летом на берегу реки, рыбачат, пьют пиво и говорят о будущем детей в нескольких тысячах километров друг от друга, и жители Подмосковья ничем не отличаются от жителей пригорода Нью-Йорка. (...) Глядя на них, ты говоришь: «Как легко мы могли бы договориться между собой: русские и американцы»».

В общем, причин стремиться в этот город у Высоцкого было достаточно, и все они были для него вполне серьезными. А конкретное намерение — пожить в Нью-Йорке, вероятно, возникает после успешных концертов в США (январь 1979 года). Но еще раньше В.В. говорит своему родственнику, уже живущему в Америке, Павлу Леонидову: «Хочу и буду жить в Нью-Йорке. Как? Не знаю, но догадываюсь. Деньги? Деньги у нас найдутся... Ты говоришь, какая из моих половин хочет в Нью-Йорк, а какая боится порвать с Россией? Да обе хотят сюда, и обе хотят забредать туда. Раз в пять лет. Нет, раз в год. Приехать из Нью-Йорка на пароходе и подгадать рейсом прямо в Одессу». Вероятно, не все слова в этом «монологе Высоцкого» принадлежат самому В.В., но о намерении пожить и поработать в Нью-Йорке он говорил не только Леонидову.

К 1979 году в США, а особенно в Нью-Йорке, уже много русских эмигрантов «третьей волны». Среди них были и «значимые другие» — то есть люди, мнениям и оценкам ко-

торых В.В. доверял. После одного из концертов он разговаривает за кулисами с Наумом Коржавиным. В Нью-Йорке бывает в мастерской Эрнста Неизвестного, с которым был хорошо знаком в России.

И Высоцкий, несмотря на прогрессирующую болезнь, начинает «прорабатывать этот вопрос». В.И. Туманов: «Валера Янклович на Барбаре специально женился (Б. Немчик — американка польского происхождения, в 1979—1980 гг. училась в аспирантуре МГУ). Они с Володей хотели проехать с концертами по Америке и по Канаде». В. Янклович — тогда главный администратор Театра на Таганке — был организатором многих выступлений В.В., вел его финансовые дела. И, конечно, Высоцкому в США был нужен человек, которому бы он полностью доверял. В. Янклович: «Володя сказал, что, когда я женюсь на ней, мы вместе поедem в Штаты...

— Мне нужен там свой человек. Попробуем понять, насколько серьезно американцы интересуются русской культурой».

Б. Немчик: «Планы поездки в США? Нет, не только концерты... Насколько я помню, Володя хотел, чтобы мы поехали все вместе: он, Валера и я. Уже была оформлена американская виза (в середине июля 1980 г. — В.П.), вместе с ним мы ходили в наше посольство». Еще Барбара рассказывала мне, что В.В. в Америке хотел бы связать русскую эмиграцию и Россию. И вполне резонно добавила, что Высоцкий был, пожалуй, единственным человеком, который смог бы это сделать.

Весной 1980 года — после затяжек с утверждением сценария «Зеленый фургон» (В.В. собирался снимать этот фильм как режиссер и, кроме того, сыграть в нем главную роль. — В.П.) — Высоцкий многим своим друзьям говорил, что на полгода собирается за границу... Олегу Халимову: «И поработать надо — собираюсь прозу писать. И образ жизни надо резко поменять». Теперь известно, что на эти полгода В.В. собирался именно в Нью-Йорк...

Трудно сказать, на кого конкретно рассчитывал Высоцкий в Нью-Йорке. А ведь поддержка в первое время, разумеется, была необходима. Вряд ли он собирался лететь туда с Мариной Влади: к этому времени их отношения — на грани разрыва... Может быть, обещал помочь Милош Форман — знаменитый американский кинорежиссер? Высоцкий пригласил его на Московскую Олимпиаду, но Форману не дали советскую визу... В.В. очень огорчился, вероятно, он рассчитывал поговорить о сценарии «Каникулы после войны».

Может быть, были разговоры с Барышниковым — в Союзе у них были достаточно близкие отношения... А возможно, В.В. уже знал о планах своего близкого друга Михаила Шемякина переселиться в Нью-Йорк? Уже шесть лет в Нью-Йорке живет Павел Леонидов, но Высоцкий знает, что на него рассчитывать не приходится. Леонидов бедствовал, даже просился назад в Союз. В 1979 году после концертов в Нью-Йорке В.В. оставил ему тысячу долларов, но тот даже не позвонил.

Скорее всего, Высоцкий рассчитывал только на самого себя... А еще — на американских врачей. После нескольких неудачных попыток вылечиться от наркомании друзья Высоцкого узнают, что в США есть специальная клиника, в которой используются жестокие, но эффективные методы лечения. Высоцкий — Янкловичу: «В Америке есть врачи, которые могут мне помочь. А здесь никто ничего сделать не может». Если бы наши советские врачи забрали Высоцкого в реанимацию 23 июля? Если бы он улетел в Париж 29-го? А в начале августа попал бы в Нью-Йорк? Если бы...

ПОДАРКИ

Все люди, хорошо знавшие Высоцкого, в один голос утверждают, что он любил дарить, любил сам процесс дарения. И прежде всего, слово — родителям. Вспоминает Нина Максимовна Высоцкая: «Володя в детстве был очень доб-

рым мальчиком, раздавал соседским детишкам свои игрушки, книжки, шапочки. Знаете, и у него это осталось... Последние годы, если кто-то приходил в дом, сразу же искал глазами: что бы подарить своему гостю. (...) Он говорил: «Ну, мамочка, пусть людям будет хорошо!» Семен Владимирович Высоцкий рассказывал, что свой любимый велосипед Володя перед отъездом из Германии «подарил немецкому мальчику — своему знакомому».

Очень точные слова о щедрости В.В. сказала Римма Васильевна Туманова: «Щедрость его — она же никакого предела не имела! У него заведется что-то, малейшее что-нибудь, он должен всем подарить, *всех сделать счастливыми*. И смотрит в глаза: нравится или не нравится, счастлив ты в этот момент или нет... Он же все раздавал, да и раздавал просто...»

Вспоминает Николай Ишувич Тамразов — режиссер и ведущий многих концертов Высоцкого: «Просто раздавал деньги... Сам мне рассказывал:

«— Тем, кто называл меня Володя, давал по червонцу. А тем, кто Владимиром Семеновичем, — по пятерке».

О том же говорит близкий друг Высоцкого — актер и кинорежиссер Иван Владимирович Дыховичный: «У Володи были дни «раздачи денежных знаков населению». При чем он не был расточительным человеком: у него было трудное детство, и вообще деньги он считал. Но в те дни — «раздачи денежных знаков» — по пять рублей получали все, кто хотел... Обычно это было в ресторане ВТО, к его столику просто выстраивалась очередь».

Многие друзья и знакомые В.В. говорят, что если Высоцкий начинал что-то дарить, то отказаться было практически невозможно. Вспоминает Алексей Штурмин — основатель московской школы карате, в последние годы хороший знакомый В.В.: «Володя открыл шкаф, достал дубленку и начал мне ее дарить... Я сопротивлялся изо всех сил, но «если он чего решил», то спорить с ним было совершенно невозможно. Этот Володин подарок до сих пор у меня».

Наверное, из подарков В.В. разным людям можно было создать своеобразный музей... Врач Леонид Сульповар: «Храню горнолыжные ботинки, которые Володя привез мне из Парижа. Это было в 1975 или в 1976 году, когда с инвентарем было очень сложно. Володя узнал об этом и говорит:

— Ботинки я тебе привезу.

— Ну, это дело тонкое и точное...

— Ничего, сделаем!

Мы сняли мерку: я поставил ногу на картон — очертили, вырезали...

Вернулся из Парижа довольный:

— Я все-таки тебе привез!

И подарил ботинки известной итальянской фирмы, для того времени — просто роскошные ботинки!»

О громадных чемоданах, набитых самыми различными вещами — главным образом, подарками, — помнят все, проважавшие В.В. из Парижа. Вспоминает жена Михаила Шемякина Ревекка: «Володя был постоянно озабочен одним: кому-то достать лекарство, какие-то вещи — «друзьям надо!», что-то еще... И я ему иногда что-то покупала. А Марина мне сказала:

— Этот нескончаемый поток! Она, конечно, все понимала и сказала это почти с восхищением».

Вспоминает Аркадий Свидерский: «Как-то он мне сказал такую фразу: «Ты единственный, кто у меня ничего не просил». Для него это было удивительно. Я сказал: «Володя, а мне ничего, собственно говоря, не надо». — «Как? Ну, все как-то обращаются, просят, например, что-нибудь привезти». — «Нет, — говорю, — не надо». И вот однажды, когда он только приехал из Франции, мы были у него на улице Телевидения, и вдруг он мне говорит: «Все, старик, я все про тебя знаю». Открывает шкаф и достает великолепный, совершенно новый кожаный пиджак-красавец: «Ну-ка померь». Я надел. «Все, — говорит, — не снимай». — «Да ты что, Володя! Кто же такие подарки... И потом, я ведь не просил, зачем он мне!» — «Нет, бери». Ну я снял все-таки этот

пиджак. Володя не успокоился, достал какую-то рубашку и говорит: «Если откажешься, я с тобой поссорюсь». — «Спасибо, Володя, но...» — «Все! Моя душа будет спокойна». Эта рубашка у меня до сих пор дома лежит — очень хорошая рубашка, красная, вельветовая, в мелкий рубчик. Володя любил делать добро...»

Причем многие вещи были «целевого назначения». Рассказывает бывший директор Театра на Таганке Николай Лукьянович Дупак: «Однажды Владимир зашел ко мне в кабинет, а я растираю, массирую раненую ногу...

— Что случилось, Николай Лукьянович?

— Да вот, раненая нога замерзает, а здоровая — нет...

Представьте себе, что через некоторое время возвращается из Парижа и вручает мне очень теплые ботинки. У кого-то узнал мой размер... Вот в этом он весь!»

Еще одно свидетельство — вспоминает певец Александр Подболотов: «Володя часто спрашивал, что мне привезти из Франции... И я вижу, что он действительно хочет мне что-нибудь привезти... Я попросил купить только одну вещь — каподастр — это зажим для гитары. Сейчас этот каподастр уже изношен, совсем старенький, но я его спрятал, берегу... Вообще не было такого случая, чтобы Володя хоть что-нибудь не привозил своим друзьям и знакомым. Все радовались этим мелочам, а я видел, что и Володе это было приятно».

Теперь о двух необычных подарках... Иван Дыховичный: «Володя был невероятно широк на какие-то подарки. В этом смысле он был человеком жеста, красивого жеста. Марина рассказала мне, что в Париже он пришел к Дмитриевичу, не зная, что там можно купить в подарок... И он купил два пакета клубники. Это смешно: купить клубнику в Париже — все равно что у нас подарить два куса мыла... Но они его поняли — это был жест! Володя ел эту невымытую клубнику, и они — тоже, и в этом была какая-то прелесть».

Марина Влади: «Ты смотришь на меня, и в твоих глазах я вижу ликование, какое было у меня, когда мои дети на-

утро после Рождества бросались разворачивать подарки. Ни слова не говоря, ты подводишь меня к двери в спальню и несколько театральным жестом распахиваешь ее. На большом голубом ковре, на кровати, на стуле, на маленьком столике и даже на подоконнике — десятки серебристых шкур, настоящий меховой ковер — целая симфония».

В заключение еще об одной особенности «дарения» В.В.... Вспоминает Георгий Епифанцев: «Володя очень интересно дарил подарки. Всегда оглядывался, что у него самое дорогое, чтобы подарить человеку. Например, мне на день рождения подарил полное собрание сочинений Гоголя, которого он сам очень любил. Подарил с такой надписью: «Жора, читай почаще Гоголя!»

ИЛЬЯ ПОРОШИН

(сын Валерия Павловича Янкловича)

Однажды Он пришел ко мне во сне. Спрашиваю, не хочет ли Он есть? А Ему почему-то захотелось супа. Я кинулся на кухню суп готовить, совершенно уверенный, что умею, хотя никогда раньше этого не делал. И вот что-то там строгаю, а у меня не клеится. И такое страшное чувство, что не успеваю. Сейчас войду в комнату, а Его уже нет. Так хотелось покормить Его супом.

Вот это чувство неудовлетворенности не покидает меня. Оттого, что недообщался, не посмотрелся, не послушался, недовысказался. До сих пор, пораженный какой-нибудь прежде незнакомой мне песней, будь то группа «Аквариум» или Башлачев, я представляю себе, как сказал бы Ему: «Дядя Володя, послушайте, как это здорово! Ведь это — для Вас!»

Имя Его я услышал совершенно всуе. 1976 год. Я, девятилетний, переехал в Москву к отцу, работающему в Театре на Таганке главным администратором. Новые интересные люди, фильм «Зорро» в сверкающем огнями кинотеатре

«Россия», поразившем меня доселе невиданными размерами, удивительные Любимовские спектакли, коммунальная квартира с соседским сыном, старшеклассником Генкой. Как-то с его уст и слетела Эта фамилия. Обнаружив мою полную неосведомленность о существовании Высоцкого, он меня страшно пристыдил: «Да ведь твой отец работает с Ним Самим!» И дал послушать «Гимнастику». Глубочайшего потрясения не произвело, впрочем, только до знакомства с «Диалогом у телевизора». Все. С этой минуты детская душа предана навеки.

Первая встреча. Долгая мечта попасть на концерт должна была воплотиться в реальность в тот день, когда я, сидя в «Икарусе» (почему-то?), ждал Высоцкого и папу, за Ним ушедшего. Ждал томительно долго и изнемогая. Из разговоров понял, что «Володя очень плохо себя чувствует». Вдруг пришли, у Него вид совершенно больной. Меня не заметил, с кем-то поздоровался. Проехали метров пятьсот. Он говорит: «Останови!» Открывают дверь, и тут Его начало рвать. Он походил-походил, вернулся. Отрезает зло: «Все, ребята, концерт надо отменять!» И вдруг, очевидно, увидев мои очень жалостливые глаза, неожиданно мягко и добро говорит: «Не переживай, в следующий раз обязательно послушаешь». С тех пор жил только ожиданием «следующего раза».

И вот вместе с отцом и дядей Володей я прибыл на его невиданном «мерседесе» в крохотный подмосковный зал. Сажу за кулисами. Концерт. Магия. Боль в груди, слезы комком в горле, безудержный смех, в общем, все... Вдруг Он посреди выступления говорит: «Я сейчас спою «Диалог у телевизора». Вообще-то не собирался, но тут мальчик маленький за кулисами, он специально приехал эту песню послушать». А в перерыве (два концерта шли подряд) — накрытый столик, чай горячий, вкусные бутерброды. Он курит только «Винстон», смеется, рассказывает. Сказка! Чудо! А на следующем концерте опять «про клоунов». Благодарности моей детской нет предела. Он, оказывается, — просто добрый Бог, настоящий, живой. Не только для меня — для всех, кто Его окружал.

Первый визит к Нему домой. Опять мучительно долго ждал у дома в машине. Отец только начинал с Володей работать, видимо, ему неудобно было меня вот просто так приводить. Это потом уже я бывал почти ежедневно, жил неделями. А в этот раз все поражало. Огромная квартира, мягкая мебель невероятных размеров, цвета и мягкости (просто, наверное, это была первая мягкая мебель, которую я увидел). У окна какая-то потрясающая аудиоаппаратура с множеством усилителей и микрофоном (интересно, зачем в квартире микрофон?). По сторонам какие-то скульптуры, как из католических храмов, на стенах множество фотографий прекрасной женщины с поразительно длинной шеей, несколько гитар. Совершенно иностранная ванная с низкой раковиной неизвестного назначения. Очень светлая кухня с яркими полотенцами на стенах, громадной куклой на чайник, никелированной мойкой, несметным множеством разноцветных банок из-под чая. Сам чай. Крайне незнакомый неземной напиток удивительного вкуса. Он тут же, видя мое восхищение, сообщает, что Сам является большим знатоком и гурманом, покупает чай в английских магазинах, составляет дивные комбинации. В тот же миг при мне щедро отсыпал чей-то маме в подарок чудесной смеси в громадную банку.

Володя, видимо, любил меня удивлять, одаривать. Впрочем не только меня — всех. Как-то Он в очередной раз во Франции, а отец в его квартире живет. Среди ночи звонок — Володя из Парижа. Отец держит трубку, и в течение полутора часов только: «Ух ты! Ну да! Ух ты! Ну да!» И так каждую минуту. А Володя ему и про то, и про се, и про Маринино сына, который новым видом карате занимается, когда «энергия от удара атакующего к нему же с удвоенной силой возвращается». А из Парижа мне прямо в театр дивные дары: джинсовый костюм «Ливайс», такой плотный, что самостоятельно мог стоять, красные горнолыжные штаны из болоньи, высоченные желтые кожаные сапоги, дутую куртку (за двести метров видно, что все иностранное). Тут же в театре командует: «Надевай». Я домой, в метро. Люди на меня пялились, как на принца. Чрезвычайно приятно.

У Володи была удивительная щедрость на подарки, всем — из каждой поездки — полные чемоданы.

Последний раз приехал. Вхожу — все кресла, диваны в платьях, рубашках — для друзей. Огромный пакет для меня. Я пошутил, что как в маленьком американском городке — купили все и сейчас цены поднимем. Он очень смеялся.

Встречи с Володей — как ощущение постоянного праздника, радости. Его голос, такой нервный и хриплый на сцене, вдруг становился очень мягким, добрым и тихим. Впервые меня это крайне поразило в бесконечном подвале-переходе Театра на Таганке, когда этот громкоголосый мужчина что-то нежно «шептал» кому-то на ухо.

Бесконечные подарки: одежда, пластинка «Алиса в стране чудес», клюшка. А незабвенная точная копия «вальтера» (пистолет-зажигалка), крошечная и поразительно подробная подводная лодка, кинжал-авторучка — все было любовно сработано умелыми руками уголовничков. Правда, миниатюрный пистолет искуснейшей работы был запрещен для использования моим отцом, дабы не распугать учителей и одноклассников. Приходилось совместно с Володей производить выстрелы с его балкона.

Машинами Он гордился страшно. Спрашивал небрежно: «На чем купаться поедем, на старом или на спортивном «Мерседесе»?» Володя частенько демонстрировал скорость 200 км/час, резко тормозил, показывал, как все кнопки на дверях одновременно открываются-закрываются движением ключа, люк на крыше, самонастраивающийся приемник. По тем временам «пещера сорока разбойников» просто меркла в сравнении с таким автомобилем.

Однажды Володя приехал с папой в интернат поздравить меня с днем рождения. Все учение побросали и сбежали на Высоцкого и его машину смотреть. А Он — легкий, модный, с четырьмя огромными тортами, метровой коробкой шоколадных конфет, мешком жвачки... Ну! Тут меня все, от директора до последнего хулигана, зауважали чрезвычайно (а может, напротив, невзлюбили?).

Часто Володя, смиряя праведный гнев моего отца по поводу систематических прогулов мною музыкальной школы, мягко советовал заниматься музыкой серьезно. Приводил в пример свою «полную музыкальную безграмотность» и большие расходы на переписчиков музыки.

Любимое занятие на тот период — беспрерывно слушать Володины пластинки, которые от Него самого, кстати, постоянно прятали в щель между письменным столом и стеной в кабинете. Ведь Он их вечно раздаривал всем. Вообще же коллекция пластинок других исполнителей (Битлз, Роллинг Стоунз, всевозможный джаз, классика и т.д.) была редкая. Володя с гордостью знакомил меня и папу, к примеру, со «Старманией» в удивительном французском исполнении.

Помощь другим для Него была, видимо, насущной потребностью. Я сломал руку. Привезли в больницу, бросили. Отвратительная боль и гадкое настроение. Ночью чувствую, что-то изменилось. Все забегали, засуетились. После операции от наркоза очнулся, у кровати медсестра приветливая, вообще — повышенное внимание. Потом узнал от отца, что Володя той ночью в больницу приезжал. Теперь я — самый уважаемый и всеми любимый пациент.

Я никогда не подозревал, что Он — наркоман. Витали в воздухе разговоры, что Он пил. Ни разу не видел Его пьяным, в смысле таким, как другие пьяные, — шатающимся, тупым. Я заболел как-то, и Володя по просьбе отца приехал за мной, чтобы отвезти в больницу сдать анализы. Я замечаю, что Он какой-то странный, заторможенный. Что-то бормочет не очень связное про каких-то гаишников, безуспешно пытавшихся Его остановить. Как бы сам с собой разговаривает. Шаги нетвердые, по лестнице идет — скользит. Другой случай. У Него был настоящий кинжал «зеленого берега», в черных кожаных ножнах, именной, со всеми делами. Он тогда «болел». Я, как обычно, сижу в кресле, читаю Володины стихи, энтузиастами собранные в тома в шикарном зеленом переплете. Тут Он приходит из спальни в трусах, с остановившимся взглядом, меня как бы не замечает, достает

кинжал из шкафа и говорит сам себе что-то вроде: «А вот и поглядим, каков он в деле...» И обратно в спальню. Я поси- дел, поразмыслил — что-то не то. И к Севе Абдулову. Тот в спальню. Совместными усилиями с кем-то, по-моему, даже Нина Максимовна принимала посильное участие, оружие отобрали.

И третий случай. «Володя в глубоком запое», как я понял из разговоров. Последний оказался. Я приехал к Нему. Сел. Наблюдаю. Аркаша Высоцкий очень грустный, говорит моему отцу, мол, «я больше не могу сидеть, мне надо в институт». Все бегают, мечутся, все как-то не так. Слышу Володин голос, Он уже не говорит, а что-то рычит страшно. Вбегает в комнату со стеклянным взглядом (как на фотографии в роли Свидригайлова), смотрит на меня в упор и... не видит, что-то судорожно ищет, выскакивает на лестницу прямо в трусах, потом обратно. Вдруг останавливается, лицо неожиданно смягчается, мгновенно добреет, и Он говорит очень тихим, даже нежным голосом: «А?! Илюшка, привет!» И все, снова выключился, понеслось. Я очень переживал. А буквально через день, ночью, Володя с папой заехали за мной, чтобы ехать ночевать к Нему. Он был свежий, «как огурчик», подтянутый весь. Только как будто очень-очень уставший. Я страшно обрадовался, думаю, все кончилось, слава богу.

13 июля я должен был отправиться в спортивный лагерь на сборы, а двенадцатого с другом Сашкой, до конца не верившим в мое такое высокое знакомство, пришел в театр просто поболтаться, да и Володю посмотреть в «Преступлении». В те дни, когда в афише значились спектакли с Его участием, а они, как правило, отменялись, театр напоминал жалкую крепость, осажденную несметной ордой. Я уже не ходил на спектакли целиком, видел все по много раз, поэтому смотрел обычно любимые «Володины» куски. Шел первый акт. Мы с Сашкой сидели в буфете за бутербродами. Рядом у противоположной стены беседовали трое моих знакомых — ярых «таганских» фанатов.

Вдруг выходит Он. И прямо ко мне. Я как-то необычайно обрадовался. Говорю так просто: «Вот, мол, дядя Володя, познакомьтесь, Сашка, друг мой, карате вместе занимаемся». Сашка остолбенело, как кролик удаву, руку жмет. А Володя, измученный такой, говорит мне: «Вы покушайте, а потом идите в зал. Будет очень важная сцена». Я ему — конечно, обязательно. А Он вдруг наклонился, поцеловал меня в лоб, повернулся и ушел. Я как-то весь замер. С одной стороны, мне было очень лестно, радостно — вот все, и Сашка тоже, увидели, как меня Володя любит. Но было внутри что-то свербящее. Я говорю Сашке: «Давай останемся завтра на «Гамлета», а в лагерь отдельно позже приедем». А он: «Да ладно, не убежит от нас «Гамлет», вернемся через месяц, тысячу раз еще увидим». Да и порядки в секции у нас были строгие. В общем, не сложилось.

А в лагере, 27 июля, тренер, краем уха слышавший о моем знакомстве, сказал: «А ты слышал, Высоцкий умер».

Он остался для меня добрым божеством, обещавшим подарить полный комплект «Аидаса», итальянский гоночный пятнадцатискоростной велосипед для поездок из школы к Нему на дачу, настоящую испанскую гитару...

Он одарил меня неизбывным счастьем прикосновения к своему Гению, счастьем жить в одно время с Ним и рядом с Ним.

Мне хочется когда-нибудь встретить Его, упасть к Его ногам, поцеловать их и громко крикнуть: «ДЯДЯ ВОЛОДЯ! ВЫ — ВЕЛИКИЙ ГЕНИЙ! ТЕПЕРЬ ВСЕ, ВСЕ ЗНАЮТ ЭТО! СПАСИБО БОГУ, ЧТО ВЫ ЕСТЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ!»

ДИАЛОГИ О ВЫСОЦКОМ

В конце 80-х годов Людмила Владимировна Абрамова часто говорила о том, что всех друзей Высоцкого надо усадить за один стол, посадить друг напротив друга, и пусть они говорят, спорят, выясняют свои отношения и истину.

Потом родилась и была частично реализована идея научных чтений «Высоцкий в 1980 году». В музее В.В. собирались друзья, коллеги по театру, приходили и сыновья Высоцкого. Основное сообщение делал я, а потом шло обсуждение (записи этих заседаний хранятся у меня — возможно, там есть драгоценные детали и ценные свидетельства и их время еще придет. — В.П.). Так что сама идея коллективного выяснения истины была достаточно плодотворной...

После одного из таких «заседаний» мне посчастливилось присутствовать при разговоре Людмилы Абрамовой и Валерия Золотухина. Тогда я и сделал запись их свободного диалога — и о судьбе посмертной маски В.В., о знакомстве В.В. и Марины Влади, о дневниках Золотухина и о работе В.В. в Театре на Таганке.

С Валерием Павловичем Янловичем нас связывают давние и доверительные отношения. О многом я впервые узнал именно от него, он же познакомил меня со многими важными и интересными людьми. Однажды в доме Валерия Павловича я встретил Анатолия Павловича Федотова, и мы говорили о последних месяцах и днях жизни Высоцкого.

Как мне кажется, в этих диалогах присутствует живое, сиюминутное выяснение истины. Вероятно, это первый опыт такого рода в мемуарной литературе. Вниманию читателей предлагаются эти тексты с очень небольшой правкой и сокращениями.

Людмила АБРАМОВА и Валерий ЗОЛОТУХИН

**О ПОСМЕРТНОЙ МАСКЕ, О МАРИНЕ ВЛАДИ,
О ВОСПОМИНАНИЯХ И ВСПОМИНАТЕЛЯХ...**

Абрамова: Когда Юра Васильев (художник, снявший посмертную маску В. Высоцкого. — *В.П.*) умер в прошлом году, то у него была еще одна посмертная маска — гипсовая — его жена Эля передала ее в музей. Валера, а у тебя маска в металле или тоже гипс? И когда Васильев ее тебе отдал?

Золотухин: Это было в прошлом году. Юрий Васильевич мне позвонил и сказал: «Я плохо себя чувствую — приезжайте». Он мне сказал: «Я помню, что я вам обещал, приезжайте, вас ждет маска».

Я приехал к нему... Он тогда жил один, после больницы, после инфаркта. Юрий Васильевич завернул маску в вафельное полотенце и сказал: «Только не тиражируйте, потому что этим стали торговать. Я категорически против. Кроме того, имейте в виду, что маска живет своей жизнью. Если вы будете сердиться, то она будет хмуриться. Маска — живое существо».

Абрамова: Юра сделал с оригинала три гипсовых слепка, а три металлические маски, они вторичны по отношению к гипсу, по отношению к тем маскам, которые в музее и у Валеры...

Одну металлическую увезла Марина, вторая — у Делюсина (Лев Петрович Делюсин — член художественного совета Театра на Таганке, близкий друг Ю.П. Любимова. — *В.П.*)... Еще одна маска из металла хранилась у Дупака, но куда она делась — не известно.

Значит так, с первого слепка-оригинала, которого теперь нет, были сделаны три гипсовых слепка. А когда Васильев делал отливки из металла, то оригинал погиб.

Юра Васильев рассказывал Пете Леонову (завлит Театра на Таганке. — *В.П.*), что на Малой Грузинской ему помогал сын, и Марина тоже помогала. Васильев сам унес слепок

домой, сам сделал три гипсовых маски и пометил их, чтобы можно было отличить от любой подделки. Он видел так называемую «ленинградскую» маску... И Юра говорил, что это не подделка, не копия его работы, — это воссоздание. То есть это чья-то скульптура, сделанная по фотографиям, — и ее выдают за посмертную маску.

Перевозчиков: А где же еще одна гипсовая маска?

Золотухин: Вы знаете, у меня сейчас возникла мысль, что эта маска может быть у Любимова, причем у Никиты Любимова. Есть у меня такое ощущение...

Абрамова: А вот это может быть. И это надо проверить. Любимов же не увозил маску за границу, Юрий Петрович оставил ее здесь.

(Из хранилища музея приносят посмертную маску В.С. Высоцкого. — В.П.)

Абрамова: Вот это оригинал... Смотрите, это личное клеймо Васильева. Видите, она сделана из двух половинок. Это отчетливо видно. Этот шов можно было убрать, но Васильев просил этого не делать. И мы не сделали этого, чтобы сохранить подлинность.

Перевозчиков: Но известно, что Васильев делал еще и слепок руки Высоцкого.

Абрамова: И слепок руки есть в музее. Но есть сомнения, что это сделано 26 июля 1980 года... Я хочу встретиться с сыном Васильева, чтобы он рассказал, как это было на самом деле. Ведь Эля утверждает, что слепок руки Высоцкого сделан еще при его жизни.

А тебе, Валера, Васильев отдал свой личный экземпляр, который хранился у него в квартире... Когда пришла Эля, этой маски уже не было дома, но она об этом не знала. А перед смертью Васильев ей сказал, чтобы она маску отдала в музей.

А когда Юра умер, Эля стала смотреть, а маски нет. Она пришла в ужас, что маску кто-то стащил... И совершенно случайно, разбирая вещи, Эля, наконец, ее нашла. Сразу же позвонила в музей... Я к ней приехала, она эту маску мне отдала.

А ведь мы с Элей знакомы — уже и не знаю сколько лет... Она же из моего дома в Староконюшенном переулке. Все наше детство там прошло. Ее семья жила этажом выше.

Перевозчиков: Вы начали говорить об истории слепка с руки Высоцкого...

Абрамова: Это у Юры была такая привычка... Если к нему в гости приходил человек, о котором он хорошо думал, и об этом человеке он хотел что-то поглубже узнать, он разводил гипс и делал слепок левой руки. Именно левой, потому что правая рука в процессе жизни деформируется и меньше отражает характер и личность человека.

И был такой случай, когда к Васильеву приехали Володя с Мариной, была Бэлла Ахмадулина, и еще кто-то... И Эля видела, что Юра разводил гипс, чтобы сделать слепок с Володиной руки. Но поклясться в этом Эля не может, она хочет, чтобы сын это подтвердил.

Золотухин: А в июле 1980-го на Малой Грузинской была такая ситуация — я почему-то это хорошо помню... Не хватило гипса, и чуть ли не на Мосфильм посылали за гипсом.

Абрамова: Поэтому, вероятно, и не сделали руку, потому что тогда был бы и слепок из металла. А его нет.

Перевозчиков: Но где же третья маска из гипса?.. Может быть, тоже у Марины Влади?

Абрамова: Нет-нет... У нее только маска из бронзы. Артур Макаров недавно приходил в музей и говорил об этом. Да, Артур еще сказал, что третья маска где-то спрятана... И что он должен ее найти, а потом отдать ее в музей

Золотухин: А может быть, этот помощник Васильева сделал больше слепков?

Абрамова: Нет-нет, помощник Васильева по фамилии Гурченко отливал эти маски, сделал три, а форму уничтожил — таково было условие.

Золотухин: Но ты понимаешь, Люся, обратный процесс очень простой... Берется маска, делается еще один слепок — и можно отливать еще один экземпляр.

Абрамова: Но ведь этого нет... Значит, Гурченко себе не оставил ни бронзы, ни формы, с которой он отливал. Потому

что где-нибудь это уже бы всплыло. А единственная маска, которая появилась, это так называемая «ленинградская», и когда Эля приходила в музей, мы две маски положили рядом... И увидели, что у «ленинградской» уголки рта опущены в другую сторону... Повторяю, что, вероятно, сделал это какой-то скульптор, и, вероятно, скульптор неплохой, потому что сходство там есть. То есть это можно назвать воспроизведением.

Золотухин: А прижизненные скульптуры Володи есть?

Абрамова: Есть прижизненный бюст у Анны Андреевны Распоповой. Это бюст, по которому сделан «Гамлет», — большая скульптура стоит во внутреннем дворике Театра на Таганке. Володя позировал Геннадию Распопову, и этому есть свидетели. Хотя Володя относился к этому отрицательно, но потом Гена его уговорил.

Да, Марина — конечно через Артура Макарова — хлопотала, чтобы эту работу Распопов отдал ей. Но Анна Андреевна решила эту скульптуру отдать нам... А перед этим она решила сделать ее копию в бронзе, и, кажется, она этим занимается.

Перевозчиков: Валерий Сергеевич, а когда выйдут ваши дневники, меня особенно интересует восьмидесятый год, я сейчас делаю об этом книгу (книга «Правда смертного часа» вышла в издательстве «Вагриус» в 2000 г. — В.П.).

Золотухин: Я звонил Володе 24 июля, часов в пять или в шесть. Но я разговаривал не с ним, а с врачом. Да, звонил я по просьбе Полоки, и врач сказал мне, что он спит... Я спрашиваю: «А когда он проснется?» Он усмехнулся. Я как сейчас слышу его голос в трубке: «Когда проснется? Он еще долго не проснется...»

Перевозчиков: Ваши знаменитые дневники... А какова технология записи?

Золотухин: Иногда я записывал сразу — днем или вечером — ну, например, во время репетиции. Но главным образом записывал после... Или даже потом что-то вспоминал. Ну, например, запись эпизода с Эрдманом на репетиции:

— Володя, вы песни пишете?

— Да, пишу на магнитофоны.

— А я на века.

— Я тоже кохусь на эти самые века.

Я вспомнил и записал это в Одессе.

Абрамова: Ты знаешь, Валера, у тебя феноменальная память на диалоги. Не на пересказ, а именно на диалоги.

Золотухин: В этом-то все и дело... Мне говорят, что я выдумываю... Но меня всегда интересовало — кто, когда и что сказал, какая была последовательность слов. Я это запоминал и записывал.

Абрамова: А, кроме того, у тебя сохраняется стиль и дух разговора. Даже чувствуется присутствие людей, и тех, которые говорят, и тех, которые слушают. Надо по возможности говорить правду, чтобы потом перепроверять друг друга. Страшно хочется правды, но тормоза есть у всех. И у меня тоже. Кто-то кого-то или чего-то боится... Я, например, боюсь Нину Максимовну. И боюсь именно правду сказать или написать, потому что боюсь ее задеть или обидеть.

Золотухин: Я ведь тоже кое-что из дневников изъяс, ну например — Ксюшу (Ксения Ярмольник. — *В.П.*). И, вероятно, правильно сделал. Пусть ее не будет. Пока. Но у Ксюши должно быть много чего, что она может рассказать.

Абрамова: А потом, она — молодая. Она лучше помнит, что и как было. Ведь это было самое яркое в ее жизни.

Золотухин: И еще она — умная...

Абрамова: Тут важно восприятие. Я вот помню «сбой» — помню свой первый план: что я про это думаю. Я помню все через свое восприятие, а может быть не совсем то, что было на самом деле.

Ну уж если что-то очень сильно нравится... Вот спектакль «Галилей» я так помню! Как будто меня там не было! Как будто спектакль шел сам собой

Перевозчиков: Людмила Владимировна... Дневники вашей бабушки... Когда вы их прокомментируете?

Абрамова: Я думаю, там ничего особенного нет. «Пришел поздно», «уехал на репетицию...» — то есть какие-то даты там есть. И брат Валька уже эти выписки сделал. И получилась такая простыня, которая в музее есть.

Золотухин: Я согласен с Люсей, когда она говорит, что надо перепроверять... Пока люди еще не все забыли, надо из них все это «вытащить». Пусть иногда говорят неправду, но все равно сквозь это, сквозь этот туман, может выскочить какая-то правда, какая-то истина. А потом все это можно сопоставлять.

Абрамова: Да-да-да... Когда я в первый раз прочитала первую книгу Валеры Перевозчикова («Живая жизнь. Штрихи к биографии Владимира Высоцкого» М., «Московский рабочий», 1988. — *В.П.*), то разочаровалась страшно — серия автопортретов людей, причем не самых хороших людей. И меня даже зло какое-то взяло — зачем столько времени на это тратить?! Каждый про себя рассказал... А потом, когда у меня это первое раздражение прошло, я сквозь эти автопортреты увидела Володю...

А потом... Ведь каждый из них раскрылся...

Золотухин: А в книжке Крымовой «Я, конечно, вернусь...» меня больше всего потряс материал Каспарова. Пишет человек, который Володю не видел. Но это самое точное попадание, вот это — Володя. А вот ты начинаешь говорить и думаешь — как бы не сказать не то, как бы кого-то не обидеть. То есть получается, что в первую очередь думаешь не о нем, — вот какая штука.

И вот еще... Мне потрясающую вещь сказал один мой знакомый: «Ведь потрясла не смерть Высоцкого, а его похороны». Я стал думать... Да, умереть может каждый, но вот то, что случилось после смерти, вот эти похороны. Тогда мы поняли, кого же мы хороним. И я думаю, что это действительно так. И то, что началось после, эта всенародная любовь... Это естественно, и препятствовать этому тогда было глупо... И сколько появилось у него друзей — и это естественно. Да у него их и было столько!

И вот я получил письмо... После всех этих историй, после Рязановских фильмов... Один человек мне писал: «Тебе все простят. И эту историю, и эти дневники... Тебе не простят одного: что Высоцкий назвал тебя своим другом». И то-

гда я понял, куда идут корни этого раздражения. Это внутренняя генетическая ревность!

Абрамова: Конечно, ревность... Даже Марина ревнует ко всем, хотя сейчас она немного успокоилась. И еще я теперь понимаю, что ей досталось больше всех...

А сейчас Марина стала остывать, так получилось, что время охладило страсти. Она, конечно, натерпелась больше всех нас, и я сейчас это понимаю.

Я прочитала в Володином «Парижском дневнике», как Володя с Мариной идут в психиатрическую клинику навеситить ее старшего сына. И я над этим рыдала! Как грубо с Мариной разговаривал врач... Мне это понятно, потому что и со мной врачи так же разговаривали в больницах. И я хорошо понимаю, как они могут достать.

Я представила ее жизнь — и просто взвыла над ней... Мне ведь по времени меньше досталось, меньше по густоте и трудности обстоятельств.

У меня есть одно жуткое воспоминание, когда Володя свалился в оркестровую яму... Помнишь, Валера, когда на спектакль Микояна черт принес? Я привезла Володю похмельного и железно за ним следила. А он ушел на сцену, — и ему там кто-то поднес, кто — не знаю. Он тут же оживился, замахал руками, взвалил на себя мешок... Мешок его повел, и он свалился в яму. А Микоян сидит в ложе! Ну ему-то что? До фени — кто упал, кто не упал.

Золотухин: Это на «Добром человеке» в Театре Маяковского?

Абрамова: Да, на «Добром человеке». Володя играл мужа, и это было в театре Маяковского, ты совершенно прав...

Золотухин: А я помню другой случай в Театре Маяковского. Это — «Десять дней». Мы с Володей вышли на улицу, сели на ступеньки в этом самом Собиновском переулке — перед театром... Играем, я — на гармошке, он — на гитаре. И разговор такой:

— Сейчас надо бы...

— Но ведь спектакль!

И вдруг Володя встает, и с гитарой — целеустремленно! — так у него бывало, пересекает улицу Герцена, идет, идет — и исчезает. Я жду, потому что ведь надо петь. Он идет назад, также целеустремленно, но уже с выполненной задачей... И когда мы начинаем петь, Володя уже играет тельняшкой... Он не пальцами по струнам бьет, а красной тельняшкой. Чешет! И тут я понял, что нам хана.

Абрамова: А тогда на том «Добром» на меня набросился Любимов, который сидел в ложе рядом с Микояном. Он оттуда увидел, что произошло на сцене, и не мог тут же заругаться, он же рожу любезную делал Микояну.

И когда спектакль закончился — я, конечно, расстроилась, Володю придерживаю, чтобы он опять куда-нибудь не убежал, — и в это время ко мне подходит Коля Губенко и говорит: «Люся, пойдём!». Я-то думала, что Любимов хочет меня пожалеть, потому что все актеры стояли и меня жалели. И я думаю: вот Любимов — хороший человек, тоже хочет меня пожалеть. Я-то тогда Любимова почти не знала. А Коля все время держал меня за руку... И Любимов как на меня понес... «Да вы что! Да зачем вы здесь вообще нужны! Вы видели, что произошло?! Вы ему поднесли?!» Короче говоря, проорал на меня, сказал все слова, которые знал... Повернулся и пошел.

А Коля держал меня за руку, чтобы не отдать Петровичу на расправу... Я хорошо помню свои ощущения — отчаяния и беспомощности! Чувство вины ужасной. Я тогда не знала, что же мне делать... Теперь я понимаю, что Любимову было плохо, что ему надо было выговориться, что надо было на кого-то это переложить. А я просто попала под горячую руку... Но как я переживала!

А как тогда переживала Марина?! Каково ей было на самом деле? А тут еще проблемы с детьми... Ужас! Ужас! А здесь, в Союзе... Она же была среди чужих людей — и все на нее смотрят, всем надо ее «пощупать»... Даже хорошему человеку — и тому хочется вложить персты... Тоже ужас!

А теперь, как я понимаю, Марина начинает остывать... Она, по словам Артура Макарова, согласна передать в Музей

Володины письма к ней. Конечно, копии, но все равно... Это же просто кладезь! По этим письмам можно сверять даты, там же наверняка есть автографы песен, а факты — мы же столько узнаем!

А у нас здесь ситуация такая... Совершенно невозможно одновременно поговорить с Артуром Макаровым и с Сеовой Абдуловым... При одном нельзя упоминать другого. А мне, может быть, хочется поговорить и с тем и с другим. Нельзя одновременно разговаривать с Эдиком Володарским и с Семеном Владимировичем... Но они же помнят оба, — и это надо сохранить.

Вот эта завеса собственного «я»! — знаешь, как в дневниках Достоевского... Эпизод о смерти его первой жены... Он пишет, почему не может быть правды между живыми людьми... Потому что мешает собственное «я» — мешает восприятию, отношениям между людьми, мешает воспоминаниям... «Вот Маша лежит на столе... И если я увижусь с ней на том свете, то наши «я» между нами уже стоять не будут...». Вот такая мысль.

И пока что это наше «я» встает между нами — трусливое, лживое, привыкшее присочинять... И это вместо того, чтобы вспоминать то, что было на самом деле. А ведь кроме всего прочего, мы же забываем... Забываем!

Золотухин: Вот это самое главное... Беда-то еще и в том, что мы забываем.

Абрамова: Вот кто еще помнит эти потрясающие истории о том, как Театр на Таганке играл в Театре Сатиры. Это же каждый раз было приключение...

Золотухин: Люся, а я это вообще не помню... А что мы тогда играли?

Абрамова: Представь себе, там играли «Павших и живых». Предпремьерный спектакль для какой-то общест-венности, для кого-то еще...

Золотухин: Да, но не в Сатире, а в Моссовете.

Абрамова: В Моссовете! Я помню, что мы с тобой там разговаривали у витрины... Ты еще мылился туда поступить. Я перепутала, потому что двор-то один.

Перевозчиков: Вот еще что надо делать. Устраивать такие встречи, чтобы не просто разговор один на один...

Абрамова: Я это с самого начала говорила... Сесть за круглый стол и отрешиться от своих глупостей. И вспоминать, вспоминать... Что на Володе тогда было надето, даже что мы ели тогда... И от какой-то мелочи, от какой-то завязки — начинает восстанавливаться правда.

Золотухин: Вот интересно, я недавно с Анхелем встречался... А ты, Люся, его знаешь?

Абрамова: Конечно, Анхель Гуттиерос... Я его знала еще до знакомства с Володей. Он же учился в ГИТИСе, а у меня там были друзья... И Петю Фоменко, и Сашу Демьяненко, и Рамзеса Джабраилова, и Анхеля я знала еще до своих ВГИКовских времен. Я с их курсом дружила тогда.

Золотухин: И вот что интересно... Версия первого знакомства Марины и Володи... Вот где они познакомились?

Перевозчиков: Они познакомились после спектакля «Пугачев» у Дупака в кабинете.

Золотухин: Но это же версия Дупака...

Абрамова: А вот версия Володи... «Я сегодня познакомился с Мариной Влади...». Версия такова: она пришла на «Пугачева», но за кулисы ее не пустили, потому что мужики были все полуголые... И она познакомилась с Володей у Дупака в кабинете... Это версия Володи — для меня. Но это не так... И если Анхель про это что-то говорит, то он говорит правильно. Еще, знаете, у кого надо спросить? У Люси Будницкой, у нее был друг-француз, какой-то Люсьен... И Володя у них бывал.

Золотухин: Ну это, наверное, позже, у Макса Леона (Макс Леон — корреспондент французской газеты «Юманите» в Москве, свидетель на бракосочетании Владимира Высоцкого и Марины Влади. — *В.П.*)... Вот смотрите, что у меня осталось в памяти...

Звонит на спектакль, по-моему, шли «Десять дней», звонит за кулисы Анхель. И говорит: «Приезжайте с Ниной (Шацкой — в то время женой В.Золотухина. — *В.П.*) в ВТО.

Будет Макс, и будет Марина Влади». А мы с Максом уже были как-то знакомы. А еще Анхель говорит: «Если удобно, пригласи с собой Володю». Я, значит, Володе про это говорю: «Поедем!». Но он отказывается, потому что он был тогда с Иваненко (Татьяна Иваненко — актриса Театра на Таганке. — В.П.).

И вот сидим мы в ресторане ВТО, Володя все-таки приехал, но сидит отдельно. Мы сидим — раки там, пиво... Анхель, Макс, Марина, я и Нина. Потом Володя подсаживается к нам, а уже потом мы едем к Максиму Леону. И вот там устраивается то самое вокальное соревнование между Золотухиным и Высоцким. Мы начинаем петь... Это Анхель попросил меня спеть народные песни, потому что Марина любила эти песни. Потом Володя взял гитару — спел. Потом я еще одну русскую... А потом Нина меня увезла, потому что была очень раздражена красотой Марины...

Абрамова: Значит, ты вспоминаешь тот вечер, когда у нас был Стругацкий, а Володя ночью запрыгнул в окно.

Золотухин: Я думаю, нет, потому что потом — Володя там выпивал — они после этого вечера ушли вместе... У меня такое подозрение, что он попал к Марине в гостиницу.

Абрамова: Нет... Это ты путаешь. Володя тогда не выпивал... Это лето 1967 года, и он тогда не выпивал. А начал он после Одессы, осенью. А ведь фестиваль был до Одессы.

Володя тогда не выпивал, я это говорю совершенно точно. И по-настоящему он «развязал» перед Новым годом — но тогда он еще держался. А загудел он по-страшному с Генной Полокой в Ленинграде на свое тридцатилетие. Гена еще тогда подарил ему авторучку, которая теперь хранится в музее... Они ездили туда на озвучивание что ли...

Золотухин: А все-таки Анхель Гутierrez говорил, что именно он познакомил Володю с Мариной. Это, наверное, так и было...

Абрамова: Потому что знакомство в театре было чисто формальным.

Перевозчиков: Дупак, наверное, сказал: «Вот Высоцкий, который играл в «Пугачеве»...

Золотухин: Но кто же Марину привел в театр?

Абрамова: Да никто не привел! Это были гости фестиваля. А куда идти гостям фестиваля? — Не кино же смотреть? — На что-то интересное.

Золотухин: Ну а их встреча в пресс-баре фестиваля? Это когда было?

Перевозчиков: Это было потом, когда сам фестиваль уже закончился...

Анатолий ФЕДОТОВ и Валерий ЯНКЛОВИЧ

БУХАРА, ИЮЛЬ 1979-го

Перевозчиков: Двадцать пятое июля 1979 года, Бухара... Клиническая смерть... Это точно случилась двадцать пятого?

Янклович: Двадцать пятого — точно. (Валерий Павлович ошибается. Трупка приехала в Бухару вечером 26 июля, и описываемые события происходили не ранее 27 июля 1979 г. — В.П.)

Федотов: В семь часов утра меня будят ребята... «С Володей плохо». А он встал еще раньше, пошел на рынок — и наелся там какого-то плова...

Янклович: Я еще встретил его, я как раз в это время пошел за Володиными роликами в «Кинопрокат». Мы договорились, что я их заберу в семь утра, потому что в Бухаре стояла жара невыносимая. Вот я и пошел туда к семи часам утра.

Федотов: А Володя возвращался с рынка...

Янклович: С рынка... Я у него спрашиваю: «Откуда это ты?» — «С рынка». Я-то ему тогда не поверил, знал, что он ищет лекарство... Ну а если с рынка, значит, искал наркоту. Я точно знаю, что он искал там и нашел, — там же ее полно...

Федотов: Значит, «подкурить» что-то искал...

Перевозчиков: И что, Высоцкий упал на ваших глазах?

Федотов: Ну, значит, Валера ушел за роликами, а вызвал меня Гольдман...

Янклович: Или Ксения... Она тоже там была, Володя ее вызвал из Москвы.

Федотов: Да-да... Они с Володей жили в одном номере. Но вызвал меня Гольдман... Или Сева Абдулов? Нет, все-таки Гольдман! Я быстро одеваюсь, шприцы у меня были... Думаю, что же там такое случилось? Надо посмотреть... Прихожу — Володя стоит бледный-бледный! Я чувствую, что это отравление, самое натуральное отравление...

Янклович: Отравление-то было, но не пищевое...

Федотов: Нет, не пищевое. На вид — отравление кокаином. Я много видел таких отравлений. Еще в Магадане мы анестезировали так: через носоглотку мы орошали слизистую оболочку бронхов кокаином или декаином. И были люди очень чувствительные к этим препаратам — случались и отравления. И вот вид этих людей после орошения мне запомнился навсегда.

Я сопоставил все это и понял, что у Володи именно такое отравление, — кокаиновое или декаиновое. Широкие громадные зрачки, внешнее беспокойство... А бледность — потому что произошел отток крови от лица. И обильная рвота, все-таки он успел на рынке съесть этот плов. И вот Володя начинает падать, а мне успел только сказать: «Толя, спаси меня! Я буду считать тебя лучшим врачом в мире!». А все вокруг напуганные такие стоят: Сева, Ксения, Володя Гольдман...

И тут Володя упал как подкошенный! Я подбежал — проверил дыхание, пульс, и вижу — полное отсутствие сердечной деятельности. Я закричал: «Твою мать! Он же умирает!» Ввожу ему несколько ампул глюкозы — обычной, сорокапроцентной... А потом давай дышать за него — изо рта в рот, и одновременно делаю прямой массаж сердца... А потом я взял кофеин и уколол Володе прямо в сердце. Ввел кофеин... и, видно, сердечная мышца возбудилась, а я продолжаю массаж. Минут пять уже прошло, а я все качаю...

Смотрю — стали появляться самостоятельные дыхательные движения. Уже было видно, что сердце все-таки заработало. Потом Володя мне сказал: «Когда ты дышал за меня, у меня так распирало грудную клетку, что даже больно было». Постепенно Володя пришел в себя, а у меня был промидол, и я уколол его. Потому что после такой интенсивной реанимации надо снять реактивность организма, чтобы, не дай бог, не случился отек мозга. Ведь остановка-то сердца была настоящая.

В общем, Володя тогда довольно быстро скомпенсировался. И я говорю: «Все, Володя! Завязываем с этими гастролями, улетаем». И в этот же день мы собрались и улетели в Ташкент, а потом в Москву. Сколько же там человек было? Довольно много... В группе была еще девушка, которая читала Володины стихи вместе с Секой Абдуловым. В общем, мне не хватило места в самолете до Москвы.

И я говорю Володе: «Ну вот, места мне все равно нет, давай я летаю в Хабаровск, на маму посмотрю». — «Давай, лети». Володя достает бабки и «отстегивает» мне рублей триста. И они все полетели в Москву, а я — к маме в Хабаровск...

Янклович: А я-то тоже остался. Во-первых, потому что Володя оставил в какой-то гостинице свою цепь, которой он очень дорожил. Вот эту... (*Расстегивает рубашку, показывает цепь.*) И там надо было еще зайти...

Федотов: К Васе Повереннову?

Янклович: Нет, к администратору, к этому засранцу, которого потом посадили. В общем, задержался. И вот что самое удивительное: когда я прилетел в Москву, Володя встречал меня вместе с Секой. Самолет посадили вместо Домодедова во Внуково. Я выхожу на трап и вижу Володю, он выбежал прямо на летное поле. Смотрю на него, и такое впечатление, что он вообще и никогда ничем не болел. Костюмчик новенький, отглаженный. Вид — ну ни в одном глазу! Как огурчик! Как будто с ним ничего не было вообще.

Да, вот еще что вспомнил... Мы же там купили хрусталь, и у меня в руках были две коробки с этим хрусталем.

Еще и из-за этого я задержался... Мы загрузили эти коробки в «Мерседес» и поехали. Я тогда был в полном обалдении, ведь отправили мы Володю тогда еле живого, а тут совершенно другой человек.

Да, когда еще провожали из Ташкента, его гитару сломали... Водитель складывал вещи в багажник и случайно задел гитару. Гриф откололся... Как Володя переживал! Потом в Москве ее отремонтировали, по-моему, это была гитара работы Шуляковского...

Перевозчиков: Анатолий Павлович, а когда и как Высоцкий стал употреблять наркотики?

Федотов: Постой-постой... Кто-то же мне об этом рассказывал... А в каком году мы с Володей познакомились? Валера, ты не помнишь?

Янклович: По-моему, в семьдесят пятом...

Федотов: Да, в семьдесят пятом... А Володя ведь очень рано начал «поддавать», и всегда у него был тяжелый выход из запоя. И кто-то ему подсказал: «Володя, ты уколись морфином, тогда выход легче...»

Янклович: Я не думаю, чтобы кто-нибудь ему подсказал, он это уже сам чувствовал, что надо уходить от водки.

Федотов: Да нет, подсказали. И Володя попробовал... Вначале это оказалось очень здорово. И он перешел с алкоголя на наркотики. А когда «лекарства» не было, снова — алкоголь. А в семьдесят пятом году, когда я познакомился с Володей, — дело было так... Вадим Туманов вызвал Олега Филатова и сказал ему, что Володе плохо, что у него высокая температура... А Олег заехал за мной, говорит — «Так и так... Надо и тебе посмотреть, ты же реаниматолог...» А Олег по специальности травматолог... И мы вдвоем на машине Олега Филатова приехали к Володе... Все-таки это было в семьдесят пятом году осенью. Но было еще тепло... Или все-таки в семьдесят шестом?

Перевозчиков: Но вы приехали на Малую Грузинскую?

Федотов: Ну да...

Перевозчиков: Значит, не раньше семьдесят пятого года, потому что квартиру на Малой Грузинской Высоцкий получил именно в семьдесят пятом году.

Федотов: Значит, в семьдесят пятом. В квартире они были с Ваней Бортником, прилично заквашенные, такие веселенькие, — а температура под сорок. Наверное, какой-то дрянью укололись...

Перевозчиков: И Бортник?!

Федотов: Ну, Ваня тогда этим тоже увлекался. Сейчас нет... Я так внимательно посмотрел на них — все ясно, этих ребят учить уже не надо. Я вижу, что привыкание к наркотикам уже довольно приличное. Года два — точно.

Янклович: Да нет! Не может этого быть! Все это началось в Болгарии... Значит так, ты был у него в конце семьдесят пятого, а начал Володя в начале года, по-моему, ранней весной... Но это, насколько я понимаю по разговорам с Володей. А как было на самом деле...

Перевозчиков: Но ведь можно спросить у Бортника?..

Янклович: Да, он тебе прямо так и скажет! Жди! Разбежался!

Перевозчиков: Анатолий Павлович, ну а потом Высоцкий мог вызывать вас в любое время дня и ночи?..

Федотов: Да, у меня тогда машина была, и когда он просил, я всегда приезжал.

Янклович: Да он мог и потребовать — ждем Толю... «Ну где же он?! Вот сука! Обещал ведь!» Я говорю: «Ну он же работает! Наверное, у него смена». А Володя свое: «Ну где же Толян?!»

Федотов: Ну, естественно, что человек себя так вел, плохо ему было... А как только я появлялся, сразу менялось настроение, — он становился радостный такой. Ну, совершенно другой человек.

Перевозчиков: Но вы же рисковали, доставая наркотики?

Федотов: Еще как! Раз десять «повязать» могли.

Янклович: И не только Толю... Кроме него — сколько еще людей рисковало... Эти девочки из аптеки, женщина-врач... Да много было таких...

Федотов: А я наркоз провожу, иногда одна ампула остается. Хорошо, что у меня сестра операционная — девка центровая, все понимала.

Янклович: Ты смотри, Валера, осторожнее с этой информацией. Люди-то все живые, и люди пострадать могут... И дело не только в этом — люди рисковали ради Высоцкого, они живут и работают... Так что поосторожнее.

Перевозчиков: Но ведь у Высоцкого были попытки «выскочить», уйти от зависимости?

Федотов: Ну как же... Однажды мы на неделю закрылись у него дома, я еще ставил ему капельницы, это было сразу же после его дня рождения. Двадцать пятого января он сказал: «Все, закрываемся, отключаем телефон, никого не пускаем». День терпит, два, три... И просить ему неудобно, потому что он сам это решил. К тому времени зависимость была уже глубокая...

Валера, если ты говоришь, что все это началось с семьдесят пятого года... Нет, так быстро это не бывает. По-моему, еще раньше ему кто-то дал попробовать наркотик.

И вот так мы пробовали раза два. Закрывались в квартире, я ставил капельницы... В 1979 году, до поездки в Узбекистан. Но проходило два-три дня, и он снова начинал.

Перевозчиков: А лечение у профессора Лужникова?

Федотов: А, это в Склифосовского?.. Ну, это ерунда. Понимаешь, когда человек долго принимает такие препараты, а потом идет резкая отмена, то начинается «ломка».

Перевозчиков: Ломка? Это реакция организма на отмену?

Федотов: Это очень сложный процесс, но в общем да. За долгое время эти препараты входят в дыхательный цикл клетки. Клетки, человеческой клетки! Представь, что человек идет по раскаленной пустыне, полное обезвоживание, конечно, ему страшно хочется воду. А у наркоманов, чтобы просто сохранить жизнь, нужно уколиться этим препаратом. Это невозможно представить себе, как человек страдает на уровне клетки.

Нина Максимовна в ГКЦМ В. Высоцкого. 25.07.1996 г.

Семён Владимирович у себя дома. 1996 г.
(Фото Т. Зайцевой)

Нина Максимовна, Лидия Сарнова, Семён Владимирович,
Аркадий Вайнер. 25.07.1996 г. (Фото Т. Зайцевой)

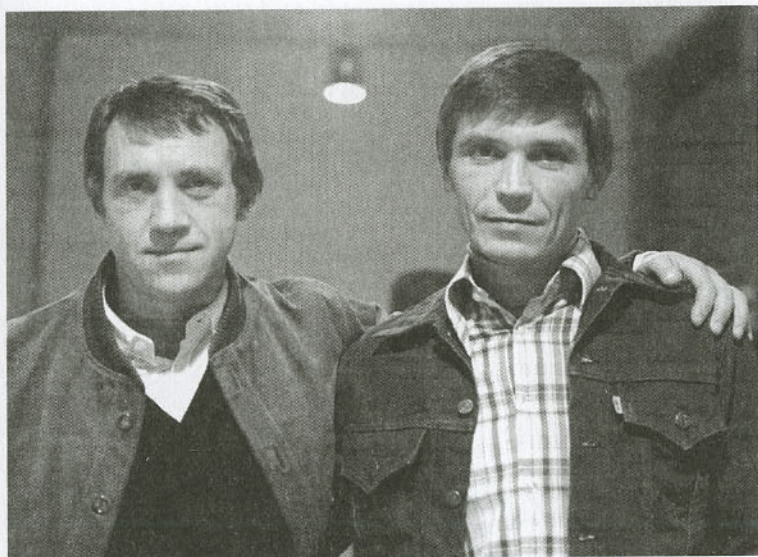
25 января 1968 г. 30-летие В. Высоцкого во время съёмок
"Интервенции" (слева от В.В. - Г. Полока)

С ГАИ у В. Высоцкого отношения складывались
неоднозначно

В любом зале его встречали как героя

С Иваном Бортником

А. Федотов. 1986 г.

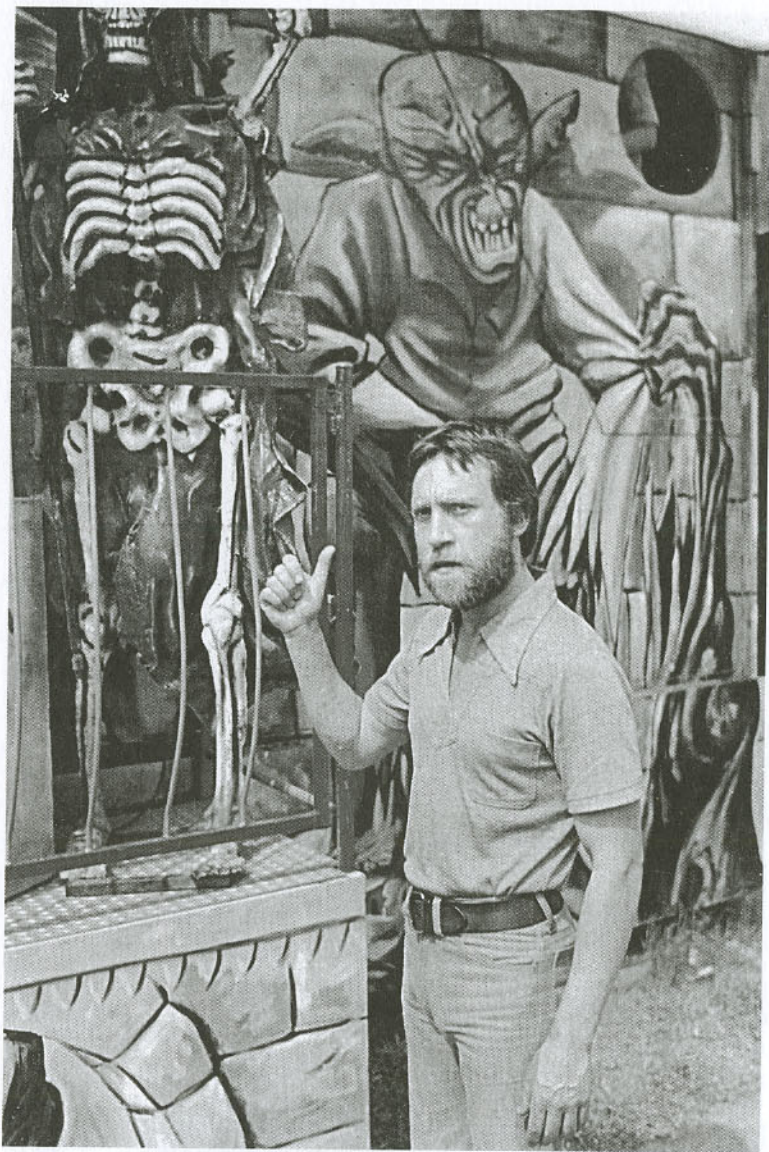

В. Высоцкий в Зарафшане.
23.07.1979 г.

Володя и Марина

В Нью-Йорке

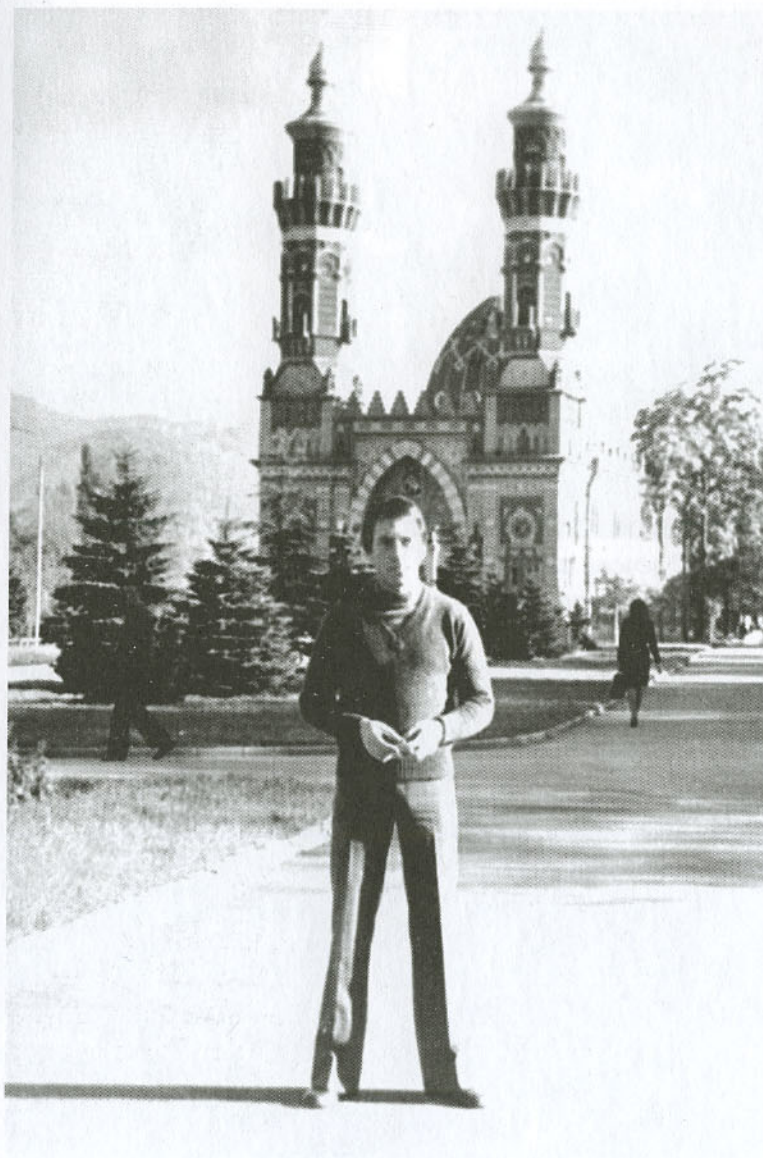
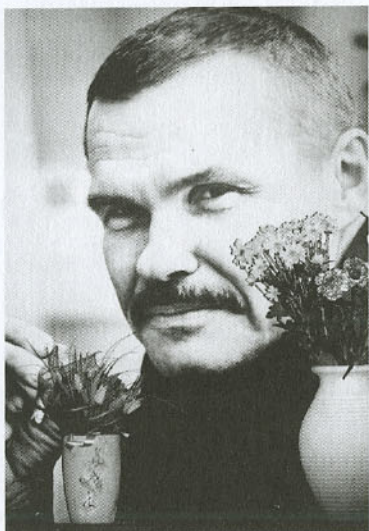

Фото на память

С вечера памяти
А.С. Макарова. 2001 г.

Игорь Шевцов

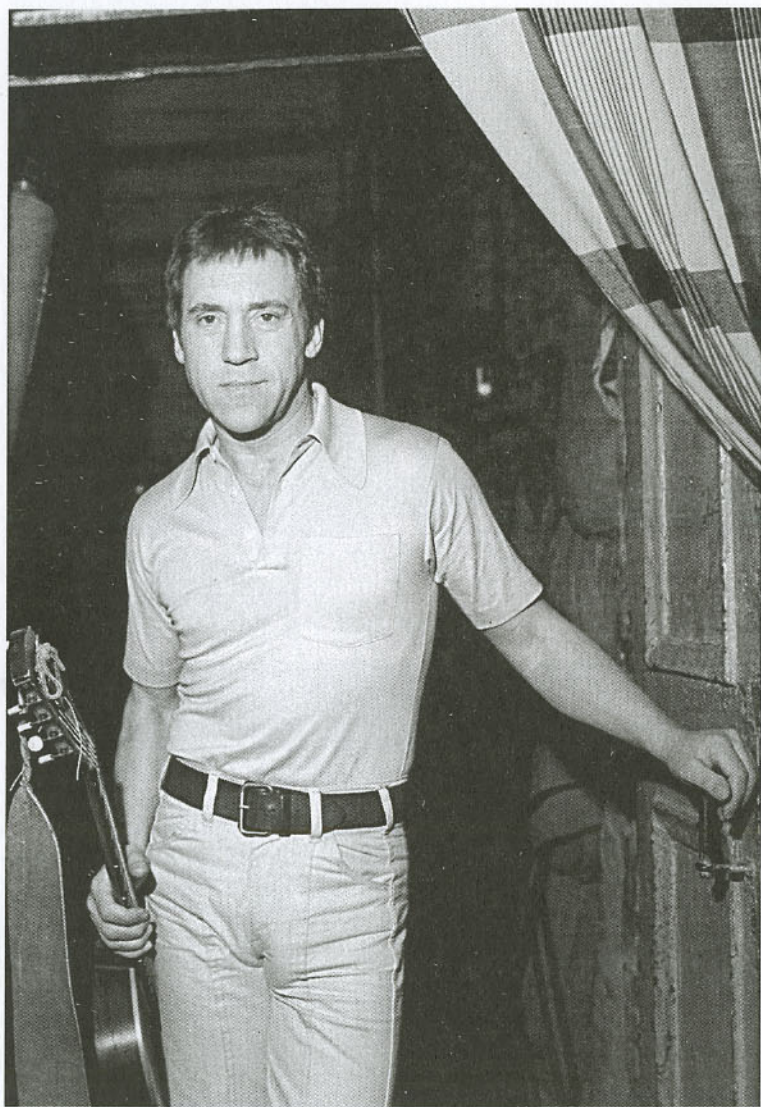
В. Абдулов и И. Шевцов в кинопрограмме,
посвященной Высоцкому. Днепропетровск. 1989 г.

Редкие минуты тишины

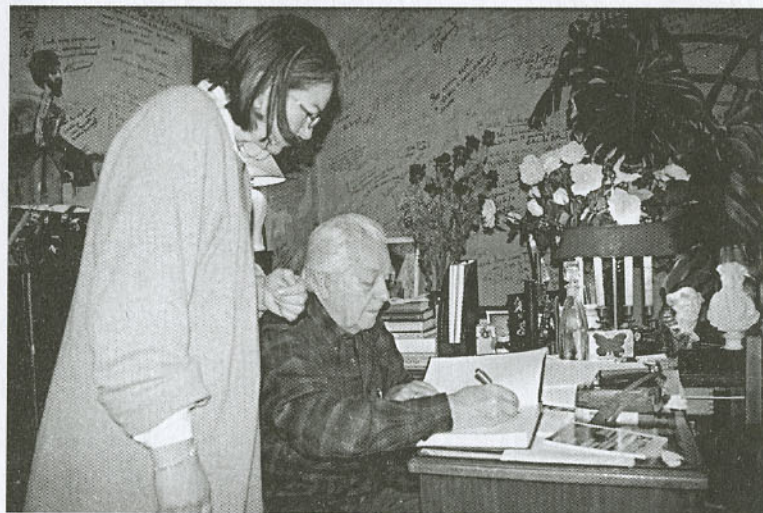
«Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!»

«У меня гитара есть, расступитесь стены!»

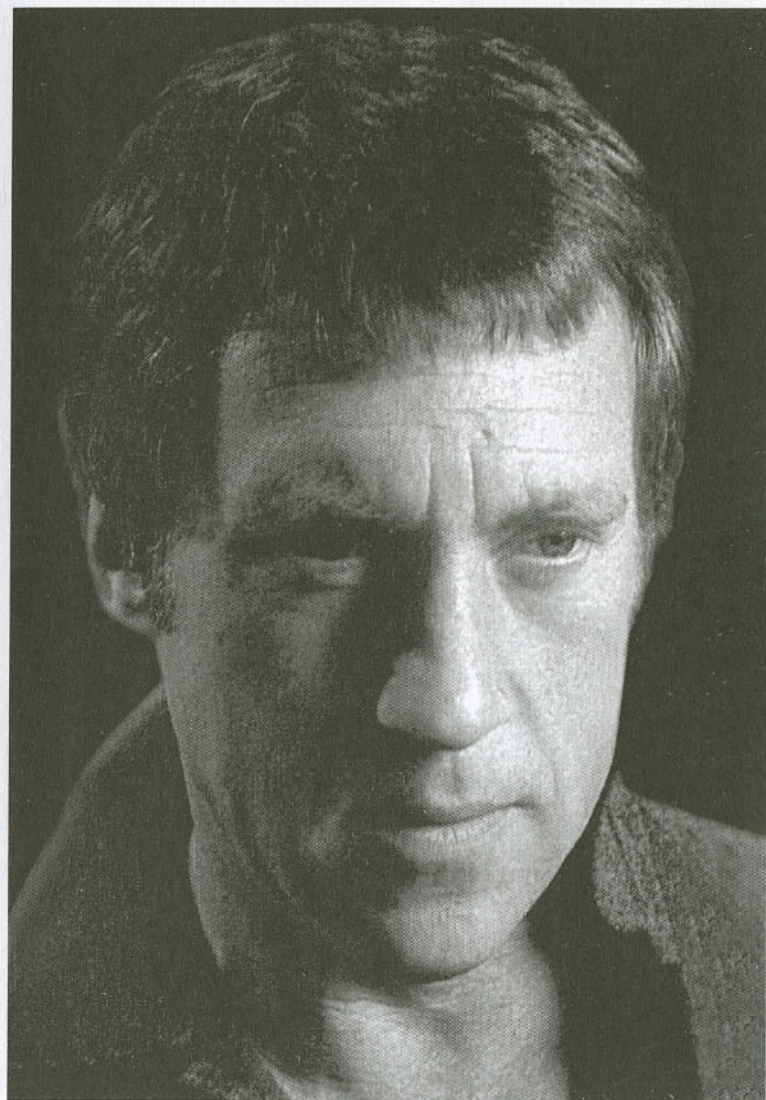
С Юрием Любимовым в лучшие годы «Таганки»

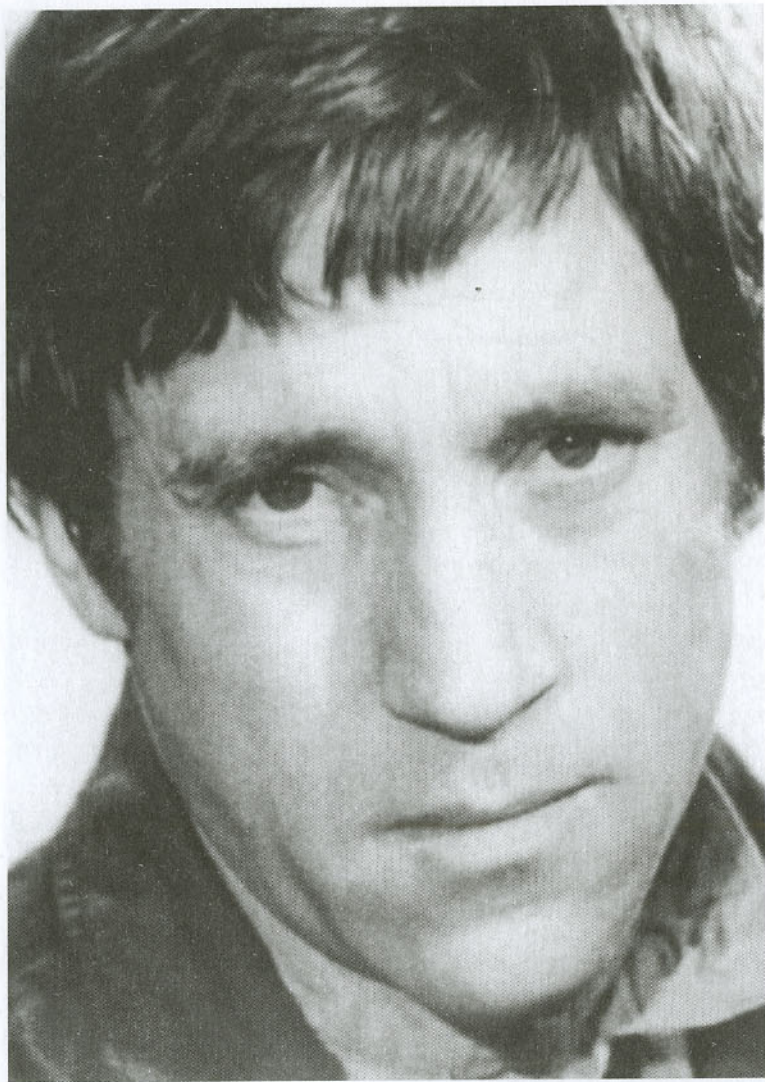
Память о Высоцком жива в этих стенах по сей день

Женщины всегда боготворили Высоцкого

«Так случилось – мужчины ушли...»

В основном страдает мозг и его периферические отделы, но, в общем-то, весь организм. Так что «выскочить» для Володи было делом очень трудным. И как оказалось, невозможным.

О БОЛЕЗНИ, О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ И ЧАСАХ...

Федотов: Нагрузки у Володи были большие, а когда он уходил в пике, то выход был очень тяжелый... Этот промежуток у него был очень тяжкий: сердцебиение, одышка, даже сердечная астма — когда человек задыхается, воздуха не хватает, он мечется... Особенно в последние дни.

Янкович: В эти же дни (в июле 1980 г. — В.П.) был концерт в «Витаминном» институте. Многие туда ездили: я, Нисанов, Ксения — очень много народу...

Федотов: Я на этот концерт «Витаминный» не ездил, я в этот день дежурил в больнице и пропустил этот концерт.

Янкович: Да, примерно в это время Володя два дня провёл у Ксении. Толя, а ты не помнишь, когда мы его забирали?

Федотов: Нет, не помню.

Янкович: Ночь, когда у Володи ночевал Ваня Бортник, — это тоже было в ту последнюю неделю перед смертью... Но это было, по-моему, до восемнадцатого июля, до последнего «Гамлета». Я же Ваню встретил на лестнице... Я приехал к Володе, а Бортник от него уходил... Когда я пришел, Володя был в нормальном состоянии. И после этого он еще выходил из квартиры.

Перевозчиков: Иван Сергеевич Бортник помнит, что Высоцкий был в светлом джинсовом костюме, и на следующий день он пришел к нему за ключами от машины.

Янкович: Нет, я помню, что Володя был в плаще... Про все эти события совершенно точно знает Ксения, которая тоже была в квартире, когда ночевал Бортник. У нас-то были свои дела... Последнюю неделю Ксения практически все время была у Володи и даже оставалась ночевать при Нине

Максимовне, хотя раньше этого никогда не делала. Потому что мать уже боялась оставаться у Володи одна.

Перевозчиков: Двадцать второго июля 1980 года, как вы мне раньше говорили, Высоцкий заехал в театр в последний раз и отдал дорожную брошь актрисе Жуковой.

Янклович: Да, он еще хотел заехать к сестрам в аптеку... Он умолял их дать ему «лекарство», но шла Олимпиада, и все было перекрыто. Валера, ты им позвони, скажешь, что от меня, но осторожно... Они точно должны помнить этот день. Кстати, в этот же день он получил заграничный паспорт в ОВИРе, но вот я не знаю, расписываются там, когда получают, или нет... По-моему, расписываются. И таким образом можно точно установить день, когда он был в ОВИРе.

Перевозчиков: 23-го вечером Высоцкий был в ресторане ВТО. Это подтверждают два человека. А привез его на Малую Грузинскую Анатолий Бальчев. Привез на машине Высоцкого...

Янклович: Врет он все. Володя рассказывал только, что в тот вечер в квартире был актер Дружников.

Перевозчиков: Но Толя Бальчев мне рассказывал, что это он привез Дружникова из ВТО вместе с Высоцким, так что все сходится.

Янклович: Да Володя никогда в жизни никому бы свою машину не доверил! (Валерий Павлович ошибается, А.Бальчев действительно в тот день был за рулем «мерседеса». — В.П.). Я же проезжал мимо ВТО и видел Володину машину, она нормально стояла рядом со входом. Я знаю, что Дружников был в квартире, потому что мне сам Володя рассказывал об этом. Я приехал к Володе на следующий день, и Володя рассказал мне, что Дружников ночевал у него.

Перевозчиков: Анатолий Федорович, в этот день вы два раза были на Малой Грузинской...

Федотов: Но я раньше был у Володи — двадцать третьего июля... Валерий Павлович, а когда врачи были — двадцать второго или двадцать третьего?

Янклович: Конечно, двадцать третьего... Ведь они же хотели забрать его утром двадцать пятого, значит, это было точно ночью 23 июля 1980 года. Потому что 23 утром я поехал в Склифосовского, вызвал реаниматоров — Сульповара и Щербакова...

Федотов: Да, вспомнил — я утром Володе уколол седуксен и диксорал, и он спал. Когда ребята вошли, я им сказал: «Володю хоть сейчас бери и на носилках уноси...» Потому что он был «в полном отрубле». Я этими транквилизаторами снял ему абстинентный синдром... Дал ему поспать.

Перевозчиков: А почему не забрали?

Янклович: Ну, они считали, что нужно было решить один важный вопрос... Но вот какой?

Федотов: Нужно было решить вот какой вопрос... Сульповар и Щербаков хотели провести Володю некоторое время на искусственном аппаратном дыхании... А потом решить вопрос, чтобы он вообще «завязал». Стали обсуждать это... Ну, физическую зависимость мы снять можем, а вот психическую не можем. По-моему, поэтому и отказались в тот вечер везти его в «Склиф». А потом, на следующий день, они все-таки хотели его забрать... Или он сам отказался?..

Янклович: Он от больниц отказывался всегда. Когда-то Володя узнал, что его хотят увезти в больницу, и сказал мне: «Если ты увезешь, то между нами все кончено». А почему не забрали тогда, прямо в ту ночь, — потому что у Сульповара и Щербакова дежурство было через день, то есть они могли забрать его 25 утром. Помнишь, Толя, обсуждали даже вариант, чтобы этот аппарат искусственного дыхания установить у Володи на даче — и там пролечить? А потом подумали — а вдруг что-нибудь случится на даче? И кто отвечать будет?

Федотов: Ну, естественно, все же боялись... Представьте себе, человек умирает дома, когда ты его лечишь. Дело серьезное.

Перевозчиков: А сколько времени были на Малой Грузинской Сульповар и Щербаков?

Федотов: Они короткое время там были — час примерно мы все это обсуждали. А кто там был? Сульповар, Щербаков, я, Ксения и Валерий Павлович.

Перевозчиков: А в этот день кто-то приходил, уходил?

Янклович: Вечером никого не было.

Перевозчиков: Ну хорошо, а что было до этого — двадцать первого, двадцать второго?

Янклович: По-моему, в один из этих дней мы забирали его у Ксении, и тогда же к Володе пришел Боровский — единственный человек из театра, который приходил к Высоцкому из театра в это время... Еще одну дату можно точно установить: когда Володя должен был петь для космонавтов, а ему стало плохо. Он должен был ехать, по-моему, в ЦУП, чтобы петь для космонавтов, которые были на орбите. Вот так можно установить эту дату точно. Я был дома, Нина Максимовна, Сева Абдулов, который приехал откуда-то с гастролей...

Федотов: По-моему, это было двадцатого или двадцать первого июля, я тоже там был. Володя должен был петь для космонавтов, а он чувствовал себя так плохо, что даже не кричал — рычал. Он был в крайнем тяжелом состоянии. И как на счастье, мы увидели из окна, что приехали люди от космонавтов...

Янклович: Нет, мы встретили их внизу, сказали, что Володе плохо... Но они нам не поверили и вернулись. Они вернулись, поднялись на восьмой этаж, позвонили в квартиру, и им открыла Нина Максимовна... К счастью, Володя вел себя в этот момент тихо, не стонал. И Нина Максимовна сказала, что Володя болен... А если идти по дням, то ведь один день Володя был у Валеры Нисанова вместе с Ксюшей... Валера, ты поговори с Нисановым, я думаю, что он будет откровенен, он же все понимает (интервью с В. Нисановым — известным фотохудожником — было опубликовано в книге В.Перевозчикова «Живая Жизнь», книга третья. — В.П.).

Да, в один из этих дней приезжал Слава Говорухин. Я почему это запомнил — потому что они с Володей были в ссо-

ре. Это я его привез, сказал: «Давай, поехали, Володя там неважно себя чувствует». И они в этот день немного пообщались. Да, я помню, что Володя пришел в себя, и в этот день был очень коммуникабельным... Они даже немного выпили. Какой это был день, я не помню, но Говорухин это вспомнит наверняка. Потому что для него это был важный разговор. Они были в ссоре после «Места встречи изменить нельзя», а тогда помирились...

Перевозчиков: Вадим Иванович Туманов рассказал мне, что в один из этих дней он приехал на Малую Грузинскую и забрал Высоцкого у Нисанова... Когда это могло быть?

Янклович: Ну, Володя часто бывал у Нисанова, так что трудно сказать точно когда.

Федотов: Валера Нисанов выручал часто... У него «всегда было».

Янклович: Я как сейчас помню... Володя приходит к Нисанову и говорит: «Дай выпить...», а Володе пить тогда было нельзя, и Валера говорит: «У меня нет». Тогда Высоцкий сам открывает холодильник, а там полная морозилка, забитая бутылками водки... Володя смотрит на них и как бы не видит... Я так удивился!.. Смотрит — и не видит. «Да, действительно, у тебя ничего нет».

Перевозчиков: Анатолий Павлович, давайте вернемся вот к какому вопросу... Вы мне говорили, что в последние дни Высоцкий уже не просил наркотики. А почему?

Федотов: Ну, это сложный момент... Если бы были наркотики, если можно было их тогда достать, то, может быть, Володя остался бы жить.

Янклович: Ну, понимаешь, какая штука... Наверное, он понимал, как сложно их доставать, и поэтому не просил...

Федотов: Там ситуация была такая: я думаю, что психологически Володе уже надоело доставать, просить... Ведь иногда он просто требовал: «Иди и достань» — а тут не настаивал. А не настаивал, потому что перешел на алкоголь. У него был самый настоящий запойный период... Насколько я знаю, после «Гамлета» Володя ушел в такое пике, что ему было не до наркотиков...

Перевозчиков: То есть алкоголь был заменой наркотиков?

Федотов: Да, так бывает у ребят, которые хотят «сойти с этого дела», им надо уйти в запой.

Перевозчиков: Ну а теперь двадцать четвертое июля. Утром кто был в квартире? Насколько я знаю, в этот день в квартире побывало очень много народу.

Янклович: Значит, я там ночевал...

Федотов: Ты остался ночевать, а я, по-моему, уехал...

Янклович: А потом и я поехал на работу. Да, вспомнил — в эти же дни у Володи была Ира из бассейна, которой он дал какие-то деньги. Ира Шугунова.

Перевозчиков: А Туманов, когда он вернулся из Инты?

Федотов: Я только хорошо помню, что он как-то сказал Володе: «Чем такая твоя жизнь, лучше броситься с балкона». Это было двадцать второго или двадцать третьего, еще Сева Абдулов Володе наговорил...

Янклович: Да нет, это было раньше, я точно помню этот случай... Когда мы с Севой пришли и сказали Володе, что ему осталось жить два месяца, это мы узнали у врачей. Вадим тоже был при этом, но я не думаю, чтобы он мог Володе так резко сказать.

Перевозчиков: Но вернемся в двадцать четвертое...

Федотов: Я приехал в шесть часов вечера, а потом уехал на некоторое время. Вернулся ночью, примерно в час приехал... В квартире остались Володя, Ксения и я. А Валерий Павлович уехал.

Янклович: Двадцать четвертое... Дай-ка вспомнить... Значит, утром я поехал на работу... Да, вспомнил, а вечером приехала Нина Максимовна.

Федотов: Да, значит, ты поехал на работу, а вечером еще была Нина Максимовна. Я взялся за пульс у Володи — и говорю ей: «Да, надо ехать в больницу, «лекарство» привезти ему». Я чувствовал, что дело плохо, и даже договорился в одной больнице...

Янклович: Да он же сказал мне в этот день: «Валера, я сегодня умру!»

Федотов: Да, он и матери сказал: «Мама, я умру сегодня» — вот это я помню.

Янклович: И еще я помню, что Володя все время рвался из комнаты, и я поставил перед дверью кресло, чтобы он не мог выскочить...

Федотов: Да, он рвался к окну, рвался к двери, рвался к Нисанову, и мы боялись за него... Я как сейчас помню — я через какого-то парня дозвонился до Нины Максимовны и говорю: «Нина Максимовна, ну вот такое состояние, надо привезти наркотик...» Я уже чувствовал, что дело очень серьезное. Я говорю: «Я сейчас поеду в реанимацию и привезу ампулу...» А Нина Максимовна говорит: «Нет, Толя, не надо».

Янклович: Конечно, к тому времени она уже все знала про наркотики.

Федотов: Ну, я послушал Нину Максимовну — мать все-таки... Да еще в таком тоне сказала. И я ее послушал. А до сих пор сожалею, надо было сесть в машину и поехать, я ведь даже с одним парнем в реанимации договорился. Потом я уехал, затормозился у одной «кадры» на Ждановской и звоню оттуда... А Валера мне говорит: «Давай назад, где ты там носишься?!»... Ну я в тачку — и быстро приехал назад.

Перевозчиков: Валерий Павлович, а вы уехали часов в двенадцать?

Янклович: Наверное, немного позже — только во втором часу.

Федотов: Валера передал мне его с рук на руки...

Перевозчиков: Но сам Высоцкий наркотиков не просил. Сам решил для себя?

Янклович: Ну что мы будем теперь для него решать? Что мы будем теперь за него домысливать. Марине он обещал, но мог ей позвонить и сказать одно... А поворачивался к нам, клал трубку и говорил совершенно противоположное.

Федотов: Да, были у него такие хитрости...

Перевозчиков: А когда двадцать четвертого приехал Абдулов?

Янклович: Да, Абдулов двадцать четвертого был. Я ведь весь день допытывался у Севы и у матери: «Ну что, будем сдавать в больницу?». Сева сидел в углу комнаты, и я к нему: «Сева, ну ты-то что молчишь? Ты что молчишь?!». Но он ведь тогда был после аварии, немного заторможенный...

Федотов: Все-таки мне надо было тогда... Валера, когда ты уехал, Володя все время стонал, маялся... Ну, думаю, ладно, может быть перебесится, переживет эту ночь, не первый же раз. У меня у самого-то ночь была тяжелая. Надо было самому взять и увести его в реанимацию...

Янклович: Ну что, Толя, теперь об этом говорить: увез — не увез... Сейчас нужно просто вспомнить точно, как это было.

Федотов: Володя почти всю ночь не спал... Он еще немного засадил водочки, я, честно говоря, тоже засадил. И я настолько был уставший, что меня просто валило с ног...

Перевозчиков: После дежурства?

Федотов: Да, после дежурства... А тут я еще на эту Ждановскую к подруге заскочил — слабость страшная, чувствую. Значит, приехал я... Час, два, Володя все маялся... И буквально часа в три он затих, уснул... И я уснул, наверное, часа в три. Так что Володя примерно с трех часов до половины пятого умер. Во сне, наверное, инфаркт и случился... Судя по клинике, это был инфаркт... Острая сердечная недостаточность. Мы так и записали в свидетельстве о смерти: «Умер от острой сердечной недостаточности...». А вообще — от хронического алкоголизма, от абстинентного синдрома.

Перевозчиков: Так все и написали?

Федотов: Нет, в справке о смерти мы написали только: «Умер от острой сердечной недостаточности...»

26 октября 1988 года

ИНТЕРВЬЮ И ВОСПОМИНАНИЯ

14 сентября 1979 года на Пятигорской краевой студии телевидения мне посчастливилось записать большое интервью с Владимиром Семеновичем Высоцким.

25 июля 1980 года Высоцкого не стало. Началась его по-смертная судьба и то, что я называю «всемирным литературоведением». Самые разные люди собирали и перепечатывали стихи и песни Высоцкого, передавали другу первые статьи о нем...

Я с самого начала начал собирать рассказы о В.В. его друзей и товарищей, коллег по театру, родителей и родственников... Сначала записывал их от руки, потом появился диктофон...

И работа продолжается. В этой книге публикуются воспоминания и интервью разных лет — еще один небольшой вклад в большую биографию Владимира Высоцкого.

Валерий
АБРАМОВ

— Вы помните тот момент, когда Высоцкий появился в вашей семье?

— Моя сестра Людмила училась тогда во ВГИКе, и вокруг нее была целая стая ребят — веселых и интересных. В этой компании было много немосквичей — так они просто дневали и ночевали на Беговой. И среди этих ребят появился еще один — человек явно старше, самостоятельнее и мощнее других. Тогда Людмила в Ленинграде снималась в фильме «713-й просит посадку», она прилетала и улетала, и Володя заходил за ней. Когда съемки закончились и они вер-

нулись в Москву — Володя уже зачастил к нам. А ранней весной 1962 года они поженились...

Я не могу сказать, что именно с этого момента я помню Высоцкого, такого не было. Но осталось впечатление человеческой мощи, человеческой энергии... И эта энергия всегда его окружала — это абсолютный факт...

— *Вы помните свадьбу?*

— Со свадьбой тогда было плохо... Володя в это время еще не был разведен с Изой Жуковой, Людмила — с Игорем Дуэлем. Мы просто их поздравили, поздравили по-домашнему. Сохранилась любительская киноплёнка 1962 года. Снимали у нас на даче — Володя еще совсем молодой, Людмила ждет первого ребенка... А вот дальше идут уникальные кадры, снятые самим Высоцким, — мы видим мир его глазами. Свадьба же была в 1966 году.

— *Своей квартиры у них никогда не было... Можно ли говорить о бесприютности в их жизни?*

— Еще с войны у нашего поколения — в современном понимании этого слова — приюта, или уюта, действительно не было. Это с одной стороны. А с другой — он нам был и не нужен. Мы, жившие в коммуналках, знали другое — чувство коллектива... И крик «наших бьют!» объединял нас гораздо прочнее, чем теперешняя жизнь в отдельных квартирах.

Другой момент. У Володи, как он много раз сам говорил, было две мамы... Все-таки Евгения Степановна на самом деле была ему как мать. Так что, по крайней мере, два дома у Высоцкого были. А когда Людмила взяла его за руку, привела к нам и сказала: «Вот мой муж», — у него появился дом на Беговой. Он туда приходил к себе домой, и к нему относились как к члену семьи...

А потом, когда Нина Максимовна и Володя получили двухкомнатную квартиру на улице Шверника, они довольно долго жили там. В одной комнате жила Нина Максимовна, а в другой Володя с Людмилой и детьми. По тем временам эта квартира была неплохая, был даже встроенный кондиционер. Это был экспериментальный дом в Черемушках,

во дворе был фонтан... Позже Людмила с Володей жили на Беговой с детьми без родителей, которые переехали в «Химки» и в «Медведки».

— *Вы общались с Высоцким, может быть, в самое интересное время — время его становления, время появления первых песен. А сразу ли вы их оценили?*

— Тут очень интересная история. Мы первые песни Высоцкого, конечно, знали — тогда они ходили по Москве в очень плохих магнитофонных записях. Но первое время мы их никак не связывали с Володей. Хотя давно уже были знакомы, давно спорили и обсуждали самые разные вещи. А когда мы услышали, что это Володины песни, то даже постеснялись его об этом спросить. И я втихаря спросил Людмилу: «Вот эти песни, неужели это Володя поет?» — «Конечно, а вы что — не знали?!» Вот каким образом мы узнали, что эти песни поет Высоцкий.

Песни начала 60-х годов не были концертными, они были квартирными, камерными песнями. И манера исполнения была другая, тоже более камерная. Но и при этой манере громкость была такой, что стекла дрожали.

И еще одна очень интересная деталь — Володя тогда ничего не записывал на бумаге, все эти песни он помнил. Он мог, конечно, какой-то кусок написать в письме, какую-то строчку записать на клочке бумаги, но все свои песни тогда он знал наизусть. А в 1968 году, когда Высоцкий стал довольно много выступать с концертами, выяснилось, что некоторые свои песни он стал забывать. Тут мы напряглись, что могли вспомнили, что-то «сняли» с пленок — и в 1968 году впервые появились напечатанные тексты его песен, впервые сделали «рубрикатор». То есть сгруппировали песни по темам. Эта рукопись 68-го года существует, Высоцкий ее видел, список согласован с ним. Практически это подлинник, хотя он и написан не его рукой. К этому времени было около 180 песен.

Что касается названий песен, то тут возникло два подхода. В Москве, где он чаще выступал, считали, что пес-

ни надо называть так, как Высоцкий их объявляет. Например — «Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную...» и т.д. А в Ленинграде, где достоверной информации о названиях не было, к ним доходили записи, в которых все это было вырезано (экономили пленку), стали называть песни по первой строчке. И в этом «рубрикаторе» 68-года были сверены московские и ленинградские записи, тогда и появился первый список песен.

Концертов стало больше, и материально они стали жить лучше. Тогда Володя купил очень приличный по тем временам магнитофон — переносной «Грюндик». Мы его настроили, показали, как он работает, но Володя его так и не освоил, и они его очень быстро продали. Это была первая, к сожалению не удавшаяся, попытка Высоцкого самому перейти от фольклора устного к фольклору магнитофонному.

— *Расскажите, пожалуйста, как и когда проходили записи?*

— Поздняя осень или начало зимы 1964 года, точнее никто не может вспомнить. Домашний концерт в Лефортове — это вторая относительно качественная и длинная запись — на ней более 50 песен записано в одну ночь. А первая подобная запись была сделана в общежитии ВГИКа примерно на год раньше. Записей к этому времени было довольно много, но все они были очень плохого качества. Пленка считалась хорошей, если можно было разобрать все слова. А эта запись сделана настолько удачно, что в какой-то мере отвечает современным требованиям. Сделана она на магнитофоне «Днепр-II» — по тем временам это был лучший отечественный магнитофон. На эту квартиру они приехали вместе с Людмилой сразу после спектакля. К этой записи Володя долго готовился, написал порядок исполнения песен — это было у них на шпаргалке. И магнитофон, и гитара принадлежали хозяину квартиры. Гитара до сих пор цела, гитара многострадальная, потому что хозяин ее — турист. Она побывала во многих походах, а однажды я брал ее с собой в заполярную экспедицию. Комната была маленькая, а народу нас

набилось, наверное, человек десять или даже больше. С торшера сняли макушку, повесили туда микрофон. Он сел перед микрофоном, говорит: «Реагируйте». Ему обязательно надо было видеть лица людей, для которых поет. Эта пленка интересна тем, что на ней впервые появились циклы. Потом эти циклы были обобщены в 68-м году, когда выяснилось, что Высоцкий стал забывать свои песни. Было несколько перерывов, пока меняли пленку, было несколько повторов — он останавливался, чтобы переписать песню. То есть этот вечер был специально рассчитан на организацию такой записи. Сохранилась сама пленка, рассыпающаяся на глазах, — она неоднократно переписывалась и в Москве известна под названием «хронология». Хозяйка этой квартиры Синельщикова Анастасия Ивановна передала магнитофон «Днепр-II» в дар будущему музею В.Высоцкого. Она очень хороший человек, очень доброжелательно относилась ко всей нашей компании. Мы могли собираться и петь чуть ли не до утра, не давая спать ни ей, ни ее мужу. В каком-то из перерывов мы пили кофе, она говорит, что из тех чашек осталось только три.

Кофеварка цела, хоть уже и не работает. Цел и ковер, на котором мы сидели, кто-то сел на диванчик, а кому не хватило места — на ковер. Людмила подсказывала Володе по шпаргалке, что за чем должно следовать.

Делали еще несколько записей. В 1967 году записывали у нас дома, мы тогда жили в Медведкове. Эта пленка известная, она начинается с песни «В который раз лечу “Москва-Одесса”». В Медведкове писали еще раз в начале 1968 года, записаны были песни для «Последнего парада», но Володя попросил ее стереть, так как эти песни были еще не литованные... И еще одна запись, которая была сделана в 1968 году на улице Шверника, там Людмила и Володя жили вместе с Ниной Максимовной. Причем эта запись сделана скрытым микрофоном. Володя пришел домой откуда-то очень довольный. И получилось так, что «он пришел на своей песне», то есть в это время с магнитофона звучала его песня... Мы тут же убрали звук, а магнитофон поставили на запись. На

этой пленке около 16 песен, впервые записана песня «Сколько чудес за туманами кроется» — для фильма «Хозяин тайги». Этот фильм тогда только предполагалось снимать. Там же есть песня «На реке ль на озере», которая в фильме звучит. Запись не очень удачная, потому что микрофон лежал под медведем, у них был плюшевый медведь огромного роста. И когда Володя стучит ногой, ритм идет громче текста и гитары.

— *А почему вы записывали скрытым микрофоном?*

— Он не хотел: «Я после спектакля вымотанный и не в голосе. Не надо...» Но поскольку пошли новые вещи, мы все-таки решили записать.

— *Как Высоцкий в 60-е годы работал над песнями?*

— Как он писал в последние годы, я не знаю, а вот как работал тогда, уже двадцать лет тому назад, могу сказать точно. Такого творческого процесса: «взять, сесть и написать» — не было. Песня в нем все время жила, или, наоборот, он жил песней. Были песни, написанные за пять минут — ждал в очереди, ждал телефонного звонка — и в это время появлялась песня. А чтобы «пил кофе, закуривал сигару, брался за голову» — вот этого никогда не было. Песня, свидетелем рождения которой я был, — «Антисказка». Огромное количество набросков про здоровенных жлобов и про то, что кот отнес цепь куда не надо... Наброски были, но все они были разрозненные — по две-три удачные строчки. А все это связала фраза «это только присказка, сказка впереди». Как только она появилась, сразу была написана «Антисказка». Это выражение он услышал во время одной из записей и унес в Медведково. Кто-то про наше пение под гитару сказал: «Это только присказка, а сказка будет впереди», имея в виду, что будет петь Володя. А он сразу же взял эту строчку и «положил» ее в нужное место.

— *А как он владел гитарой в те годы?*

— Владение гитарой было непрофессиональное. Руку на грифе он держал, как держат все любители. Его владение гитарой выражалось в двух вещах: в абсолютном слухе, гита-

ру он строил как хотел, подстраивал по слуху, как ему было нужно. Что еще бросалось в глаза — если какая-то струна фальшивила, он сразу тянул ее на нужное место. И второе — гитара давала в основном ритм. Ритмы его гитары очень интересные и сложные. В каком-то из выступлений он говорит, что просил композиторов-профессионалов записать его «гитарный бой», и им это удалось не сразу. И сколько было рядом людей — столько было учителей, он всю жизнь учился играть на гитаре.

— *Предлагал ли Высоцкий свои песни профессиональным исполнителям?*

— Когда Володя понял, что он перерос уровень бытового «квартирного» романса и его песни могут волновать миллионные аудитории — как это произошло с песнями из кинофильма «Вертикаль», он многим профессионалам предлагал свои вещи, правда, далеко не все. Я знаю, что он обращался к Камбуровой, и она тогда ему отказала. А он считал, что многие его песни можно петь и другим, а не только ему.

— *А его реакция на критические статьи?*

Критика была совершенно дурацкая. Первая большая статья о Высоцком появилась в «Советской России» — «О чем поет Высоцкий?» Там было процитировано пять песен, из них четыре написаны не им... Реакция тогда была очень горячей. Я даже сам бегал в редакцию: «Как так, за чужие песни ругаете живого человека?» Мне вежливо ответили, что ошибка установлена, что меры приняты, все будет хорошо. И вот до сих пор про ту публикацию газета молчит, хотя теперь она дала несколько приличных статей о Высоцком. Так что первая реакция была очень горячей, а потом такие вещи его не убивали — он продолжал работать,

— *Отношение Высоцкого к «бардам» и «менестрелям»?*

— До Высоцкого мы записывали многих, и, конечно, кумиром был Окуджава. Но вы понимаете, в чем уникальность Высоцкого? Уникальность в единстве стихов, актерского исполнения и ритмического, мелодического рисунка... Вот такого сочетания не было ни у кого. Каждая его песня — это,

прежде всего, мини-спектакль одного актера. Если открыть энциклопедию на слове «лирика» и внимательно прочитать... «Лирика — есть исполнение авторского текста под аккомпанемент лиры». Его творчество — это лирика в высшем, первоначальном смысле этого слова. И в этом смысле ни соседей, ни соперников по жанру у него не было. Он считал, что каждый должен делать свое дело. Нравились ему Окуджава и Анчаров — он говорил об этом, но никогда себя с ними не сравнивал.

— *А как складывались ваши личные отношения?*

— У нас были доброжелательные отношения, очень доброжелательные. Сказать, что мы встречались каждый день, будет преувеличением, но мы были молодыми, страна была на подъеме, настроение было хорошее, и каждая встреча доставляла нам удовольствие. В театр проситься мы стеснялись, при его жизни на Таганке я был всего четыре раза, «Гамлета», например, так и не видел, а после смерти — один раз.

— *А где — в каких компаниях — вы встречались с Высоцким?*

— У нас была своя физтеховская компания, мы встречались практически каждый день. А с Володей мы виделись каждый раз, когда бывали на Беговой. Если, конечно, Володя не был на съемках. Мы тогда заканчивали институт, и все наши дипломные дела проходили у него на глазах. Володя был невероятно любознательный человек, он, как губка, впитывал любую информацию. Он ничего не понимал в наших матрицах, интегралах и во всех остальных математических понятиях, но внимательно слушал и о многом спрашивал.

— *А какие слова, случаи, события, знакомые вам, вы встречали потом в песнях Высоцкого?*

— Все, что он видел, все, что он слышал, все, что он узнавал, — все это есть в его песнях. Многие вещи мы еще не уловили, не выловили — они пока существуют между строк. Например, «Песня про конькобежца...» В первом варианте было так: «пробежал всего полкруга и упал...» — звучит хорошо. Но когда Володя узнал, что самая короткая дистан-

ция — 500 метров — это больше круга, то переделал: «пробежал всего два круга и упал...» Он очень внимательно следил за достоверностью всех деталей, которые попадали в песни.

Повторяю, что он впитывал буквально все. Обычно люди интересуются чем-то одним, а Высоцкий — буквально всем... Наша студенческая группа увлеклась подводным плаванием. И все наши разговоры об аквалангах, о погружениях, об экспедициях Володя слышал. Потом мы организовали клуб подводного плавания «Сарган» и попросили Володю написать песню. Он очень быстро написал — «Нас тянет на дно, как балласты», но песня не получилась. Там все правильно — все термины, все словосочетания, все ситуации — все безукоризненно. Но чего-то человеческого не хватило, и песня практически не исполнялась. Лет через пять Володя написал новый вариант, и, в конце концов, из всего этого получилось «Упрямо я стремлюсь ко дну» — трогает людей гораздо сильнее.

Повторяю, все, что есть в песнях Высоцкого — было им увидено или услышано, пропущено через себя. Если мы не нашли пока источника, то или мы плохо знаем его песни, или плохо знаем его жизнь. Помните — «Борис Буткеев — Краснодар...», а дальше — «он сибиряк, настырные они...» Почему сибиряк, если из Краснодара? А в первом варианте песни «Сентиментальный боксер» было так: «противник мой — какой кошмар! — проводит апперкот...» — и все было прекрасно. Но потом, на каком-то очередном таганском капустнике, Володя вставил Бориса Буткеева. Буткеев был тогда рабочим сцены, а потом стал актером театра на Таганке, так он действительно из Краснодара. И эта строчка, взятая прямо из жизни, так и осталась в песне.

— *Часто ли Высоцкий пел просто так — в доме, в вашей студенческой компании?*

— Тогда он практически никогда не отказывался петь — пел и по просьбам, и по заказам, пел в самых разных ситуациях... Мне тогда очень нравилась песня «Вот так оно и есть, словно встарь, словно встарь...» Вот нравилась она мне —

и все тут. Помню, я болел, а болею я очень редко, мы жили тогда на Гоголевском бульваре, и Володя пришел меня навестить. Я попросил, и он с удовольствием спел эту песню... А если отказывался, то или горло болело, или уж очень был занят. А так пел всегда.

— *А часто болело горло?*

— Тогда — нет. Горло было, как говорится, луженое. И запас жизненных сил был еще громадным...

— *А как у Людмилы складывалась профессиональная карьера?*

— Вопрос этот достаточно сложный. Она — невероятно талантливый человек, от природы ей очень много дано. Людмила прекрасно пишет стихи, Володя не отрицал, что в первых вещах есть ее влияние. Он с ней советовался, они вместе шлифовали какие-то куски. Во ВГИК она поступила легко, хотя конкурс, как всегда, был громадный. Не могу сказать, чтобы она училась без усилий, — Мастер всегда найдет ступеньку, на которую тебе нужно подняться. Тем более что группа Михаила Ромма была очень сильной.

Но актерская карьера у Людмилы не сложилась. Она снялась в «713...», в фильме «Восточный коридор» Минской студии. Потом было несколько телевизионных фильмов: «Не жить мне без тебя, Юсте» и «Комната», где они снова снялись вместе с Володей. Конечно, двое детей... это не способствовало актерской карьере. Кроме того, жизнь с таким мощным лидером всегда сложна...

А потом, ведь их семейная жизнь тогда не сложилась... Людмила очень переживала, когда они разошлись.

— *А материальное положение — тут были сложности?*

— Нужно учитывать вот что... Актер, если он снимается в кино, то получает деньги раза два в год. Зарабатывает деньги, которые инженеру и не снились... Но бывает так, что недели через две их уже нет. Поэтому актерская жизнь, с этой точки зрения, довольно сложна.

Я не могу сказать, что денег у них вообще не было. Родители, и те и другие, были, в общем, обеспечены и помогали в таком размере, что особых проблем не было. И в пер-

вую очередь, чтобы не было проблем у детей, чтобы у детей было все необходимое... Так что нельзя сказать, чтобы они бедствовали.

И то, что Марина Влади подчеркивает в каждом интервью — «подошел плохо одетый молодой человек» — это полуправда. В 60-е годы многие имели по одному костюму — и все считали это нормальным.

А с середины 60-х годов, когда Володя стал регулярно сниматься, стал чаще давать концерты, их материальное положение резко улучшилось, они отремонтировали квартиру, на заказ сделали мебель, она цела и сейчас.

— *Среди коллекционеров получил распространение текст, который называется «Кольцо». Он действительно записан со слов Людмилы Абрамовой?*

Автор несколько раз встречался с Людмилой в 1981 году. И какие-то ее слова переданы совершенно точно, но очень много придумано, искажены некоторые факты. А главная беда заключается в том, что этот текст распространялся без согласия Людмилы и без согласия автора.

Москва, 1987 год

Артур
МАКАРОВ

Начнем с этой знаменитой песни «Я взял да и уехал в Магадан, к другу!» — потому что она очень странно появилась... Ведь настал момент, когда Кохановского вообще отлучили от нашей компании (дружеская компания на Большом Каретном. — В.П.). С ним никто не встречался, его вообще не пускали на Большой Каретный. У нас даже термин такой был «Этот человек подслан от Кохановского».

Так что значительное время — целую осень — мы с Кохановским не встречались. Он уехал в Магадан наработать себе биографию, и там он издал свою первую книжку стихов.

И вдруг Володя — по пьяни — улетел в Магадан. Как-то так получилось, что в это время никого из нас не было в Москве, и Володе совершенно некуда было деваться... Вот он и рванул в Магадан к Кохановскому. Все это было как гром среди ясного неба для всех нас. А Вовчик привез оттуда эту песню. Я говорю: «Вовчик, что же это такое?» — «Да ты знаешь, Арчик, так бывает... Он все-таки друг мой...»

Кохановский вначале жил в районе Бульваров, а потом переехал на улицу Горького. И вот там, на улице Горького, мы всей компанией несколько раз очень сильно гудели.

— *А когда вы познакомились с Кохановским?*

— Это когда Володя позвонил Кохановскому и сказал: «Игорь, приезжай, привези выпить-закусить и рубашку Артуру».

Я свою порвал в очень сильной драке. А утром я лежал и говорил: «Не встану, пока мне не привезут рубашку...». И Кохановский приехал с бутылкой водки, с банкой варенья из крыжовника и с рубашкой. Я до сих пор помню эту рубашку — зеленого цвета.

Вот тогда я и познакомился с Кохановским.

— *Насколько я знаю, песня Кохановского «Бабы лето» пользовалась популярностью в вашей компании?*

— Да, конечно. И впервые я ее услышал не на Большом Каретном, а у Володи Акимова. Мне страшно понравилась эта песня, и я сказал: «Давай по новой». Песня действительно была очень хорошей, хорошей в его исполнении и с его мелодией. А вот когда ее пела какая-то певица с эстрады, с другой мелодией, это было омерзительно, на мой взгляд. Кстати, у Акимова тогда бывала и марокканка, которой эта песня и посвящена.

— *И эта песня была некоторое время как бы гимном вашей компании? Кстати, многие люди считают эту песню народной.*

— Нет-нет... Это как считают народной песню «Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела». А ее написал Андрей Тарковский.

— *А вы знали двоюродного брата Высоцкого — Николая, который вернулся из сталинских лагерей?*

— Я его видел, по-моему, всего один раз. Так что ничего определенного сказать не могу... А вот двоюродного брата Акимова — Лешку — я знал хорошо. Как я вам уже рассказывал, у нас была первая сборная, вторая сборная, а была еще группа «автоматчиков», которую и возглавлял этот Лешка — здоровый такой парень. Лешка этот был славен тем, что не дал положить себя Кочаряну — не дал побороть себя. Их было трое, они только что вернулись из армии, поэтому их и звали «автоматчиками».

— *А «вторая сборная»? Ее состав?*

— Высоцкий, Акимов, Свицерский, Кохановский... Всех их я узнал через Володю. Акимов — Акимыч, Высоцкий — Вовчик, Свицерский — Свицерок. Свицерский был очень хороший парень, пока не скурвился. Это же я его вытащил сниматься в картине «Один шанс из тысячи»... И вот после съемок мы застряли в Симферополе и плотно загудели в гостинице аэропорта. А Свицерский тогда подружился с Сашей Фадеевым. Этот Саша — гниль, а не человек... И вдруг Свицерский в гостинице мне говорит:

— А сколько ты за сценарий получил?

— Ну сколько получил, столько и получил — все мои. Известно же, сколько за сценарий платят...

— А я знаешь, сколько получаю?! Это вы — элита! У вас с Тарковским здесь зарплата по 250, а у меня 150.

— Аркаша, побойся Бога! Что ты говоришь, ты же сам согласился... Да, ты — уважаемый врач, работаешь в хорошем месте. Но ты же сам захотел в кино. А в кино бабки — маленькие.

— Ну все равно несправедливо...

— Ах, ты так! Ну тогда пойдем, поговорим.

— Ну пойдем...

Когда мы выходили, Халимонов мне говорит:

— Арчик, не надо! Свой же парень...

А я говорю:

— Какой же он свой?!

— Да у тебя же рука одна в гипсе!

А на одной руке у меня был перелом, и Халимон вышел и стоял за углом. А Аркаша ведь здоровый был амбал, играл в регби... Ну мы и разобрались, точнее, я ему наподдавал.

— *А вот Хари Швейц — для меня личность загадочная — он ведь тоже снимался в этом фильме?*

— Хари Швейц! — лапушка Хари... Я вам могу сказать, как он появился в нашей картине... Когда мы начали снимать «Один шанс из тысячи», в тот день, когда Тарковский сказал всей группе: «Что же это вы ходите как обормоты... Друзья мои, это не годится...» Так вот, в этот день в массовке мы заметили парня — здоровый такой лоб. Хари был дважды мастер спорта — по штанге и по метанию то ли ядра, то ли молота... Тогда он был такой подтянутый, это сейчас Хари — пивная бочка. Последнее время он работал грузчиком в мебельном магазине. И вот Андрей увидел этого колоритного малого и взял его на роль. Ну а потом мы все с ним подружились.

Я помню, была в то время драка в Ялте, когда мы слевой Кочаряном канителились с 4 бугаями. Жанна Прохоренко (жена А.С. Макарова. — *В.П.*) увидела, что нам приходится несладко, побежала в гостиницу, в которой жила съемочная группа: «Ребята, там наши дерутся!». И вот как сейчас помню, Хари Швейц несется по набережной в красном тренировочном костюме. Бежит, швыряя шлепанцы вперед, потом их снова надевая. Я ему говорю: «Хари, зачем ты это делал, ведь все равно босиком бежал?» — «Артур Сергеевич, как можно... Наверняка бы украли...» Он был латыш, степенный такой и аккуратный. Это Хари научил всю нашу компанию есть хорошее сало, запивая его сухим вином. Он говорил: «Конечно, лучше с шампанским, но на него нет денег».

А ему присылали из Латвии сало, и он нас им угощал. И все тогда было вкусно. Да, Хари Швейц — лапушка Хари... Он потом бывал в компании на Большом Каретном.

— *Большой Каретный... А бывали у вас «старшие товарищи»?*

— Ну, например, отец Толи Утевского, очень крупный юрист. И он заходил к нам, сидел за нашим столом и с интересом слушал наши разговоры.

Заходил и Семен Владимирович, тоже сидел за нашим столом, и было совершенно нормально, когда он как все ходил за водкой.

В нашу компанию приходил реальный космонавт, правда из резерва. Потом его отчислили из отряда космонавтов, но все равно он жил в Звездном городке. И однажды мы идем по улице — Рэвик Бабаджанян, Володя, я и этот парень, — точно помню, что мы проходили площадь Моссовета, шли в кафе «Отдых», которое было тогда прямо за Долгоруким. И вдруг навстречу идут два летуна, этот парень к ним кинулся: знакомьтесь, этот скоро в космос полетит. Потом мы узнали, что это был Андриан Николаев.

— *А сколько лет просуществовала компания?*

— Вот, говорят, что компания на Большом Каретном просуществовала короткий срок — всего десять лет! Но разве это короткий срок?

— *А кто такой Миша-Вася, который часто выручал вас с едой?*

— Не только с едой... Миша-Вася — это очень серьезная личность, вот только ни отчества, ни фамилии его я не знаю. Миша-Вася, Аркан Вайнер, Батон, Леха по новой фене, знаменитый Миша Ястреб... Это были очень серьезные ребята. Миша-Вася с Арканом Вайнером — двоюродным братом знаменитых Вайнеров — «держали» мебельный магазин в Кунцево — огромный деревянный магазин, известный всей Москве. Держали вместе некоторое время, а потом разделились. Аркан — Аркадий Маркович — остался в магазине, пока его не арестовали по делу сети магазинов «Океан». А Миша-Вася стал директором гастронома «Правда», потом долгое время был директором знаменитого гастронома на Арбате. Сейчас он уже, наверное, на пенсии. Так что в нашей компании бывали самые разные люди.

Борис
ДИОДОРОВ

С Володей Высоцким мы познакомились так. Я ехал на машине по нашей улице Телевидения. Вижу: стоит парень с гитарой. Предлагаю: «Вас подвезти?» А в машине выясняется, что мы живем рядом — наши дома напротив.

Было время, когда мы общались практически каждый день, и тогда я, конечно, хорошо знал Володю. Он бывал очень разным. Мог быть нежнейшим человеком, а через некоторое время вдруг становился жестоким, а бывал трогательно-заботливым — ну просто до слез.

Физически Володя был невероятно здоров! Он действительно мог не спать ночами. Я уставал, мог задремать, уснуть, он — работал. От него никогда не приходилось слышать: «Я устал». Никогда!

Рядом с нашими домами, через детский сад, жил Гена Шпаликов, с которым чуть позже мы начали общаться. У Высоцкого и Шпаликова, кажется, отдельных дружеских отношений не было, но они часто совпадали в общем кругу. Вспоминаю, что, когда приехал Хилькевич, это был период «Опасных гастролей», была большая совместная компания. Одно время Гена рисовал — помню, он сделал портрет Людмилы Абрамовой.

Она Володю обожала, формировала его: разыскивала какие-то серьезные книги... А у Володи уже началась неупорядоченная кино-гастрольная жизнь. И рядом с Володей Люся мне представляется глубоко трагическим человеком — во всяком случае, тогда я так считал.

Какое это уже далекое время! Но все было в первый раз — и все было интересно. Тогда Володя просто обожал приходить к друзьям и петь новые песни. Я довольно часто оказывался свидетелем того, как он вечерами сидит в маленькой кухоньке, что-то пишет, а в руках — гитара. Тут же показывал какие-то новые куски, пробовал варианты...

Потом у меня появился магнитофон «Грюндиг», очень хороший по тем временам. Володя часто его брал, записывал свои песни. Это был примерно 1967—1969 год, достаточно ранние записи. Они сохранились.

Детали? Ну, например, я спрашивал про «желтое в тарелке». Володя сказал, что это — консервированные апельсины: на этикетке дольки лежали на тарелке. За чем тогда гонялись приезжие? — За апельсинами.

Володя уже работал в Театре на Таганке, тогда он энергично тащил меня туда — делать декорации. Одно время сам хотел рисовать, но — мне так тогда казалось — это не было серьезным проектом.

С актерами Таганки я общался мало, но знаю, что Валера Золотухин всегда был искренним по отношению к Володе, всегда переживал за него. И, как мне представляется, Валера — человек совестливый. Может быть, он сделал неверный шаг — и вот теперь мучается.

Как-то Володя пришел из театра немного обиженный:

— Ну почему они так? Мне сегодня Алла Демидова говорила, что я своими песнями добиваюсь дешевого успеха, да еще деньги получаю за это.

Помню ругательную статью в «Советской России». Володя ее носил — всем показывал, возмущался!..

И это было время, когда он очень хотел добиться хоть какого-то признания... У меня был старинный пистолет — настоящий «Лепаж». Володя уговорил подарить его одному известному кинорежиссеру-коллекционеру. В очень слабой надежде, что его будут снимать. И хоть бы кто помог ему! Все обещали, но никто ничего не делал.

Вот что еще вспоминается. Володя написал детскую поэму. И мы носили ее в издательство «Детская литература», где я тогда работал художником. Володя показал свою поэму редактору Светлане Николаевне Боярской. Читал он очень здорово! И у всех осталось очень хорошее впечатление. Но дня через три Светлана Николаевна, немного смущаясь, сказала мне, что она прочитала текст — и когда это напечатано, то ей показалось, что поэма гораздо слабее...

...Однажды Володя приходит ко мне очень веселенький.
— Я «развязал»!

— А что ты такой радостный?

— Ты же не знаешь, какой я хороший, когда «развяжу».

Тогда я только слышал от Люси, как тяжело это у него бывало. Мы поехали по друзьям — и началось... Целая неделя! Я старался потихоньку его «выводить»: пивной бар, потом баня. Бесполезно. Через неделю Володя, наконец, говорит:

— Все, завязываю. Вот три бутылки коньяка — по одной в день — и все!

Я поверил. Вечером прихожу к нему — все три бутылки пусты, а Володя в тяжелейшем состоянии. Все это кончилось больницей...

Повторяю, что одно время у нас были достаточно близкие отношения. И вот однажды Володя говорит:

— Как ты посмотришь, если я женюсь на Марине Влади?

Откровенно говоря, я был ошарашен! Ведь для меня (да и для всех) Марина Влади была звезда, «Колдунья»! И я вообще ничего не знал про их отношения.

В общем, Марина появилась. Володя в тот вечер, конечно, пел. Марина его воспринимала совершенно восторженно. Как-то очень по-женски она впитывала каждое слово... И на меня его песни всегда очень действовали. Когда Володя пел, то возникало такое мощное энергетическое воздействие! Честное слово, его хотелось обнимать, целовать и благодарить, благодарить...

Марина им восхищалась тогда. Она все время видела в Володе своего отца, говорила, как Володя похож на него. У отца тоже был трудный путь к успеху. Она вспоминала его слова:

— После «Колдуньи» могу спокойно умереть...

Потом Володя и Марина поженились. Мы вместе ездили искать квартиру. Сразу после свадьбы они снимали квартиру у Капитолины Лазаренко — в Каретном Ряду на третьем этаже. Потом вместе с Мариной мы покупали «кухню». Ездили в деревню Григорчиково, на Пахре: они хотели там

приобрести домик. Матвеевское... Я помню, что у них было очень красиво. Марина привезла из Парижа какие-то необыкновенные светильники, шторы. Наверное, это был первый уют в Володиной жизни. Первый домашний уют, но в чужом доме...

Я развелся со своей первой женой — у меня образовалась пропасть времени. Этот отрезок был очень сумбурным, даже иногда дурацким, но очень интересным. Помню несколько вечеров.

Очень симпатичный был вечер, когда Володя и Марина пригласили Тарковского. Они тогда жили на улице Телевидения. Конечно, Володе очень хотелось показать Марине великого режиссера... И были очень хорошие посиделки.

Еще один вечер — в редакции журнала «Советский Союз». Володю пригласил попеть Юрий Королев — фотокорреспондент этого журнала. Был такой маленький концерт в небольшой компании. Володя пришел с Мариной. А потом в столовой был очень яркий момент: Володя ставил бутылку на край стола и говорил:

— Вот смотрите — бутылка сейчас упадет, ударится об пол и сама откроется.

Действительно, так происходило — просто как в цирке. А Юра с Володей позже встречались самостоятельно и, как мне кажется, подружились.

Мы с Володей не работали вместе. Если бы работали — наверное, многое бы можно было вспомнить. Вспомнить важное для людей. А у нас с ним ничего не было, кроме жизни. Той самой жизни, которая состоит из мелочей.

Например, у Володи появилась новая машина, «Рено-16». И мы осваивали «Рено-16», а «освоили» двенадцатый таксопарк... Я привез его туда, Володя дал концерт — его вынесли на руках! И на руках же хотели нести на банкет, я еле-еле «отбил». Потом нас там очень хорошо обслуживали.

Кстати, Володя очень многое узнавал у таксистов. Один из них рассказал про очень необычную автокатастрофу — разбился катафалк и все сопровождавшие гроб погибли.

— Все? — спрашивает Володя.

— Все.

— А покойник?

— Что покойник? Ему — ничего...

И еще один поразительный случай, связанный с автомобилем. Володя учился ездить на моей «Волге», а потом у него появились серые «Жигули», которые доставал отец. Однажды Володя позвонил мне:

— Я на машине...

Поехали куда-то. Володя вцепился в руль — он недавно начал водить — и говорит:

— Вот сейчас бы мчаться по хорошему шоссе, почти лететь... и чтобы кто-нибудь ехал навстречу — лоб в лоб! Интересно, свернул бы тот, другой, или нет?

Меня это поразило. Ведь его любопытство не знало пределов и границ! И не просто любопытство — это было стремление заглянуть за горизонт. Воплотиться во все и все испытать самому!..

«Параллельные» жизни у нас начались в году, наверное, семьдесят втором. Я женился, Володина жизнь менялась. Встречи стали редкими — я очень много работал, Володя — тоже. Да и молодость кончалась... Если встречались — поначалу возникала некоторая неловкость, что долго не было встреч, а потом все шло по-старому.

Однажды перед Новым годом, в ЦДРИ... Володя, уже в фаворе, идет окруженный свитой. Увидел нас с Кариной, которая давно и хорошо его знала, — оставил всех и бросился навстречу... Встречи были редкими, но очень трогательными.

У всех людей, которые были рядом с Володей, есть что-то на совести. Во всяком случае, я так думаю. Последние годы я чувствовал, я видел, что он приближается к какой-то трагической развязке. Мог ли вмешаться? Мог ли помочь? Не знаю...

Сейчас повышенное внимание к памяти о Володе. И я, откровенно говоря, испытываю неловкость. Не смог рас-

сказать каких-то, может быть, очень значительных вещей. А возможно, что не в этом дело... Ведь люди уходят — все равно остаются. И занимают в жизни ровно столько места, сколько было. Ничего не меняется. Ничего...

Анна
ШАХНАЗАРОВА

Мы познакомились с Володей Высоцким, когда была еще Люся и маленькие дети. Вместе встречали Новый год, по-моему, это был 1967-й. Когда Володя запел, я уже тогда почувствовала невероятную силу и веру в людей. Он как бы хотел сказать: «Люди, заметьте — это я! Это мое искусство!» Ведь даже самые первые песни Высоцкого — это маленькие шедевры.

Осенью 1968 года позвонил Любимов: Володя привез из Сибири отличную песню. И после спектакля почти вся Таганка, человек двадцать, приехали к нам домой. Володя был с Люсей. Все сидели за столом, пили, ели, разговаривали, а Володя очень сильно выпивал тогда. И я впервые визуально увидела это. Гости уже стали расходиться, и Боря Хмельницкий все тянул Володю: «Пойдем, уже поздно...» А тот никак не хотел уходить. Я случайно зашла в столовую и увидела, как Володя рюмок 10—15 — хлоп-хлоп! В общем, выпил все, что оставалось на столе. За одну минуту, наверное, успел выпить. А мы как раз приготовили магнитофон, чтобы записать «Баньку». Володя начал петь, а голос у него срывался — столько водки сразу! — совершенно пьяный голос. Вот так мы впервые услышали и записали знаменитую «Баньку по-белому». Закончился вечер очень печально. Люся увидела, что Володя хорошо выпил, и такую ему истерику закатила! По-моему, они с Люсей были люди трудносовместимые.

Еще помню застолье у Любимова с Целиковской. Был день рождения Юрия Петровича, и вся элита московская в наличии... Володя уже с Мариной. Я увидела, как они тяну-

лись, как льнули друг к другу. Это самые первые ростки их отношений. И весь этот московский бомонд крутился вокруг Володи и Марины. Марина была тогда воздушная красавица — почти неземное существо. Но на меня почему-то посмотрела с осторожностью.

Володя очень любил свою мать. Но ведь до Малой Грузинской своего дома у него не было, мотался туда-сюда. Иногда и поесть было негде, а у нас был *дом*. Бывало так, что Володя забегал просто перекусить. Однажды он надолго лег в больницу и никак не мог достать «Винстон», а он курил только эту марку сигарет. Георгий (Георгий Хасроевич Шахназаров — общественный и политический деятель, в 90-е годы помощник М.С. Горбачева) достал где-то пять блоков «Винстона», и Карен, который тогда был еще студентом, бросал сигареты Володе через забор. Не помню точно, какая больница, но какая-то психиатрическая.

Володя весь театр снабжал лекарствами — привозил из Франции. Им же всюю пользовались. Рядом с Володей — то Золотухин, то Смехов, то Хмельницкий. Вот сейчас говорят, что они — друзья. А какие они друзья?! И Ваня Дыховичный — сам из знаменитой семьи, а Володя к тому времени был уже звездой, — в их дружбе, как мне кажется, был момент конъюнктуры. И всегда рядом с Володей был преданный русский мужик Ваня Бортник...

Любимов очень строго к Володе относился, а иногда — я была тому свидетельницей — бывал просто груб. На репетициях «Гамлета» он даже кричал на Высоцкого. Я хотела ему об этом сказать, но не решилась. Кто я такая, чтоб делать замечания Любимову. Сидела тихо в зале, стенографировала репетиции «Гамлета».

Марина... У них с Володей были разные стадии отношений. Было время, когда они решили: Володя не пьет, а Марина выпивает. Помню, сидим у нас дома, Володя говорит: «Я «в завязке» — мне боржом». А Марина сидела с подружкой и пропускала стаканчик за стаканчиком. Володя стал выступать: «Марина, если ты не перестанешь, я сейчас же

уюду». Да, был такой период... Я подумала и сказала Георгию: «Нет, Марина ему уже не помощница». В тот вечер они остались у нас ночевать. Я, конечно, встала раньше всех, потом сели завтракать. Я обратила внимание, что перед Мариной уже стоял стакан с сухим вином.

Володина смерть... Я считаю, что и Марина тоже виновата. Да, конечно:

Мне меньше полувека — сорок с лишним,
Я жив тобой и Господом храним...

Да, 12 лет... Но почему вообще не стоит вопрос о ее вине? Она же выгнала Володю в последний раз из Парижа! Выгнала, а потом пожалела. И как же это она не знала про наркотики? Она и сама пробовала, я точно это знаю. В самом конце жизнь Володи с Мариной — это, по-моему, был суший ад. Я тогда сказала Георгию: «Как красиво все это начиналось и как некрасиво заканчивается».

А еще меня поражает сволочизм людей, которые окружали Володю в последнее время. Ведь просто погубили мужика! А мама, которую он так любил, она даже не позвонила ночью... И вся эта атмосфера последних дней — это было просто ужасно.

Я не пошла на похороны. Думала, как сейчас говорят, будет московская тусовка. Очень жалею. Очень.

Игорь
ШЕВЦОВ

Игорь Константинович Шевцов прodelывал огромную, неафишируемую работу по увековечиванию памяти В.В. и при этом был готов помочь всем и каждому — а особенно тем, кто занимался изучением жизни и творчества Поэта. И всегда давал больше, чем просили, а это признак благородного человека.

В 80-е годы прошлого столетия именно он разыскал — по сути спас — многие кино- и видеоматериалы о Высоцком. По существу, Игорь явился главным создателем и неизменным ведущим кинопрограммы «Творческий поиск Владимира Высоцкого». Без его контактов и связей, без его энергии и трудоспособности был бы невозможен перевод видеозаписей на киноленту, а значит и само существование программы. В этой программе — в не самые свободные времена, задолго до телепрограмм Н.Крымовой и Э.Рязанова, — Высоцкий пел свои песни. Тогда это был прорыв к свободе.

26 июля 1980 года Игорь перепечатал последнее стихотворение В.Высоцкого — «И снизу лед...», которое потом в тысячах экземпляров разошлось по всей стране. Он являлся одним из составителей первого сборника стихов Высоцкого «Нерв» и более солидного — «Песни и стихи» под редакцией Н.А.Крымовой.

Игорь входил в группу друзей В.В., которых пригласил Ю.П. Любимов для обсуждения первого варианта сценария спектакля «Владимир Высоцкий». На первой же встрече Юрий Петрович сказал, что трудно будет делать спектакль о Володе с людьми, многие из которых его не любили. Спектакль «Владимир Высоцкий» по сценарию И.К. Шевцова и Ю.П. Любимова, несмотря на запреты Министерства культуры, был показан в годовщину смерти и в дальнейшем, до включения в репертуар, шел по памятным датам: каждые полгода — 25 января и 25 июля.

Игорь принял участие в выпуске первой «западной» серии пластинок «Светлой памяти Владимира Высоцкого...», а позднее выступил уже в качестве официального составителя отечественной серии виниловых дисков «На концертах Владимира Высоцкого» — по сути, самой знаменитой попытке создать звучащее собрание сочинений.

В августе 1980 года Игорь в числе очень немногих откликнулся на просьбу Марины Влади написать воспоминания о Высоцком, и это — один из лучших материалов в мемуар-

ной литературе о В.В. Кроме того, Игорь помогал Юрию Карякину в работе над знаменитой статьей «По чьей вине...»

Он словно предчувствовал свою смерть, много говорил об этом... Игорь Константинович Шевцов трагически погиб в автокатастрофе 30 ноября 2003 года.

Я не был ни другом, ни даже многолетним приятелем Владимира Высоцкого, знал его последние семь месяцев. Так и надо отнестись к этим заметкам — как к наблюдениям человека «со стороны».

Память возвращает изображение скупое и неохотно, как при проявлении фотографической карточки: сначала неясные контуры, потом все больше, больше... Но все-таки — только то, что есть, и ничего кроме.

Летом 78-го я приехал на Одесскую киностудию: обсуждали мой сценарий. Томясь бездельем, бродил по полупустому павильону, пока не вспомнил, что здесь где-то должен сниматься Владимир Высоцкий. И вдруг захотелось... (хотел написать: просить его сделать песни для сценария, но если быть честным, то это был лишь повод познакомиться). В павильоне стояла декорация интерьера МУРа 46-го года (для «Эры милосердия»). Никого не было. Потом стали появляться люди. Пришел Конкин. Скоро, почему-то громко стуча сапогами, появился Владимир Высоцкий, хмурый, сосредоточенный, замкнутый. Я подошел:

— Владимир Семенович, у меня к вам просьба...

— Да?!

Ответил резко, почти грубо. Во взгляде настороженность, почти открытое недоброжелательство. В общем, понятно: могу себе представить, как его одолевают поклонники обоих полов. Человека популярней в стране, кажется, нет. Первое впечатление от моего приезда в Петропавловск-Камчатский пару лет назад — орущий в динамик надорванный баритон прямо в аэропорту.

— Дело идет о песнях для сценария...

Молчит, выжидает с плохо затаенным нетерпением.

— Хорошо, после смены подойдите.

— К сожалению, не смогу. Может быть, завтра?

— Ладно, завтра...

«Завтра» я не подошел, раздумал, не стал приставать.

Летом 1979 года на Киевской киностудии снимался фильм, где я был одним из авторов сценария. Фильм о войне, об армейской разведке. Нам очень нужна была песня. Ну, кто еще, как не Высоцкий?

С трудом, после опроса десятка «близко знающих» Высоцкого (а кто его не знал «близко»!) получил номер домашнего телефона. Однажды вечером позвонил.

В телефоне — узнаваемый низкий голос, который обладатель его старательно и, как потом я имел возможность наблюдать, безуспешно пытается изменить.

— Будьте любезны Владимира Семеновича.

После паузы — настороженно:

— А кто говорит?

Называюсь, добавляя, что моя фамилия все равно ничего не скажет.

— А в чем дело?

Объясняю, в чем дело.

Вероятно успокоенный, что — не поклонник, Высоцкий меняет тон, и голос становится естественным.

— О чем картина?

— Армейская разведка, 44-й год... Не могли бы вы сняться?

— Игорь, я сейчас не собираюсь сниматься в кино, отказался от нескольких предложений. У меня совсем другие планы, так что вряд ли смогу быть Вам полезен... Хорошо, принесите сценарий, — вдруг добавил он, — адрес знаете?

И быстро продиктовал адрес.

Я отвез сценарий и, выждав несколько дней, снова позвонил.

— А, Игорь? Нет, знаете, я вообще сейчас отказываюсь от всех предложений — хочу год отдохнуть, не сниматься. Потом я только что сделал роль в «Эре милосердия» — это похоже. Нет смысла повторяться...

— Владимир Семенович, ну а песни напишете?

— Нет-нет, ничего писать не буду. А вот у меня есть «Песня о конце войны». Если подойдет — берите.

— Конечно, подойдет. А как ее прослушать?

— Ну, позвоните... Она куда-то затерялась, я поищу текст...

Все как-то очень неопределенно и малонадежно.

— Владимир Семенович, у меня есть предложение... — говорю не торопясь, представляя себе, как он нетерпеливо держит трубку, готовый швырнуть ее на рычаг, — в Одессе должен сниматься «Зеленый фургон» по моему сценарию. Это...

Коротко пересказываю, он терпеливо слушает.

— Там будет несколько песен. Можно на вас рассчитывать? И вдруг — полная неожиданность.

— Почему же только песни? Я с удовольствием и сам снял бы эту картину.

— Как? Режиссером-постановщиком?

— Ну да! Я эту книжку знаю, люблю... Несколько лет назад по радио была постановка, я участвовал... А почему «Зеленый фургон»? Ведь уже была картина?

— В том то и дело, что была! — я, конечно, зачастил, «зашестерил» в предвкушении неожиданной удачи, — так она была двадцать лет назад (на самом деле — поменьше), снимал ее Габай, а он уехал.

— А что? Это заманчиво.

— И вы готовы на полтора-два года уйти из театра?

— Готов.

— А поехать в Одессу?

— Да готов, готов!..

— Владимир Семенович, случай неординарный, но давайте пробовать.

— Нет! Я никого ни о чем просить не буду. Сейчас, после картины, они ко мне хорошо относятся, но я — просить не буду!

— Так давайте я начну!

— Вот и начинайте! Получится — я готов. Договорились, Игорь?

— Договорились.

— Ну, звоните.

Дело с песней на время заглохло, режиссер молчал, и я не стал приставать к Высоцкому. А затея с «Фургон» выглядела вообще утопической — я почти забыл о ней. Хотя, когда через некоторое время из Одессы приехала редактор Е. Демченко, я среди прочих дел вдруг ввернул:

— А есть кандидатура режиссера на «Зеленый фургон»!

— Кто?

— Высоцкий!

— Да брось ты!

— Серьезно. Только сам он никого просить не хочет. Вы его просите и — за него.

— Все. Завтра же Збандут (директор студии) с ним связывается!

И утопия вдруг зашевелила конечностями, заморгала, задвигалась. Через несколько дней уже «кто-то» в Москве на ТВ сказал, что «мысль интересная».

В начале декабря — так двигалось дело у нас в Отечестве — еще ничего не было ясно, зато числа 10 декабря, когда я вернулся из Крыма, со съемки, мне домашние сказали сразу на три голоса:

— Звонил Владимир Высоцкий, сказал, что он дал согласие студии снимать «Зеленый фургон».

Я тут же позвонил ему, но Нина Максимовна (мы еще не были с ней знакомы) ответила, что Владимир Семенович уехал до 14-го или 15-го.

С нетерпением дожидаюсь 15-го, звоню. Голос энергичный:

— Игорь! Да, Збандут прислал телеграмму, я подтвердил согласие. Приходи вечером на «Преступление и наказание», не видел? Вот и посмотришь — обратно от меня к... (он назвал фамилию, но я не разобрал, а переспрашивать не стал, и время назвал — перед началом за полчаса).

У театра — обычная толкотня, я привык к ней за 15 лет, живу рядом, каждый вечер видел. Приближаюсь к окошку

администратора, должен что-то сказать. Я до того в театре бывал редко, а на Таганке вообще раза два-три, никого не знал, но уже лезу с ощущением «особости» нахально головой в администраторское окошко.

— Вам что?

Это вопрос в самой резкой форме В.П.Янкловича, которого, естественно, я тогда не знал.

— Мне тут билет оставлен... — начинаю я мямлить и вдруг вижу в администраторской Высоцкого. Он меня не слышит, разговаривает с кем-то...

— Владимир Семенович! — ору я, а Янклович злится:

— Вам что нужно?

— Билет... Билет мне... Владимир Семенович! Глупо, наверное, как гимназистка, выгляжу.

— Фамилия? — неумолим главный администратор.

Называюсь, и вдруг — о чудо сопричастности! — «сам» Высоцкий оборачивается, и щелкает замок, и дверь приоткрывается ровно настолько, чтобы мне протиснуться, а больше никому. И я протискиваюсь. Высоцкий одну руку протягивает, другой обнимает. Целуемся (интеллигентный московский ритуал — вовсе не свидетельство близости). А в комнатухе администратора — шумный бородатый Борис Хмельницкий, Филатов, еще какие-то люди, их я не знаю, да и этих-то узнаю едва.

— А-а, вот ты какой!

Это Владимир. (А какой я? Обыкновенный).

— Очень хорошо. Что — будем делать кино?

Я не робею, но смущаюсь: все-таки слишком много народу. Он улыбается как-то хитровато, очень хорошо.

— Значит, ты не уходи после спектакля. Не видел?

— Нет.

— Ну, посмотришь... Сценарий привез?

— Конечно.

— А ты против соавторства не возражаешь?

— Что вы, Володя! — Раз он на «ты», могу и я обойтись без отчества, но на «вы».

— Только...

— Что?

Он как будто чуть-чуть настораживается.

— Вы знаете, что, как автор сценария, не получите за песни в фильме? А это примерно... — называю сумму.

— Да? — он удивился, но тут же:

— Ладно, устроим как-нибудь.

— Все. Больше возражений нет.

Володя улыбается. А что, он ожидал, что я буду возражать? Но я же не полный идиот! Соавторство режиссера, да еще т а к о г о, — дело естественное и совершенно необходимое, здесь я искренен.

Потом был спектакль. В антракте подхожу к Сергею Юрскому (увидел его еще в зале). Узнав, что Высоцкий берется за постановку, Юрский приятно удивлен, желает удачи. А ведь некогда я пытался подобную же авантюру «соорудить» с ним, да ничего не вышло, несмотря на помощь В.Я. Мотыля. (В июле 80-го я снова встретился с Юрским, чтобы вручить ему сценарий «Зеленого фургона», на котором будут уже стоять две фамилии соавторов — Володи и моя. Может быть, он еще раз попробует? Нет, он отказался.)

Помню, я пожаловался Юрскому, полусхуча, конечно, что какой-то тип все время сзади фонариком посвечивает — смотреть спектакль мешает. Юрский удивился:

— Это же Любимов! Он так контролирует спектакль, темп держит. Вот насколько я был тогда «темным».

После спектакля публика вытекает из театра, а я не спешу. Я уже вроде бы не такой, как все... Приобщенный. Приятно щекочет тщеславие. Юрский пришел в гримерную, на верное, благодарил. В фойе остался я один — торчу в ожидании Высоцкого. Нелепо торчу, неловко.

Владимир выскочил оживленный. Слова восхищения (впрочем, весьма сдержанные, чтобы не выглядеть «гимназисткой», хотя роль сыграна блистательно) он принимает улыбаясь, благосклонно.

— Едем, едем ко мне!

У выхода, хотя поздний вечер и декабрь, стоят люди. Подбегают девчушки, суют Володе цветы. Он выслушивает терпеливо, но как-то неохотно, с таким выражением: «Ну, скорее, скорее!..»

Усаживаемся в такси: он, Валерий Янкович, представившийся мне теперь как «Валерий Павлович», еще кто-то. Едем.

Разговор идет о фильме.

— Художником возьмем Давида Боровского! — фантазирует Володя.— А вот у меня второй режиссер замечательный...

Речь шла о Валерии Янковиче, но я, не знавший тогда об их дружбе, сказал довольно бестактно:

— Если не будет второго режиссера студийного, вы погибнете, Володя!

— Да я их... всех передую! — смеется он. — Они все на меня пахать будут! А? Будут!

В этом нет позы. И я, знавший степень цинизма пресловутого «среднего звена» в нашем кинематографе, зная их низкие зарплаты, преданное и одновременно наплевательское отношение к делу, — я вдруг сразу понимаю, что оно так и будет: к Высоцкому пойдут работать все! И не за страх, а за совесть.

У меня с собой чемоданчик — ночной «Стрелой» я еду в Ленинград, там, в Репино, семинар приключенческого фильма, на семинар я еду в первый и последний раз в жизни.

— Ничего, ничего, я тебя отвезу на вокзал, — обещает Володя, — успеешь!

Всей толпой поднимаемся наверх, к нему. Пальто бросаем в одну кучу на диван. Разбредаемся кто куда по квартире.

— Вот телеграмма Збандута, — показывает он. — Ну, мы знаешь какое дело сделаем! Где сценарий?

Говорят тут все и обо всем. Скоро уже ничего понять нельзя, и сразу само собой и естественно получилось у меня — «ты», Володя, и час, который остался до поезда, уже не час, а так — пятиминутка.

— Все, ребята! — Я вскакиваю. — Опаздываю, опаздываю! А то, Володя, едем на семинар?

— Может поехать? — задумывается он, и тут же: — Нет, не могу...

Я одеваюсь.

— Подожди, я тебя отвезу, — он влезает в рукава дубленки, — по дороге поговорим.

В машине — на вокзал.

— Ну, расскажи о себе, — требует он.

— Да чего рассказывать... К своему однофамильцу отношения никакого не имею. — (Иван Шевцов — печально известный автор полутора десятков романов, тогда еще, кажется, не ставший членом Союза писателей.) Он смеется. — Работал у Чухрая в экспериментальном объединении. Сейчас все кончилось.

— А-а... Хорошая была затея, я слышал.

Дальше — провал, не помню, как разговор выскочил на альманах «Метрополь».

— Володя, твоя подборка в «Метрополе» производит странное впечатление. Не плохое, нет, но странное. По выбору стихов.

— Да нет, — он не обижается. — Там была причина. Мне важно заявить, что... (вот здесь он сказал очень удачную формулу, которую я, к сожалению, не упомянул. А смысл был таков: «показать, что я есть и есть такой литературный жанр»). Он это иначе сказал, и очень точная получилась формула, даже красивая).

Другая тема.

— Расскажи про сценарий. Как это все появилось?

Рассказываю, что планировалось на Рашеева, что Рашеев хотел делать мюзикл и говорил, что песни будет писать Юлий Ким, а главную роль сыграет Высоцкий.

— Почему же, если я играю, должны быть песни Кима? — Он не обижается, но удивляется. — Ким — это прекрасно, но странный вариант...

И вот уже оживляется:

— Нет, мюзикла не надо! Но нужна компания единомышленников! — От этой мысли он естественно переходит на следующую, но самый этот переход я не помню, а выдумывать не хочу. — Вот в конце пятидесятых мы жили втроем: я, Вася Аксенов, Андрюша Тарковский... Я тогда в кино за трешку, за пятерку бегал сниматься. Знаешь, как песни писал? Ночью вскакивал или сидел до утра, чтобы их порадовать новой.

(Слово «порадовать» он употребил, это помню точно.)

Может быть, я что-то не так понял про это общежитие втроем, но имена Тарковского и Аксенова он назвал тогда именно как имена близких друзей, для которых писал первые свои песни.

— Хорошее было время, — сказал он, — ушло...

У Ленинградского вокзала вышли из машины, обнялись, расцеловались. Я заметил, что его тут же узнали — смотрят.

— В общем, я читаю сценарий, а ты позвони завтра.

Я позвонил ему из Репино, но он еще не прочитал. Потом на другой день — снова не прочитал. Извинялся, говорил, что какие-то печальные неожиданные дела. Наконец, прочитал.

— Там есть у тебя много любопытного, но мне надо другое. Возвращайся — сядем работать!

В последнюю неделю декабря мы встречались почти ежедневно. Вечером я приезжал к нему на Малую Грузинскую. У Володи всегда были люди. Всегда шум, гам. Он — то играл спектакли, то уезжал на концерт, а потом, наговорившись, накричавшись вдоволь, все понемногу расходились, и мы начинали работать. Уже наступала поздняя ночь.

Он говорил, фантазировал. Однажды наговорил целую кассету, я с ним спорил, мы страшно, по-черному, матерились, а потом сломался диктофон. Жалко, если он стер кассету. Я же дома только расшифровал ее для работы. Там был его живой голос, темперамент — и это звучало убедительно,

а втолкать все это в сценарий никак не удавалось. Он фантазировал, разрывал сюжет, активно проигрывал роли разных персонажей, сыпал одесско-еврейским жаргоном и при этом почему-то все время называл одного из героев, начальника оперативной части угрозыска (сокращенно начоперот) — начапортом. Все, что было можно, я сначала старался втискивать в сценарий, но возникали противоречия, нелепости в тексте, и я... терялся.

Приближался Новый год, Володя собирался ехать на дачу, где сидела Марина, и — «там мы все сделаем». Я не знаю точно, была ли там Марина, но он так говорил. И я к нему на дачу в Пахру так и не выбрался — заболел гриппом. Он же попал в автомобильную аварию, разбил машину. Сева Абдулов и Валерий Янкович попали в больницу. Началась длинная и сложная история, о ней лучше расскажут друзья — я тогда подробностей не знал. Я ему звонил несколько раз, но ему было не до сценария.

Дальше трудно восстановить в деталях, как мы работали, но несколько длинных ночных разговоров пока еще в памяти, отчетливо вижу «картинку» — так фрагментами и передаю.

Глубокая ночь. Володя уgomонился и пошел к себе спать. Я остаюсь за письменным «таировским» столом в кабинете, записываю. Через час-полтора он вдруг заходит:

— Ну, как?

— Да вот, пишу.

Видно, что ему не спится. А мне, конечно, болтать с ним куда интереснее, чем писать сценарий. Я подбрасываю «ветки в костер»:

— Володь, а зачем тебе это кино вообще? При том бардаке, который там сейчас, ты же просто утонешь в рутине.

— Знаешь, а мне надо!

— Ты пишешь прекрасные вещи. Есть просто гениальные, — я не хочу льстить, но и не сказать, что так думаю, не могу, раз уж поехало.

Он усмехается, и в этой усмешке вдруг видно что-то... не знаю... незащищенность какая-то, неуверенность... (Очень

точно это схвачено на американской фотографии, где он держит гитару у лица, но так я видел фотографию тогда, а сейчас это выражение неуверенности вдруг исчезло. Как у Ахматовой: когда умирает человек, изменяются его портреты. — *Прим. 1989 г.*)

— Я давно удивлялся, Володя, твоей рифме. Кажется, Брюсов утверждал, что трехсложная рифма в русском языке — редкость, а у тебя — сплошь и рядом... Нет, правда! — тороплюсь я.

Вот его слова:

— Для меня рифмовать не составляет никакого труда. Самое простое дело, я почти времени на это не трачу. Проглядел «Словарь русских рифм» (я о таком словаре не знал) — там для меня мало нового. Но дело не в этом. Мне нужно менять поле... Актерство, лицедейство — это я не люблю. Ненавижу!!! — это вдруг прозвучало так страстно, что я удивился.

— Песни? Ну, это всегда со мной, но... Раньше мог, например, вскочить ночью от удачной строчки или слова, а теперь? Не-ет... Вообще, может быть, прозой заняться... Но сначала — кино!..

— Я Юрию Петровичу сказал: «Вы начали в сорок — и сделали. А я хочу в сорок два начать...»

— Когда у меня с Мариной началось, я много писал, а потом в первый раз поехал с ней — через Польшу, Германию. Начал тогда просто целую поэму... — он читает несколько строф, довольно много... Обрывает: — Ладно, тогда бросил... Теперь — уже не то...

— Мне рассказали: объявился какой-то... называет себя Жорж Окуджава. Во! И поет моим голосом — даже я не могу отличить! Но — хрен бы с ним — так поет-то с матом! Я никогда не позволяю себе матерщины в песнях!

(В бытовом разговоре он не церемонился, как и многие, впрочем.)

Я беру листок, там стих. Читаю, а он взалхлеб рассказывает, как будет идти песня. И если рассказ слушать, то стихи не поймешь, не вспомнишь. Я и запомнил тогда только первое четверостишие, да и то, как оказалось, не совсем точно:

Проскакали всю страну,
Да пристали кони.
Я во синем во Дону
Намочил ладони...

Теперь стихи опубликованы.

Сценарий был переписан полностью. От прежнего осталось несколько эпизодов, но соединить, да еще на скорую руку, два совершенно разных стиля мне, конечно, не удалось. Я быстро перепечатал эти полторы сотни страниц и отнес Володе.

Через день он сам позвонил мне и устроил чудовищный разнос. Кричал, что все это полная ..! Что я ничего не сделал! Что если я хочу делать т а к о е кино — пожалуйста! Но ему там делать нечего!

— Ты думаешь, если поставил мою фамилию, то уже и все?! — орал он.

Я не мог вставить в этот бешеный монолог ни слова. Его низкий, мощный голос рвал телефонную трубку и... душу. И я решил, что наша совместная работа на этом закончилась.

Проболтавшись по улицам пару часов в полном отчаянии, я доехал в метро до «Баррикадной» и позвонил ему из автомата. Приготовил слова, которые надо сказать, чтобы достойно распрощаться. Нечто вроде такого:

— Володя, ты можешь упрекать меня в неумении или в бездарности, но сказать, что в сценарии все осталось по-прежнему, — несправедливо. Ведь ты сам... и т.п.

Но когда он взял трубку, он ничего не дал мне сказать. Он опять выругался, а потом добавил совершенно спокойно:

— Будем работать по-другому. Сядешь у меня и будешь писать. Вместе будем. Сегодня. Машинка есть? Ты печатаешь? Вот и хорошо. Жду вечером.

Вечером все стало на свои места. Он сказал, что в сценарии много... но времени нет: надо отдавать, чтобы читало начальство.

— В Одессу посылать не будем, я сам поеду к Грошеву (главный редактор «Экрана»). Так двинем быстрее.

— Володя, чего тебе ездить? — предложил я. — Ты ему позвони, а я отвезу. За ответом поедешь сам.

Так и сделали. Грошев обещал прочитать к пятнице, через три дня, но Высоцкий перепутал, поехал к нему в четверг, и убедить его, что ехать рано, мне так и не удалось. В четверг я позвонил ему:

— Ну как?

— Никак! Я отказался от постановки, — мрачно заявил он мне в трубку. Я кинулся к нему.

Он лежал на тахте. Что-то бурчал телевизор, почти всегда у него включенный. Тут же сидел Сева Абдулов с рукой в гипсе, задранной к подбородку, еще кто-то, кажется, Иван Бортник. У всех вид такой, точно объелись слабительного. Я встал у стены.

— Ну что стоишь! — рявкнул Володя. — Снимай пальто! В общем, я отказался от постановки.

— Ты не спеши.

— Да что ты меня уговариваешь? Я приезжаю к этому Грошеву! Он, видите ли, за три дня не мог прочитать сценарий! Я, Высоцкий, мог, а он не мог, твою мать!

— Да он и не обещал...

— Да ладно тебе! И как он меня встретил: «Владимир Семенович, я вас прошу больше в таком виде не появляться!» В каком виде? Я-то трезвый, а он сам пьяный! И он мне такое говорит! М н е !!!

(К слову сказать, Володя действительно тогда не был пьян, но очень болен. А уж Грошев, конечно, тем более не был пьян.)

— Я ему стал рассказывать, как я хочу снимать, а он смотрит — и ему все, я вижу, до...

— Володя, — успеваю вставить я, — а чего ты ждешь?.. Но он сейчас слушает только себя.

— Больше я с этим ... телевидением дела иметь не хочу! Удавятся они! И сегодня на «Кинопанораму» не поеду! Пусть сами обходятся! Ничего, покрутятся!

И так он долго еще «вызверивался» и на запись «Кинопанорамы» действительно не поехал. По счастью, накануне его все-таки записали, и эта запись сохранилась.

После этого у Володи наступил какой-то длительный период тяжелой депрессии. Не зная его близко, я терялся в догадках. Часто звонил Севе, виделся с Валерием.

— У него бывало, но такое впервые, — говорили они мне.

Вот как он рассказывал об этой своей записи на «Кинопанораме»:

— Маринина мне говорит: «Владимир Семенович, я обо всем договорилась. Мы запишем, и будет полтора часа вашего концерта в эфире». Мне и раньше предлагали одну-две песни для каких-то программ, но я отказывался. На ... мне это! Если авторский вечер — да, а с отдельными номерами — нет...

Ну, сделали запись. Я час с лишним, как полный... выкладывался. А потом она подходит и говорит: «Владимир Семенович, вы не могли бы организовать звонок к Михал Андреичу Суслову?» Я аж взвился: «Да идите вы... Стану я звонить! Вы же сказали, что все разрешено?»

— Нет, но...

Вот эти два события, видеозапись и неудачный визит к Грошеву, я думаю, и вывели его из себя надолго. Конечно, были и другие причины, но о них я осведомлен плохо.

Понемногу он из этой своей депрессии выкарабкался, но его страшно мучила нога. Начался какой-то абсцесс, колена распухло так, что стало вдвое толще нормального. Ему делали несколько разрезов, загоняли какие-то турунды (так он рассказывал), но улучшения все не было.

— А мне в «Гамлете» на колени становиться! И на концерт выхожу — едва стою! — злился он.

На одном концерте я был. Поехали в больницу № 31 на Вернадского. Там что-то напутали, разминулись, и когда, наконец, мы разобрались и нашли Конференц-зал в подвале, там уже было битком народу. Мы трое, что были с ним, кое-как протиснулись, когда он уже начал выступление. Спел первую вещь, вторую, потом вдруг разволновался:

— Моих там устроили? — увидел нас и успокоился. — Ну, хорошо.

Пел много, больше обычного, и про ногу как будто и забыл. Среди ответов на записки мне запомнился такой:

— Вот записка: «Что думаете о наших бардах: Окуджава, Киме и... (назвали какое-то третье имя, которое я не знал и поэтому не запомнил), расскажите о них».

Он сказал, что с большим уважением относится к Окуджаве и Киму, к сожалению, они сейчас стали меньше работать в этом жанре. Окуджава, как вы знаете, пишет прозу, Ким закончил пьесу в стихах о «Фаусте», говорят, очень интересно. А третьего — он назвал фамилию — я не знаю, кто он такой. Но раз не знаю, то значит, наверное, и не надо. И он улыбнулся.

Запись этого выступления сохранилась, а текст можно уточнить, но за смысл ручаюсь.

Сценарий, конечно, Грошев прочитал. Володя к нему больше не пошел, но инцидент был как-то сам собой исчерпан, и надо было продолжать. Грошев перепоручил нас редактору Марине Моденовой. Мы договорились встретиться у Володи, чтобы «послушать замечания руководства» и вообще решить, как быть дальше.

Сели за стол. Володя стал рассказывать, я изредка поддакивал. Он умел быть невероятно обаятельным. Очень скоро дошло до баллады, которую мы решили вставить в картину. Она была написана для «Стрел Робин Гуда», но в картину не попала. И мне казалось, что она удивительно точно легла в начало сценария:

...Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф...

и т.д.

Он включил пленку и дал едва ли не полную мощь динамика. Это было здорово! И это был, наверное, сильнейший аргумент в споре, который (спор) сразу же потерял смысл. На этом чтение-рассказ вслух закончилось, и мы договорились: переделываем сценарий и сдаем.

Эту формальную работу по сведению концов с концами я проделал за три дня, да еще три дня ушло на перепечатку. Опять он звонил Грошеву, и я отвезил сценарий. Грошев же читать не стал, а сразу отдал директору «Экрана» Б.М. Хесину. Тот заболел, увез с собой сценарий.

А Володя уезжал в Париж. Опять ругался, но настроен был решительно.

— Я тебе буду звонить оттуда, узнавать, как дела.

— Ты не мне — ты лучше звони в «Экран» из Парижа.

Он звонил не мне, не в «Экран», а домой — выспрашивал, как дела. Дело с постановкой затягивалось, проходила весна — ответа не было. Володя интересовался, но сказать ему мне было нечего.

А тут снова возникла необходимость в песне для фильма «Мерседес уходит от погони». Володя уже вернулся из Парижа, я бывал у него, просил — он не отказывался, но и не торопился.

А потом наступил обычный в кино цейтнот.

— Для них ничего не хочу делать, — зло сказал Володя, — у меня в Киеве ни разу ничего не прошло.

Я уговаривал, обещал и клялся, что на этот раз ему дадут карт-бланш.

— Ладно, для тебя сделаю, — сдался, наконец, он.

Это была удача. Я постарался сделать все, что было в моих силах, и студия действительно прислала ему телеграмму, что берет его песню, так сказать, не глядя. (То есть не слушая и не утверждая, как это тогда было принято.) Копия телеграммы и сейчас у меня.

— Володя, ты получил телеграмму? — спрашивал я (а отправляли из Киева буквально под моим надзором: как бы чего не вышло).

Он же в ответ только матерился.

— Приезжай. Я нашел текст, покажу тебе.

Я, конечно, тут же приехал. Он был один. Дал мне написанный от руки текст, стал объяснять, какой порядок строф. Потом взял гитару:

— Садись, я покажу.

И, сначала вполголоса, а со второй строфы — уже «на полную катушку»:

Сбивают из досок столы во дворе.

Пока не накрыли, стучат в домино...

Пел он, поразительно точно акцентируя, так что песня просто «влезала» в душу, и что-то скребло, и комок застревал в горле, и слезы наворачивались на глаза:

А где-то солдатиков в сердце осколком,

осколком толкало,

А где-то разведчикам надо добыть «языка»...

Он закончил, положил гитару на диван.

— Ну что? Пойдет? — вдруг с каким-то недоверием спросил он и, не дождавшись ответа, принялся зачем-то с жаром доказывать, что это — как раз то, что нам надо. Да для меня это и так было очевидно!

— Сегодня вечером запишу, — пообещал он. А разговор происходил утром, и я забыл сказать, что встретил он меня только что не со сна.

— Запиши, Володенька, пожалуйста, а я узнаю, что с телеграммой. И скажи свои условия — я им отправлю.

— Условия такие: я хочу, чтобы меня считали автором не только текста, но и музыки, а то орут: не композитор, не композитор! Да при чем тут это? Моя песня, моя мелодия, а

инструментовка — не их дело. В общем, пусть платят и за музыку тоже!

Я понимал, что дело тут не только в оплате, что ему нужно утвердиться таким образом. И — поразительно! — студия приняла его условия! А телеграмму получили его соседи, оказывается, и отдали ему утром.

Вечером он позвал музыкантов и записал песню, записал несколько вариантов. Страшно жалко, что я не смог приехать тогда к нему на запись — не хватило режиссеру одного варианта. А может, и не в этом было дело.

Утром Володя показал мне пленку, мы прослушали немного. Опять, уже не в первый раз, под впечатлением прослушанного, я завел разговор о том, что нужно сделать все записи:

— И аппаратура у тебя хорошая, отчего бы не сделать?

— Нужно, нужно, — поусмехался он, — а то так забываешь многое. Хорошо — вот эту разыскал...

Он стал рассказывать, что однажды в больнице захотел написать повесть.

— Вон блокнот лежит, ткнул пальцем в блокнот на столике. Я взял, стал читать. Он принес чай и вдруг заорал страшно:

— Положи! — и тут же мягче: — Не люблю, когда рукописи читают.

— Прости, Володя, я думал, ты мне предложил почистить.

— Нет, — отрезал он.

Пили чай, болтали. Разговор пошел о «парижских русских».

— Да знаю я их всех, — сказал он. — Вижу со всеми. Володя Максимов сказал мне: «Приезжай сюда, чего ты!» А потом подумал и добавил: «Нет, твое место там, в России...»

Об Иосифе Бродском говорил с уважением и нежностью — да, с нежностью, это точно:

— Гениально!

И похвастался:

— Он мне книжку подарил...

Покопался и достал маленькую книжку стихов Бродского — авторское издание, кажется, лондонское, с автографом. Позже я узнал, что такую же книжку Бродский передал через Володю Михаилу Козакову. Но Володя прособирался отдать — так и не успел. Позже мы с Ниной Максимовной искали ее среди книг Володи — и не нашли.

Так же с восторгом отозвался он однажды о Шемякине. Рассказывал о выставке Шемякина где-то в Южной Америке, кажется в Бразилии. И альбом Шемякина всегда держал на видном месте.

Вообще о русских в эмиграции с грустью говорил, что у них там начинается своя, другая жизнь, свои отношения.

— Все уже не то...

О Галиче:

— А-а, «Тонечка»!.. «Останкино, где «Титан»-кино»... Когда вышла его книжка в «Посеве», кажется, — он еще здесь был — там было написано, что он сидел в лагере. И он ведь не давал опровержения. Я его спрашивал: «А зачем вам это?» Он только смеялся.

О А. И. Солженицыне:

Несколько раз вспоминал при мне и каждый раз — с огромным уважением:

— Он один сотряс такую махину, которая казалась вечной.

— Сидит там, пишет. Ростропович сказал, что он готовит сразу шесть романов. Вот врежет!

— «Архипелаг» — гениальная вещь!

Я восторженно отзывался о прочитанных «Зияющих высотах» Зиновьева. Он сдержанно сказал, что читал, но как-то особого энтузиазма я не почувствовал. Скорее всего, ему не очень понравилось. А, может быть, и не читал?

Довольно живо интересовался, кто что делает из режиссеров в кино. Думаю, он почти ничего не видел на экране, только по телевизору. А вот телевизор был включен почти постоянно — со звуком или без. А он разговаривал, потом сразу вдруг:

— Погоди! — и, добавляя звук, что-то смотрел и слушал. Однажды шла картина с Леонидом Быковым — кажется, его же «В бой идут одни «старики», а может быть, что-то из старых, не помню. Он смотрел внимательно, потом восхитился:

— Какая органика! Потрясающе!

Я рассказал ему, что знал о подробностях гибели Быкова, он совсем незадолго до того погиб, разбился на машине.

Более того, Володя даже не видел «Маленьких трагедий», последней своей картины.

— Ну, «Каменного гостя» я еще видел на озвучании, — сказал он, когда я звал его на премьеру. Сказал, как будто оправдывался: что можно понять на тонировке?

— Во, видал, что делают, а? — встретил он меня однажды, размахивая свежим номером «Литгазеты». — И сколько раз так было! Берут мои песни, делают рассказ... Да черт с ними, не жалко!

Речь шла о каком-то рассказике на 16-й полосе газеты, построенном на сюжете его песни «Товарищи ученые!»

Прихлебывая горячий чай, вдруг сказал:

— Про меня мужики говорили: «Вон — ездит на «Мерседесе», а про нас все понимает».

— Вот эти зарубежные певцы... Черт-те о чем поют. Переведи их — слушать нечего! Я этого никогда не мог понять.

Прослушав свою запись «Песни о конце войны», где у него не все сразу ладилось, ребята-музыканты ошибались, он усмехнулся:

— Говорят, у меня примитивная мелодия. А не все так просто, а? — И вопросительное выражение лица. И снова что-то вроде неуверенности, жадного ожидания подтверждения, что все так...

— Бывает, что и месяц ничего не делаю, а вот в Мексике я вдруг начал писать!.. Такой маленький городишко, провинция. И так из меня полезло... Прямо — Болдинская осень! — и улыбнулся смущенно. — Меня хорошо принимали в Америке. Там писали, что после Есенина больше никого так из русских поэтов не принимали... Видно, что ему нравилось сравнение с Есениным.

К сожалению, «Песня о конце войны» в фильм не попала, ну, это отдельная история, и ей здесь не место.

Володя разозлился, считая, вероятно, что я виноват. А так как дело с «Зеленым фургоном» затягивалось, я не стал ему попусту надоедать.

Театр уехал на гастроли в Польшу. Потом Володя поехал в Париж. Наконец, стало известно, что главное решено: его готовы утвердить режиссером. Он вернулся, я позвонил ему и сказал, что он утвержден.

— Нет, ты скажи, что они утвердили? Сценарий или меня как режиссера? — допытывался он.

— Сценарий-то как раз требует доработки, а тебя утвердили. Так и стоит в плане «Экрана»: «Режиссер В. Высоцкий».

Не дожидаясь утверждения, я послал на Одесскую студию заявление, в котором просил считать режиссера-постановщика В. Высоцкого полноправным соавтором сценария и просил перезаключить договор. (Ответа пока, сегодня, когда я это пишу — 18 августа 1980 года, не последовало.)

Он был удовлетворен, но особого энтузиазма не высказал. Просил разыскать его через несколько дней, когда он вернется в Москву из какой-то поездки. Когда он вернулся, я несколько раз звонил, но встречи не получалось — все что-то мешало.

— Знаешь, я, наверное, откажусь снимать картину, — вдруг сказал он мне по телефону.

— Почему?

— Да не дадут они снять то, что мы хотели! Если такая... тянется со сценарием полгода, то что же будет дальше?!

Я надеялся, что это у него минутное настроение, но:

— Да брось ты! — ответил он. — Что я, мальчик?! Я серьезно обдумал... В общем, приезжай, поговорим. Решим, как быть.

Здесь стоит сказать несколько слов о том, как он замыслил снимать картину. Владимир говорил, что набрался немного опыта на съемках «Эры милосердия», когда Станислав Говорухин уезжал за границу. Но он строил вполне по тем временам невероятные планы. Например, мы фантазировали, как будем снимать не один, а сразу два варианта фильма: один — «для них», то есть для «Экрана», а другой — настоящий.

— А пленка?

— Пленку даст Улька, — отвечал он, не задумываясь.

Улька (Ульрих) — муж Л. Максаковой, с ними Володя дружил, хотел снимать и Людмилу. Когда я пытался понять, как он собирается торчать в Одессе полгода-год, когда нужно будет снимать и готовиться, он отвечал как-то неопределенно: Вероятно, был убежден, что сможет налетами появляться в группе, задавать должную инерцию, а уж потом все будет идти без него до следующего налета. Пригласил однажды Юру Клименко, выдающегося оператора, и довольно долго мы говорили о фильме.

Как-то стали подбирать актеров. Сразу же прозвучало имя Ивана Бортника. Сам Володя собирался играть Красавчика. Я заметил ему, что он староват для этой роли. Вот если бы он выглядел так, как на фотографии Плотникова... (На той серии, где он с Мариной, с Говорухиным.)

— Чепуха! Только заняться собой немного — и сразу же буду таким, — уверенно сказал он.

Появилось имя Николая Губенко. При этом имени, помнится, у Володи стало какое-то удивительно доброе лицо, и он сказал:

— Да-а-а, вот актер! Коля, если бы был, это гениально!

Почему-то он мечтал снимать не в Одессе, а поселиться и жить в Санжейке — там море, пляж, тишина. С этой Сан-

жейкой у него были связаны какие-то хорошие воспоминания.

Однажды мы остались одни — Володя улегся на диване и вдруг стал говорить о том, что стоит снимать фильм и в Болгарии, на побережье. Далее следовала какая-то совсем уж невероятная история о кладе, спрятанном отступившей Белой армией. Он знает, где спрятан клад, — там огромные богатства. Вот если бы его найти...

Я приехал к нему утром 18 июля, в канун открытия Олимпиады в Москве и в день его последнего «Гамлета». Он открыл дверь, улыбнулся — очень характерная ироническая полуусмешка-полуулыбка.

— Заходи. А ты похудел.

— Да ты что-то тоже осунулся, Володя.

Все время приходили и уходили друзья, все вокруг него двигалось, жило. Возникали и гасли какие-то темы, большинство из которых были мне незнакомы и непонятны.

Особенно живо реагировал он на какие-то неприятности, случившиеся у одного из самых близких его друзей — Вадима Туманова. Стал мне пересказывать подробности, злился и хохотал одновременно. Он судорожно соображал, кому может позвонить, чтобы вмешаться, помочь, и страшно сожалел, что нет уже генерала Крылова, с которым Володя дружил. Генерал Крылов, начальник академии МВД, незадолго перед тем застрелился. Кажется, у себя в кабинете. Эта смерть, помню, сильно ударила Володю.

Понемногу все разошлись, мы остались вдвоем.

— Пошли чай пить, — потащил он меня на кухню. — Мне мед прислали, настоящий...

— Не буду я снимать это кино, — сказал он мне на кухне. — Все равно не дадут сделать то, что мы хотели. Если уж сценарий так мурыжат, то будут смотреть каждый метр материала.

Сказать по правде, я уже был готов к такому разговору.

— Володя, ты уверен, что твердо решил?

— Что ж я, мальчик? — снова повторил он. — Они, суки, почти год резину тянут. Я ушел из театра, договорился...

— Да обычная история в кино, Володя.

— А мне что из того, что обычная? Так дела не делают!

— Да. Ты, наверное, прав, — я предпочел не настаивать, это было бесполезно.

— Надо нам поискать режиссера, — успокоился он. — Может быть, Юра Хилькевич?

— Да он что-то начинает делать сейчас. Ладно, Володя, о режиссере потом. Уговаривать тебя я не могу и не буду, но мне жалко. Могло быть хорошее кино.

Он подумал и вдруг сказал:

— А вообще-то мне нужно снимать картину. Вот Вайнеры напишут продолжение за меня... Может быть, мне и ставить?

— Ты все продумай. Если ты сейчас безмотивно откажешься — все! Больше ты у них никогда ничего не получишь. Скажут: «Высоцкий? — Несерьезно».

— Да? Ты прав. В общем, поедешь в Одессу, про меня пока определенно не говори.

— И не собираюсь. Это уж вовсе твое дело. Только ты подумай все же...

— Не хочу сейчас кино. Хочу попробовать писать прозу. Потом — Любимов говорит о «Борисе Годунове»...

— Пушкинском?

— Пушкин, Карамзин — монтаж такой...

Больше он о работе не говорил. Потирая рукой правую сторону груди, вдруг стал ругаться, что у него пропали несколько бобин с записями...

— Готовая пластинка! Мне «Мелодия» предлагает делать диск, а делать нечего! Это я во Франции записывал, а они меня надуть хотели. Коммунистическая фирма, мать их так!

Дальше — калейдоскоп, из которого складывалась наша застольная болтовня, — он все подливал и подливал чай. В таком виде и постараюсь восстановить отдельные высказывания, потому что та встреча была последней.

— Аксенов уезжает, — сказал я.

— Да? Когда?

— Завтра. (Я ошибся — Аксенов уезжал через несколько дней, но тогда я не знал об этом).

— Жалко.

— Тебе-то все же полегче, — заметил я, — ты можешь с ним видаться и там.

Он поморщился.

— Я не о том. Жалко — отсюда уезжает. А там — все не то. Ему здесь надо бы...

Он собирался в Париж.

— Ты часто можешь ездить?

— Пока да.

— А по положению?

— Вообще-то раз в год, но Марина мне исхлопотала так. Пока дают, а дальше...

— У нее прочное положение?

Он махнул рукой, усмехнулся:

— Это сначала она: «Россия, Родина!...» Ностальгия... Но — быстро все поняла. Теперь в Обществе «СССР — Франция» не бывает вообще, а у меня с «ними» — и говорить нечего!

Напомнил свое «начало»:

— Я тоже сначала учился в строительном — в МИСИ... Лекция — а я сижу, стихи пишу. Много писал... Ну, со второго курса ушел, поступил в Студию МХАТ.

О русских эмигрантах сказал:

— Конечно, трудно. Мне рассказали о Панове. Он делал «Идиота» в балете. Шум, сенсация, в зале — битком. Успех невероятный! А на следующий спектакль пришло несколько человек. Думаешь, плохой спектакль? Да нет! Просто мало ценителей — вот и все.

Я рассказал о своем друге Юре Соколе, уехавшем в Австралию.

Володя знал его.

— Там я не был, — улыбнулся он. — А там ведь много русских. — И вспомнил: — Я просил визу в Новую Зеландию. Это в Париже было. А они мне: «Надо жить в Париже

два месяца, тогда — можно». Вроде как у нас, во! Чем меньше страна, тем больше бюрократии.

О концерте в Калининграде (последнем, как оказалось, в его жизни) вспоминал очень недобро:

— Они меня везли в машине, и баба оборачивается и спрашивает: «Владимир Семенович, а правда, что...» Правильно сказал Валера *Янклович*: это все равно что лезть в личную жизнь.

Я согласился. Он страшно не любил, кажется, когда лезли в его личную жизнь. С ненавистью говорил о каких-то девках, которые его «достали», особенно об одной, преследующей его даже дома. И тут же презрительно отозвался о врачах:

— Советы один другого стоят! Они же не лечат меня, падлы, а только чтобы сказать: «Я лечил Высоцкого!»

Похвалился, что сделал две песни для картины, которую снимает Гена Полока, а потом вдруг сказал:

— Я откажусь у него сниматься.

— С чего?

— Не нужно мне.

— Не отказывайся. У Полоки тяжелое положение — недавно умерла мать...

— Я знаю.

— Он давно не снимал, ему обязательно надо выкарабкаться, а ты его отказом — топишь!

Он помрачнел, сказал:

— Да? Ладно, посмотрим.

Когда он заговорил о пропаже катушек с записями, я возмутился, снова сказал, как уж говорил не раз:

— Это, Володя, типичное русское разгильдяйство. Хорошо, вон, Галич перед отъездом хоть как-то напел, а так — что бы осталось? Если тебе нужна помощь в собирании твоих вещей, в редактировании и т.п., я готов помочь. Редактор я грамотный.

— Грамотный, — повторил он и вдруг вскочил: — А надо, надо! А то валяется черт знает где! Вот я вчера вдруг разыскал...

Он сбегал в комнату, принес листок и стал читать.

— И уже не помню, когда писал, где... Нет, надо собрать все!

— Словом, Володя, можешь на меня рассчитывать, — повторил я.

— Спасибо, — он очень добро улыбнулся.

...И так мы пили чай на кухне и болтали. Он был тих, улыбался, все потирал правую сторону груди, как бы массируя, и потом стал нетерпеливо поглядывать на дверь.

— Ну, я пойду наверх, — наконец поднялся он. — Вечером спектакль, а сейчас — туда... Пойдешь?

Я отказался.

— Ладно, — он не настаивал. — В общем, как договорились. Я возвращаюсь из Парижа, а ты — из Одессы. Звони — расскажешь, как и что...

Я вспомнил сейчас, перепечатывая текст, как однажды ночью, когда он появился в кабинете, где я сидел за столом, я весьма бестактно сказал ему, что надо собрать все, что он сделал. Все мы смертны, сказал я, и я, например, совершенно не представляю тебя, Володя, скажем, 60-летним.

Он посмотрел как-то странно и ничего не ответил.

Август 1980 — май 1989

Лев ДЕЛЮСИН

— *Лев Петрович, вы были членом художественного совета Театра на Таганке в самые «горячие» для театра годы. А как вы познакомились с Юрием Петровичем Любимовым?*

— Познакомились мы с Юрием Петровичем через художника Юрия Васильева. Готовился спектакль к очередной годовщине Победы «Павшие и живые», и оформлял его Юра. Помните, настоящий Вечный огонь — его придумал Васильев: потом этот огонь стал «гулять» по сценам других теат-

ров. А со спектаклем — как часто бывало на Таганке — началась не очень приятная история. Бюрократы усмотрели в нем антисоветчину, и надо было обсуждать: что делать, чем помочь...

А Юра Васильев надеялся, что я смогу каким-то образом использовать свои связи в ЦК... (Л.П. Делюсин — ученый-китаист с мировым именем — несколько лет работал в международном отделе ЦК КПСС, который в то время возглавлял Ю.В. Андропов. — В.П.) Да, я должен сказать, что особенность моего шефа была в том, что он не любил ввязываться в дела, которые шли не по его ведомству, и мы об этом знали. Но какая-то надежда была, что удастся его уговорить.

Прежде чем обратиться к Андропову, мы решили встретиться с Любимовым — познакомиться и поговорить. Инициатором был Юра Васильев, встреча состоялась, и было это в конце 64-го или в самом начале 65-го. Точно помню, что сразу после снятия Н.С. Хрущева. А я уже побывал на спектакле «Десять дней, которые потрясли мир», и он мне очень понравился. Мы собрали такой «консилиум»: Бовин, Арбагов, Бурлацкий и я — сидели и обсуждали с Любимовым, как спасать спектакль «Павшие и живые». Были разные предложения: что-то Юрий Петрович принимал, с чем-то спорил... Как-то так получилось, что я занимал позицию, близкую Любимову, и мы как-то сразу сблизились.

Потом меня ввели в состав художественного совета... Вы знаете, конечно, что почти каждый спектакль приходилось пробивать, каждый спектакль выходил с осложнениями. Все непривычное воспринималось как какой-то враждебный жест в сторону Кремля, в сторону Советской власти. Особенно остро реагировала «шпана» от культуры — сначала Фурцева, потом Демичев, были еще такие — Попов, Воронцов, Дымшиц. А мы — в силу наших возможностей помогать — помогали: передавали письма, которые Любимов писал Андропову и Брежневу. Теперь его за эти письма ругают, но ведь тогда другой возможности вмешаться в ход событий просто не было.

— *А какие отношения были у Юрия Васильева и Владимира Высоцкого?*

— Я точно не знаю, но особой близости не было. Взаимная симпатия — да, но у них были совершенно разные жизни. Да, вспомнил любопытный эпизод: когда Юрий Петрович собирался ставить спектакль «Жизнь Галилея», он хотел пригласить Юру Васильева на главную роль. И Юра начал репетировать Галилея. Но с его привычками работать и отдыхать, когда захочется, а также выпить и загулять — это было трудно. В театре регулярная работа — репетиции почти каждый день. Так что после нескольких попыток Юра плюнул на это дело и сказал, что такой дисциплины он не выдержит. И тогда Володя Высоцкий выложил на полную катушку. У меня были дружеские отношения с Володей, но сказать, что мы были друзьями, я не могу.

— *Но я знаю, что Высоцкий бывал в вашем доме.*

— Да, он любил бывать у нас. Однажды он приехал после спектакля, приехал вместе с Любимовым и Борисом Можаяевым. Я вижу, что он очень устал:

— Володя, спектакль был очень тяжелый. Может быть, ты просто посидишь с нами...

— Нет, Лев Петрович, я же специально гитару взял с собой.

— *Не записывали?*

— Нет, записывал. У нас аппаратура, конечно, была несовершенная, но записывал. Вот Шемякин выпустил прекрасный альбом из семи пластинок — он же все делал на современной технике. Наши записи не идут ни в какое сравнение. (Записи датированы — 8 сентября 1968 г., 30 сентября 1969 г., 10 декабря 1972 г., 23 октября 1973 г., 25 октября 1977 г.)

— *Но любая запись Высоцкого теперь вызывает интерес, тем более «домашние» концерты...*

— Конечно! Мы и Булата Окуджаву записывали тоже у нас дома. Записывали на старом магнитофоне — еще с катушками. Одну катушку мне перезаписали на японскую кассету, а другие пока нет. Все руки как-то не доходят.

— Лев Петрович, а почему, чтобы помочь Таганке, приходилось обращаться прямо к Брежневу?

— А система ведь была такая — пусть не полностью, но почти монархической, и от Брежнева зависело очень многое. Кивок головы в ту или иную сторону — это оправдывало почти все. Положим, спектакль Евтушенко «Под кожей статуи Свободы» вышел только благодаря Брежневу, который сказал: «А почему нет?!» И Министерство культуры во главе с Демичевым — вся эта шпана (я видел их вблизи и знаю, что это за люди), так вот, эта шпана почти всегда была против.

Хотя, по существу, каждое честное слово, сказанное со сцены Таганки, как бы подкрепляло все постановления, принятые ЦК, съездами и т.д. Но в этом и была особенность нашей системы, когда заявляется одно, а делается совершенно другое. Например, человека призывают быть честным — в «Моральном кодексе строителя коммунизма» — и он говорит что-то действительно честное, а за это получает оплеуху.

Ведь были люди, которые верили. Брежнев говорит: интеллигенция должна играть более важную роль в государстве. И интеллигенция всерьез воспринимает эти слова. А на самом деле — все наоборот. При Советской власти все решал чиновник, причем чиновник никогда не считался и не был на самом деле интеллигентом. Даже если чиновник получал высшее образование, он очень обижался, когда его называли интеллигентом. Потому что, как говорил один мой хороший знакомый, «у этих людей было высшее образование, но начального не было».

— А в случае с «Павшими и живыми» вам и вашим друзьям удалось помочь Таганке?

— Да. Итак, мы собрались и решили помочь Юрию Петровичу. Была организована такая цепочка, по которой письма передавались на самый верх — под светлые очи царя. А Фурцева и Демичев все никак не могли понять, каким образом, минуя аппарат, минуя их (!), письма попадали к «самому». Но должен сказать, что эта поддержка Брежнева, которую получала Таганка, не была систематической.

Это была поддержка по капризу: сегодня он так решил — спектакль выходит, а завтра — кто знает. Иногда, несмотря даже на указания Брежнева «Разрешить!», чиновники продолжали гнуть свою линию.

Вспомним историю с запрещением «Кузькина» (спектакль «Из жизни Федора Кузькина»). Это был блестящий спектакль! Когда мы посмотрели прогон, то были просто ошеломлены. Сочетание юмора Бориса Андреевича Можая и режиссерской изобретательности Юрия Петровича Любимова дало великолепный результат. Я считаю, что тогда это был лучший спектакль Театра на Таганке. А его запретили. И главную роль сыграли чиновники от культуры. Ну, это история известная...

— Скажите, Лев Петрович, а была телеграмма Брежнева Любимову: «...Продолжайте работать». Я, правда, не знаю, по поводу какого спектакля...

— Телеграммы не было. Но — сейчас уже об этом можно говорить и даже называть фамилии — нам очень помог такой Самотейкин, он тогда работал в аппарате Брежнева. Он выжидал удобный момент, когда шеф был в хорошем настроении, и отдавал ему письма. И Брежнев реагировал: «А почему этот спектакль запрещают?!»

— Неужели не было ни одного спектакля, который выходил бы сразу — без замечаний, поправок и писем «на самый верх»?

— Нет, иногда происходили вещи довольно странные. Спектакль «Мастер и Маргарита» был разрешен без всякого обращения к властям. Потому что для них, как говорил тогда Юрий Карякин, это было «как на санскрите». Просто чиновники ничего не поняли. Единственное, к чему они придрались, в первом варианте начало спектакля было такое: Губенко входит в зал, садится, а потом появляются товарищи в штатском — все в одинаковых серых пальто — и опечатывают двери зала. Эту сцену Юрий Петрович снял, потому что она очень уж шокировала органы...

А органы все время наблюдали, все фиксировали — вплоть до реакции зрителей: в каких местах смеются, в каких аплодируют. Один из чекистов случайно оставил в зале свой блокнот: там были зафиксированы все острые места спектакля и как на это реагируют зрители. Но интеллигенция — точнее, лучшая ее часть, которая собиралась вокруг Театра на Таганке, не очень обращала на это внимание. В общем, театр всегда чувствовал поддержку.

— *А как проходили заседания художественного совета Таганки?*

— Обычно это происходило таким образом. Мы смотрели спектакль, а чаще — прогон или генеральную репетицию, и потом поднимались в верхнее фойе. Любимов предлагал всем высказаться. Обсуждение было совершенно свободным, мнения высказывались самые разные. Иногда Юрий Петрович спорил, с чем-то не соглашался, но всех выслушивал до конца. А у него же память великолепная, он улавливал все нюансы, все мнения запоминал. И, в конце концов, все решал он сам: что принять, а что отвергнуть... Глаз художника ведь — не глаз зрителя, пусть самого квалифицированного. Любимов видел спектакль и из зала, и изнутри.

К этому времени мы с Юрием Петровичем подружились и общались практически каждый день. Особенно когда готовился новый спектакль, постоянно обсуждалось — какие вещи надо предпринять, чтобы спектакль вышел... Да и жили мы тогда рядом — пять минут ходьбы — встречались то у него, то у меня.

— *С Высоцким вы тогда уже общались?*

— Да, мы начали общаться тогда же, в театре. Актеры — народ чуткий, они же видели отношение Юрия Петровича ко мне, и — так получилось — любовь и уважение к Любимову отчасти перешли и на меня. По-моему, некоторые актеры преувеличивали мое влияние на Юрия Петровича и обращались ко мне с просьбами, которые я выполнить не мог.

— *Отношения Высоцкого и Любимова?*

— На эту тему говорят самое разное. Но в серьезные моменты была взаимная поддержка. Они и спорили, и ссорились, и даже ругались иногда, но взаимное уважение оставалось всегда. Был один случай, который я очень хорошо помню. Директором Таганки назначили тогда некоего Когана, который возомнил себя самым главным человеком в театре. Труппа собиралась на гастроли в ГДР, а Юрий Петрович в это время был в Италии — ставил оперу Луиджи Нонно «Под жарким солнцем любви». И вот Володя звонит мне: «Лев Петрович, могу я приехать? Есть серьезный разговор».

И он приехал ко мне вместе с Иваном Бортником, и они предложили мне «нажать» на Юрия Петровича. Они считали, что Любимов должен приехать в Берлин. Чтобы не Коган представлял Таганку в ГДР, а главный режиссер Юрий Петрович Любимов. А он занят в Милане. Что делать? У Володи были хорошие связи на международном переговорном пункте, и он прямо из моей квартиры дозвонился до Милана. Там нашли Юрия Петровича, и мне удалось убедить его приехать в Берлин. Высоцкий был тогда очень мне благодарен за этот разговор.

Еще я помню встречу с Высоцким и Любимовым по поводу фильма «Зеленый фургон», который Володя собирался ставить на Одесской киностудии. Это, вероятно, конец 1979-го года или начало 1980-го. Тогда Высоцкий формально ушел из театра, и, наверное, ему было неудобно встречаться с Любимовым один на один. Поэтому Володя попросил меня устроить эту встречу. Я помню, что они сидели у меня дома и обсуждали возможность какой-то помощи со стороны Юрия Петровича. Я видел, с каким уважением Володя относился к Любимову. И тот факт, что Высоцкий попросил помощи в новой для себя режиссерской работе, говорит о том, что он не совсем был уверен в себе. И Юрий Петрович действительно обещал помочь, то есть проконсультировать Володю. Хотя трудно представить, как можно проконсультировать режиссера, который будет работать в Одессе...

Володя еще несколько раз бывал у нас дома, но повторяю, что я не могу похвалиться, будто мы были друзьями.

У него была своя среда обитания, а у меня — свой круг. Да и разница в возрасте, конечно, сказывалась.

— *В других местах вы встречались с Высоцким?*

— Несколько раз это были встречи у Любимова. А один раз произошел очень интересный выход Володи к академику Капице. Петр Леонидович Капица — величайший физик современности — очень любил Таганку. И он попросил однажды Юрия Петровича: не мог бы Володя приехать к нему домой. У Капицы был свой коттедж в английском стиле, и он собрал там маститых академиков — нынешних и будущих нобелевских лауреатов. Мы с женой тоже были приглашены. Володя пел. Это было очень интересно, потому что собрались люди, в общем, далекие от искусства, — физики, химики, математики. И этим солидным людям Володя поет свои песни, в том числе и так называемые блатные. И академики были в восторге! А Капице Высоцкий был интересен не только как актер, певец и поэт — но и как явление нашей фантастической жизни. Это была наша жизнь — может быть, дурацкая, может быть, прекрасная. Одни говорят — счастливая жизнь, другие — проклятая, но это было наше время, в котором мы жили и от которого уйти не могли.

— *А как вы думаете, в чем тайна Высоцкого?*

— Недавно, 30 сентября 1995 года был день рождения Любимова, и в театре показывали спектакль «Владимир Высоцкий». В зале было много молодежи, и я боялся, что те ассоциации, которые рождены определенным конкретным временем, будут непонятны молодым людям. Но эта молодая публика все понимала и все воспринимала. Меня это поразило. А ведь эти молодые люди не все уже знают, кто такой Брежнев. Другие же знали, да забыли. Тем не менее, когда Шаповалов имитирует голос «дорогого Леонида Ильича», то публика вспоминает и реагирует. И главное, в некоторых песнях Высоцкий отталкивается, казалось бы, от какой-то конкретной темы, от какого-то конкретного случая, но в каждой из них есть философское обобщение. Может быть, это особенность России, ведь философии, как науки, в советское

время у нас практически не было. Мамордошвили, Карякин, Эрик Соловьев — и все. А остальные — Митин, Федосеев, Ильичев и другие — это же просто полуграмотные люди.

Настоящая философия ушла в поэзию: стихи Вознесенского и Ахмадулиной, песни Окуджавы и Высоцкого воспринимаются не только как поэтические произведения, а как произведения, насыщенные социальным и философским содержанием. Повторю, что Высоцкий — поэт-философ, и, может быть, в этом его тайна.

*Москва — Пятигорск,
октябрь 1995 года — май 2002 года*

Леонид
ФИЛАТОВ

Впервые я увидел Высоцкого в 1969 году. К встрече был подготовлен разговорами о нем и записями песен. По записям было впечатление физической мощи.

Увидев и узнав Высоцкого ближе, я ни секунды не был разочарован, хотя он был нормального роста и телосложения. Быстрый, мобильный, мощный! В течение спектакля у него бывали огромные чисто физические нагрузки. Особенно в «Гамлете».

В Высоцком ощущалось что-то особенное — магнетизм? магнето? — но эта энергия чувствовалась в голосе, в разговоре, даже во взгляде. Когда Владимир начинал говорить, все прислушивались. Так выговаривал, что на шесть-восемь метров было слышно, даже если вокруг было много людей. Но это «нечто» не давило, в общении он был достаточно чутким и даже нежным.

Сложный человек... Дружить с ним, наверное, было не легко, он был трудным в человеческой притирке. Если Владимир не хотел контактов, то бывал безоговорочен и даже жесток. В работе, в товариществе точно понимал и прини-

мал другого. Мы были в замечательных товарищеских отношениях, случалось, что иногда писали вместе тексты к каким-то нашим театральным событиям.

В своей работе Владимир был независим от традиций и устоявшихся форм — как в театре, так и в песне, — а для этого всегда нужно мужество. А еще был независим от слухов и сплетен, которых было громадное количество. Сейчас мы ищем аналогов, а такого явления, как Высоцкий, просто раньше не было. Все, что он сделал, настолько впервые, что к его творчеству и к его жизни нужны какие-то новые подходы. Нужен анализ именно на уровне явления. И подводить его под какие-то наши стереотипы, я думаю, не стоит.

Его песни — это особый сорт поэзии: во что выплавлялся в сердце звук, где-то услышанный, мы знаем, но как это происходило?! Еще раз скажу: мы были свидетелями некоего феноменального явления «Владимир Высоцкий».

Он все больше и больше обретал свободы в актерстве. Очень хотел играть Гамлета и безумно боялся. В последний год его Гамлет был негромким: все было внутри — он вел спектакль властно и нежно.

А когда Владимир тратился в концертах, то хотелось как-то его «притишить»: можешь потише, поменьше — нам и так интересно.

Приоритет Владимира в театре был абсолютен — и никто не был против. И была слава, в самом полном значении этого слова.

Омск, сентябрь 1983 года

Ирина
ШУГУНОВА

Я познакомилась с Высоцким, скорее всего, в 1975 году, на вечере у Гали Хелемской. Я приехала со сценаристом Вадимом Труниным. Так получилось, что в той компании

я была самой младшей... Сколько же лет мне было тогда? Страшно вспомнить — совсем девочка...

У Гали Хелемской был тогда «салон» — столько знаменитостей! Я сидела совсем ошалелая: только успевала узнавать «кто есть кто»... Высоцкий приехал поздно. Послышалось: «Высоцкий... Высоцкий...» А у меня уже столько впечатлений, что я почти не обратила на него внимания. Потом Высоцкий пел в маленькой комнате... В самом конце — я на кухне мыла посуду — подошел ко мне:

— Можно я вас подвезу домой?

— Нет, спасибо. Меня отвезет Вадим.

Потом в течение примерно полугода в разных домах мне говорили, что Высоцкий спрашивал мой телефон... Конечно, он узнал его, в конце концов... И вот мы с Тamarой — это моя подруга — приехали к нему в гости. Сидели, пили чай, разговаривали... И вдруг Володя говорит:

— Хотите я вам спою?

Когда он пошел за гитарой, Томка говорит:

— Всю жизнь буду рассказывать детям, что Высоцкий пел для меня!

Володя вернулся с гитарой.

— А что вам спеть?

И я — о святая простота! — отвечаю:

— Я очень люблю Пастернака. Вы знаете «Свеча горела на столе»?

— Да, знаю.

И спел! Потом он пел свои песни, потом Тамара пошла спать, а мы всю ночь проговорили... Вернее, рассказывала я: о себе, о своих знакомых, о своей жизни, о жизни людей, которых я хорошо знала... А Володя в основном слушал. Я видела, что все это ему интересно...

А потом, уже после Володиной смерти, я почти все это прочитала в неоконченном «Романе о девочках»... Дело было так.

Мне позвонила подруга:

— Ты читала прозу Высоцкого? Нет? А у тебя было так?

А это?

И начала читать... И вдруг я начала узнавать те мои ночные рассказы... Меня это потрясло!

А с той встречи началось наше общение... Года два мы общались очень близко, встречались очень часто. Разумеется, за исключением тех периодов, когда Володя был в поездках или в Москве была Марина. И это время — большие компании на Малой Грузинской, наши долгие разговоры — это мои университеты... В общем, я воспитана на этом.

В том же 1975 году Вадим Туманов устроил меня работать в бассейн «Москва» секретаршей Будкевича. Володя иногда появлялся в бассейне, привозил Марину в сауну. Помню, что я печатала какие-то стихи с его рукописей... Нет, ничего не сохранилось: ни рукописей, ни копий...

Тогда я посмотрела почти все спектакли с Володиным участием. «Гамлет» смотрела раз пять, не меньше. Я тогда многого не понимала... А потом никак не могла представить шекспировского Гамлета в джинсах, которые я подшивала...

Кстати, шмоток у Володи было огромное количество. Он мне однажды признался:

— Вот уже сколько раз езжу за границу и никак не могу избавиться от нашей ненормальной «покупательной способности»...

Я сейчас понимаю, что у Володи были только очень хорошие, дорогие вещи. Рассказал мне такой случай:

— В Париже в двух магазинах стоят совершенно одинаковые туфли: в первом — за двадцать франков, во втором — за сто. Покупаю за двадцать. Через неделю они развалились. С тех пор я не покупал вещи в дешевых магазинах.

Рассказы? Вернулся из США и всю ночь рассказывал мне про Америку. Она произвела на Володю громадное впечатление, особенно потрясла его медицина. Он рассказывал про одноразовое белье, про медицинскую аппаратуру... Говорил, что Европа отстала лет на десять, а мы... Показывал всем сердечный клапан, который привез из Америки.

Вечер. У Володи на Малой Грузинской много народу. Слушали его записи. А мне тогда очень нравилась «Лирическая» («Здесь лапы у елей...»). Начинается эта песня, и кто-то хотел прокрутить пленку. Володя говорит:

— Нет-нет... Пусть будет эта песня.

И ко мне:

— Это же я тебе написал. Это твое.

А после смерти Володи читаю его сборник и вижу посвящение Марине... Я понимаю, что песня написана до нашего знакомства, что она и не могла быть посвящена мне... Но такой эпизод был.

А потом я стала «Ирухой-сеструхой», мы виделись очень редко. Однажды Володя привез в бассейн Ксюшу. Познакомил нас. Я очень обиделась...

И последняя встреча... Это был конец июня или начало июля 1980 года. Мне позвонил Сева Абдулов... Володя хотел, чтобы я приехала. Я приехала, они сидели у Нисанова. Я давно не видела Володю, он выглядел просто ужасно. Пришел Толя Федотов, принес ключи, мы спустились в Володину квартиру... А до этого он «выбивал» мне кооперативную квартиру. Спросил:

— Ну, как с квартирой — все в порядке?

— Все в порядке, но у меня нет денег...

Володя открыл ящик:

— Возьми сколько тебе надо.

24 июля в пять тридцать вечера Володя позвонил сам. Снова просил приехать. Приехать я не смогла. Утром 25 июля звонит Вадим Туманов:

— Высоккий умер.

В 11 часов я позвонила на Малую Грузинскую. Трубку взял Любимов. Я попросила Янкловича:

— Валера, я могу приехать?

— Лучше не надо.

Я попрощалась с Володей только на похоронах.

Москва, январь 1990

Наталья
ПАНИНА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Мне очень хочется рассказать об одном дне из моей жизни. Как он запомнился, если извлечь его сейчас откуда-то из сладких и темных недр памяти, где лежат неприкосновенно у каждого запасы счастья. Никому и нигде это не рассказывалось и не облекалось в слова.

Был хороший, теплый, но уже по-осеннему тревожно-солнечный день. Осень 1978 года, 27 сентября. Около часа дня мы с Лилей шли в предварительные кассы за билетами на поезд. Выйдя из касс, мы пошли вверх к вокзалу. Слева — стенды филармонии. Скользя по ним взглядом, обжигаюсь на третьем: «Поет Владимир Высоцкий». Сначала не понимаю ничего, потом еще больше ошалевая, досмотрев, что это же сегодня, в 15.00!!!

Через два часа! У нас! Поет Высоцкий!

Мое состояние и поведение далеки от мудрости, меня одолевают спешка, суета и тревога: да, билетов, конечно же, не достать, какое там! А цена? Денег у нас не хватит. Нет, так не бывает, чтобы мы попали, мне ведь никогда не везет... Все это проносилось в голове, пока бежали в филармонию.

Буднично, тихо и пусто у касс. Да, билеты есть. Где будет? В музыкальной раковине. Цену не вспомнить. Может быть, по 2 руб.?

Все было, есть, сбылось! Билетов купили четыре — еще Жоре и Мише. И опять бежать, опять проблемы: их же еще разыскать! Звоним в фотоцех. Все четверо работали в фотографии — я экономистом, Лиля в павильоне, Миша экскурсионным фотографом, а Жора на бассейне. Выложила все, захлебываясь. Мы, ожидая, покрутились в центре. Раздумывали, кому еще позвонить, но больше осчастливить было

некого. Помню прибежавшего Жору, мы вместе пошли посмотреть на афишу — одну-единственную на третьем снизу щите, на небольшом листе бумаги черной краской от руки три слова: «Поет Владимир Высоцкий».

Здесь же купили цветы — три розы на недлинных стеблях. (Господи, букет Высоцкому!) А других цветов подарено и не было. Потом Жора пробовал фотоаппарат, снимая клумбы между филармонией и кафе. Погода портилась, стало пасмурно, похолодало. Народу уже волновалось вокруг много. А первоначальное безлюдье, оказывается, объяснялось тем, что афишу еще не видели. Концерт был объявлен буквально за несколько часов. Случайный, неожиданный,

Короче, народу набралось полная раковина. Говорят, и вокруг народ был, и на деревьях. Мы зашли попозже, поджидали Мишу с прогулки, а он задерживался, в спешке потерял портфель с паспортом, фотоаппаратом и прочим. Пришел, конечно, расстроенный. (Паспорт потом вернули, однако.) И очутились мы в задних рядах с правой стороны раковины. Не знаю, как сейчас, а тогда там стояли деревянные скамейки.

Начала концерта не помню... Совершенно не интересно и не нужно — казалось мне тогда. Сейчас я бы с удовольствием вспомнила, кто приезжал с Высоцким, что они делали. Но тогда — дальше, дальше, скорее бы!

И вот он быстро прошел по сцене к микрофону — маленький, стройный, гитара на перевязи. Начал с «Братских могил». Потом рассказывал о себе, о Таганке, о спектакле «Десять дней, которые потрясли мир», о Любимове. И пел, пел...

Как странно и удивительно было слышать хорошо знакомые, любимые, много раз слышанные песни, еще и видя *его*. Потом потрясение после впервые услышанной «Всю войну под завязку...». Новых песен обрушилось много — одна другой поразительней: «Недостреленный», «Я полмира почти через злые бои...», «В ресторане по стенкам висят

тут и там...». Но та, первая, — «...жжет нас память и мучает совесть, у кого, у кого она есть...». Это потрясение незабываемое. А его манера общаться с залом — такого ни до, ни после не было. Я это больше для себя пишу, открытия тут ведь не сделаешь, но какая потрясающая простота общения с залом и абсолютно четкая дистанция. Как будто он полем и притягивал, и сдерживал. Простота в нем была та, что «просто, как все гениальное», а не та, что «хуже воровства».

Потом мы с Лилей немного повывясняли, кто будет цветы дарить, обе боялись. Досталось мне, а она до сих пор простить себе не может, что отказалась. Жора фотографировал, захотел поближе подойти, и мы прошли, в первый ряд: он с фотоаппаратом, я с цветами. В первом ряду человек подвинулся, чтобы мы сели. Оказалось, тогдашний директор филармонии — Ещенко Василий Игнатьевич. После «Я не люблю...» пошла к сцене. Ног не было. Глаз, наверное, тоже, потому что лица Высоцкого, наклонившегося так близко, не видела... Только руку, коснувшуюся моей, запомнила. Неожиданно изящной, нежной и маленькой показалась она мне.

— Спасибо вам, Владимир Семенович, — прошептала я.

— Вам спасибо, девонька. Мне-то за что, я ведь еще ничего не сделал, — прозвучало в ответ.

Дальше помню рассказ о Париже и кусочек песни «Мы, Вань, нужны с тобой в Париже, как в нашей бане пассатижи». Так захотелось услышать ее всю! Помню зал, который перестал быть публикой, который дышал одним дыханием и вытянул вперед шеи в едином стремлении видеть и слышать.

Концерт закончился. Распогодилось, появилось заходящее уже солнце. Мы вышли счастливые и ошеломленные, не понимавшие еще, что это первый и последний его концерт для нас.

У меня впереди была еще поездка в Москву, радость попасть на Таганку, увидеть «Десять дней, которые потрясли мир»...

Ревекка ШЕМЯКИНА

(жена Михаила Шемякина)

— Ревекка, до знакомства в Париже вы знали Высоцкого?

— Знала, конечно, но только по песням. Ведь мы с Мишей уехали из России в 1971 году.

— А личное знакомство — когда и при каких обстоятельствах?

— Когда — это я вам точно не могу сказать, а вот обстоятельства были довольно интересные. Нас пригласил Миша Барышников, он танцевал в тот вечер в Гранд-Опера. Танцевал всего пять минут — кажется, отрывок из «Дон Кихота» — и еще было много всяких французов. Но когда вышел Барышников — ох, какие были аплодисменты!

А позже мы узнали: оказывается эти пять минут — как он прыгал, летал! — эти пять минут Миша танцевал со сломанной ногой. И когда мы вместе возвращались домой, Миша, выходя из лифта, чуть не упал.

После выступления он пригласил нас за кулисы, вот там мы и познакомились с Володей и Мариной.

— И, насколько я знаю, поехали в замок к Одиль Версуа?

— Да, нас всех вместе погрузили в машину, и мы поехали к сестре Марины — Татьяне, к Одиль Версуа. Володя много пел в тот вечер.

— И ваше первое впечатление?

— Ну, у нас как-то сразу все получилось. Сразу! С Барышниковым Шемякин так и не подружился, были знакомы — и все. А вот с Высоцким — сразу! Как-то это неожиданно вышло, что все получилось сразу, в первый же вечер.

— Михаил сказал мне, что это была «дружба с первого взгляда»...

— Совершенно верно. Володя пел, я ревела. Миша тоже был совершенно потрясен. До этого, честно говоря, мы Во-

лодю не очень хорошо знали. Песни слышали, конечно, говорили о них, но... В ту пору мы же были питерские пижоны, любили классическую музыку и не очень обращали внимание на такого рода песни. А тогда... мы были потрясены!

— *А как дальше развивались события?*

— Все пошло очень быстро. Очевидно, на следующий день Володя с Мариной были у нас дома. Я помню, как в тот вечер мы пешком шли по Парижу... Володя и Миша очень любили идти вдвоем — и говорили, говорили, говорили. Они так подружились, что иногда Володя из аэропорта ехал прямо к нам. А Марина ревновала...

Однажды Володя прилетел, Марина где-то снималась, Миша был в Нью-Йорке, и он остановился у меня. И Марина была спокойна: по-моему, ревновала она Володю только к Мише. А к нам с Дорой (дочь Ревекки и Михаила Шемякиных) она его отпускала спокойно. Я потом Мише об этом рассказывала... Было исключительно уютно: я лепила, стояла у станочка. А Володя лежал на диване — у меня там был чудесный диванчик, телефон рядышком, все его любили. И вот Володя лежал на диване и читал. Что же он читал? По-моему, Ефремова — «Таис Афинскую».

— *А когда Шемякин стал записывать Высоцкого?*

— Довольно быстро. До этого Миша сделал диск Алехи Дмитриевича. И вообще, в этом отношении Шемякин — человек очень серьезный. Как только он с Володей познакомился, он сразу купил какой-то особенный — какой-то просто замечательный — микрофон. Мишенька же всегда все делает с размахом! И они сразу же начали работать. Миша сказал: «Володя, как только ты будешь приезжать, мы будем записывать. Это серьезная работа».

— *А как это происходило?*

— Они записывали, а мы с Дорой сидели рядом. Я всегда там околачивалась, я же работала дома. Дора иногда сидела на полу. Марина приезжала и уезжала. А Володя всегда стоял — он мог записывать свои песни только стоя.

— *Общение, работа... А чем еще занимался Высоцкий в Париже?*

— Он постоянно был озадачен одним: кому-то надо достать лекарства, какие-то вещи — «друзьям надо!» — что-то еще... И я ему иногда что-то покупала. А Марина мне сказала однажды:

— Этот нескончаемый поток...

Она, конечно, все понимала, и сказала это почти с восхищением...

— *А вы знаете историю песни «Французские бесы»? Про этот знаменитый загул Высоцкого и Шемякина сначала в ресторане «Распутин», а потом в «Царевиче»...*

— Ну а как же! Мы сидели с Мариной у нас дома и ждали их. Ждали всю ночь, с ума сходили. Марина позвала Шемякина, а потом вышибла их из дома... Она приехала, мы сидели на кухне и курили, курили, курили. Я уж не знаю, сколько сигарет мы выкурили?! Марина сидела совершенно бешеная. Я говорю:

— Ну, Марина, давай с юмором к этому относиться...

А ей было не до юмора — она очень сильно переживала. А еще у нее утром съемка была — кажется, в «Марии-Антуанетте» — ей надо было быть свежей и красивой. А она сидела у нас на кухне и сходила с ума... Потом она все-таки уехала. Сказала мне:

— Как только они появятся — позвони.

Но вот только — был ли это тот самый случай?

— *Да, именно тот. Марина Влади вызвала Михаила, а потом там что-то произошло...*

— И она их выгнала... А поскольку Михаил поехал спасать Володю, то, когда раздался звонок в дверь, я была уверена, что Шемякин несет на руках Высоцкого... Открываю дверь, а моего Мишу держат под руки с двух сторон! С одной — наш здоровый консьерж, а с другой — какой-то незнакомый мужик, тоже здоровый... (Как выяснилось потом — распорядитель ресторана.) И Мишенька висит между ними, а Володи нет.

А можно ли это рассказывать?! Я тут не сплетничаю? Ну, если Миша вам рассказывал, ладно... Все мы — Володины родственники. Вся Россия — его родственники...

Так вот, Миша ничего не мог тогда сказать — тяжелый был Мишенька... Внесли его эти два здоровенных мужика и положили — бросили! — на кровать.

Миша на кровати, а я ждала — Володя же должен был прийти... Жду. Звонок. Открываю дверь — Володя стоит. Стоит! Сам добрался! И первые его слова:

— Ну, Мишка — гад! Друга бросил!

— Володенька, какое — бросил! Его же внесли! Еле до-тащили!

А Володя ничего не видит и не слышит, у него — монолог:

— Мишка... Друга бросил!..

И тут же пытается упасть. Ну Володю я все-таки смогла взять на плечо. На плечо — и рядышком с Мишей на диванчик. И так вот — один на кровати спал в сапогах, другой — на диванчике.

Володе стало плохо — он же болен был. Очень плохо. Тут же я позвонила Марине. Она вызвала врача, который занимался Володей постоянно. Видимо, домашний врач, почти друг... И вот ночью этот врач приехал Володю спасать, делал какие-то уколы.

Так они и лежали рядом, голубчики. Марина дала приказ — не выпускать и уехала на съемки.

И когда они проснулись, они захотели «функционировать»! Но Марина сказала — держать! — и я пыталась держать! Я взяла сковороду — была такая тяжеленная чугунная сковорода — и сказала:

— Я вас не пущу! Марина приказала!

А Володя:

— Мишенька, а я думал, что она у тебя — ангел!

Но они же такие умные, такие — гады! — хитрые, даже в таком состоянии смылись. Они меня просто обманули. Один закричал:

— Рива! У тебя на кухне что-то горит!

Я, как дура, понеслась на кухню, а они моментально улизнули.

— А когда это было, в каком году?

— Я же говорю, что у меня — женская память... Это Миша может вам точно сказать — у него память логическая. А у меня какие-то фрагменты событий всплывают, а в каком году — я так не умею запоминать...

— Последний приезд Высоцкого в Париж вы запомнили?

— Это когда Володя лежал в больнице и сбежал оттуда?

— Да, это май 1980 года...

— Миша мне про это рассказывал... Что Марина положила Володю в больницу, что он ходил в красном халате и что он сбежал оттуда...

— А потом умерла сестра Марины Влади — Татьяна...

— Да, это было за пятнадцать дней до смерти Володи, и Марина тогда все говорила:

— Господи! Только бы Володька не умер! Хоть бы не умер!

Меня поразило, что она это так говорила! Наверное, у нее было какое-то предчувствие... Да и всем друзьям Высоцкого, всем нам было тогда не по себе. Страшно было за него.

— А как вы узнали о смерти?

— Тоже страшно было... В ту ночь я спала у телефона. Моя Дора накануне попала в полицию. Просто так — взяли панков, и Дора попала за компанию. Ну я, конечно, перенервничала, лежала у телефона, ждала звонка... И вдруг очень рано — часов в семь утра — звонок! Я вскочила — Миши не было в Париже — взяла трубку. И вдруг голос Марины: «Ривочка, Володя умер».

Она это сказала, я выронила трубку... А потом, даже не помню некоторые моменты... Марина сразу же приехала — мы тогда уже очень дружили близко, по-семейному...

И когда умерла Татьяна — Одиль Версуа — мы все вместе хоронили ее. Мы с Мишей ездили и в больницу, где она умерла, и на похороны. Марина говорила, что последнюю ночь они с Татьяной провели вместе, лежали рядышком... Таня была удивительная женщина. По-моему, она болела лет семь-восемь и знала, что обречена. Ходить уже не могла, пе-

редвигалась на костылях и еще играла в театре. Ей делали какие-то уколы, и она играла!

— *Высоцкий дал в Париже несколько концертов. Вы были на них?*

— На одном. Это было после какого-то их загула... А Марина уже организовала концерт, все было назначено. Это был страшный концерт — Володе было плохо, плохо с сердцем. В зале, конечно, никто ничего не знал, но мы-то видели! Володя был зеленый, Марина стояла рядом, за кулисами, — на страховке. Володя пел, пел как всегда, пел замечательно — но мы-то знали, какое это было напряжение! Потом мы пошли к нему за кулисы — в артистическую, я подошла к Володе... Помню, он так схватился за меня, весь зеленый и в поту. Страшно...

— *А вы где-то бывали все вместе?*

— Мы были на французской ярмарке... Это не торговля, а всякие увеселения. И вот однажды мы все вместе отправились туда, катались на таких смешных колясочках. Ох, как мы веселились! У Миши есть много чудных фотографий, у всяких там замков монстров. В этих колясочках мы въезжали в темноту, а там такие актеры — лохматые. Они очень добросовестно орали, особенно на женщин набрасывались. Володя тогда много смеялся.

— *А чему еще радовался Высоцкий в этой жизни?*

— Очень любил наших животных. Обожал нашего Урку. Урка — это бультерьер, редкая порода... А Урка, когда приходил Володя, скакал кольцами, крутился таким колесом! А еще Володя любил моего попугая Вавочку. И очень его смешило, когда Миша брал варежку... Как говорим мы с Дорой: «Вава был холуй!» Это подлый попугай, он нас обижал! А Мишу он боялся, потому что Миша бил его ватной варежкой. И как только Миша брал эту варежку, Вава делал так лапкой, наклонял голову... И как француз говорил: «Са-ва... Са-ва...» Володю это очень смешило... И когда он приезжал, мы ему рассказывали новые истории про Ваву.

— *А что любил поеть Владимир Семенович?*

— В общем, он ел все. Но, как я поняла, любил сладкое... Боже мой! Вот тут я — преступница! Я же ему обещала торт «Наполеон»! В России я даже была знаменита своим «мокрым Наполеоном». Все пекли с густым жирным кремом, а я делала «мокрый». Я Володе несколько раз обещала. И он спрашивал:

— *Ривочка, ну когда же будет «Наполеон»?*

А я так и не собралась. Мы потом вспоминали с Мариной, что Вовочка так и не попробовал мой «мокрый Наполеон»...

Москва, март 1992 года

Леонид СУЛЬПОВАР

(врач-реаниматолог Института им. Склифосовского)

— *Знакомство с Высоцким — где и когда?*

— Я познакомился с Высоцким в 69-м году, он лежал в нашем Институте Склифосовского. Володя был в очень тяжелом состоянии после желудочного кровотечения... Тот самый случай, который подробно описывает Марина Влади в своей книге «Прерванный полет».

— *Да, она упоминает там и ваше имя... Но все-таки желудочное кровотечение, а не разрыв сосуда в горле?*

— Желудочно-кишечное кровотечение — это окончательный диагноз, а причины этого могут быть разными... Тогда диагностика была не на столь высоком уровне, я даже не помню, делали мы гастроскопию или нет? Но мы думали, нет ли там кровотечения из вен пищевода...

— *Состояние было тяжелым, а была опасность для жизни?*

— Конечно. Если говорить медицинскими терминами: резко упало давление, был очень низкий уровень гемоглобина.. Именно поэтому Высоцкий и попал в реанимацию, надо

было проводить интенсивную терапию. Но вывели мы его из этого состояния довольно быстро, кажется, он выписался прямо от нас... Но, может быть, полежал некоторое время в «хирургии».

— *Марина Влади все это время была в отделении?*

— Она все время не отходила от Володи. Практически целые сутки сидела у нас в ординаторской. В палату мы ее не пускали, а вот в ординаторской она сидела все это время.

— *Это ваша первая встреча, а следующая?*

— Следующая? Как-то само собой получилось, что мы начали в тяжелые минуты Володе помогать... В периоды его «ухода в пике». Мы познакомились с его друзьями, они звонили... Приезжали и выводили его из этих состояний. Помогали, во всяком случае... Это было... Трудно сказать, насколько часто это было... Эпизодически... Мы ходили в театр. Володя приглашал на концерты, иногда просто так заезжали к нему... А более тесные отношения сложились в последние годы его жизни, начиная примерно с 1977 года.

— *Физические данные Высоцкого?*

— Физически Володя был очень развит, в нем всегда чувствовалась невероятная сила. И именно мужская сила. А здоровье? При всей его физической развитости и тренированности в последние годы здоровье, конечно, было подорвано. Подорвано его образом жизни — неупорядоченным, без сна и отдыха... И это давало о себе знать.

— *А когда в Москве бывала Марина Влади, этот образ жизни стабилизировался?*

— Безусловно. Во всяком случае, насколько я мог это видеть... Володин дом на Малой Грузинской иногда был похож на проходной двор: одни входят, другие выходят... Эта вечная толпа... Многих я знал, однако мелькали и совершенно незнакомые лица... Но стоило появиться Марине, как все это исчезало. Конечно, люди приходили, но это был совершенно другой круг. И был совершенно другой стиль жизни... И «уходов в пике» было гораздо меньше...

— *А что это такое — «уход в пике» — с точки зрения медицины?*

— В пике или в штопор? В тот период это было просто злоупотребление алкоголем... Что называется, «надирание» и уход из этой жизни в другую, бессознательную, может быть, даже потустороннюю. Откуда нам и приходилось его «доставать». Но был ли Володя алкоголиком? Всей информацией я не обладаю, были и другие врачи, которые помогали ему. Но я могу совершенно определенно сказать, что алкоголиком он не был. Люди, подверженные этой патологии, — запущенные, опустившиеся. Володя был абсолютно другим. Допустим, через день или два после того, как мы выводили его из этого болезненного состояния, Володя становился другим человеком: собранным, подтянутым, готовым работать. А почему это происходило? Понимаете, вся его жизнь — замотанная, задерганная: театр, концерты, ночная работа — и все в бешеном темпе... Да еще темперамент холерика, который у него, безусловно, был... Все это говорило о том, что рано или поздно он может сорваться. В общем, чувствовалось, что есть определенная взаимосвязь между его образом жизни и этими срывами.

— *То есть эти срывы, возможно, были какой-то формой разрядки?*

— Не возможно, а именно так и было... А еще это была форма ухода из мира, который его страшно раздражал. Уже последние годы... Сидим, смотрим телевизор... Очередная банальность или глупость. Ну, мы могли скептически улыбнуться или равнодушно отвернуться... А Володя не мог спокойно это выносить, он давал такие пики! Совершенно неадекватная, на наш взгляд, реакция! И потом еще долго не мог успокоиться... У него не было этого безразличия, свойственного большинству, он жутко переживал все, что происходило... В общем, не мог смириться. По-видимому, это было связано и с его внутренним складом.

— *А вы говорили с Высоцким об этих срывах?*

— Никогда. Он и сам никогда не вспоминал об этом. Ну и мы тоже. Хотя для всех нас это были тяжелые времена... Чувство вины у Володи внутри, конечно, было... Но мы никогда не возвращались к этим вещам.

— *А теперь давайте поговорим о другом. Высоцкий выступал в Институте Склифосовского?*

— Да, два раза... Когда у нас в отделении лежал Высоцкий, то все под разными предлогами старались сбежать... Спросить, попросить, взять, в общем, весь институт бывал у нас... И я однажды сказал Володе:

— Давай сделаем у нас концерт?

— Конечно, сделаем... В старом шереметьевском здании Института есть конференц-зал, там Володя и дал концерт. Все это мы официально оформили через местком, напечатали билеты... Что там творилось! Как просочилось, как узнали?! Самое интересное — вся райкомовская знать сидела в первых рядах. Какими путями они достали билеты — не знаю... Там еще есть балкон, так он чуть не обвалился, столько набилось людей! Концерт прошел на невероятном подъеме! А потом... Все, конечно, знали, что Володя не пьет, но все же накрыли стол у нас в ординаторской... Опять битком, все надеялись, что Высоцкий еще будет петь... Он пришел, чинно посидел... А все ждали, ну вот сейчас начнется... Начнется самое интересное! А он спокойно посидел и очень скоро уехал... Ну а банкет продолжался без Высоцкого...

— *Вы сказали, что звонили друзья... А кого из друзей Высоцкого вы знали? Вообще, каков был круг общения в те годы?*

— Володя связывал и объединял очень многих людей... Был такой большой круг не друзей, а знакомых... А друзей? Я знал Севу Абдулова, Вадима Ивановича Туманова, Валеру Янкловича... Ну и, конечно, товарищей по театру...

— *А что вы могли бы сказать об Игоре Годяеве, к сожалению, уже покойном?*

— Что я могу сказать... Я с Игорем много работал, он был фельдшером на реанимобиле. Молодой человек и весьма неординарная личность, хотя и с некоторыми комплексами...

ми... Игорь всегда искал чего-то необычного. А Высоцкий и вся атмосфера вокруг него — это, конечно, его очень привлекало. Игорь много сделал для Володи, и Высоцкий его принимал, в общем, нормально. У них были свои отношения, о которых не мне судить.

— *А у вас с Высоцким были откровенные разговоры?*

— Вообще Володя был достаточно скрытным человеком... Наверное, перед кем-то он и раскрывался, но я не был с ним настолько близок... Со мной был один откровенный разговор, но это было единственный раз. В 79-м году мы сидели с ним в машине около моего дома и часа полтора разговаривали... И Володя немного приоткрыл свою душу. Это был обстоятельный разговор обо всем, что его тревожит и волнует. Его страшно угнетало болезненное состояние, он чувствовал, что уже не может творчески работать, что он теряет Марину... Он говорил о том, чего уже никогда не сможет вернуть в своей жизни... А тогда начиналось хоть какое-то официальное признание... Я помню, как он радовался, когда ему предложили снимать фильм «Зеленый фургон». Он говорил, что будет сам снимать и сыграет главную роль... А потом ему все это обрезали. Это тоже был удар. Но все же он многое уже сделал и многого достиг, и его мучило чувство, что все это теряется... «Какая-то безысходность», — как он сам говорил...

— *А вы говорили о болезни?*

— Да, потому что к этому времени я уже знал о наркотиках... Володя говорил, что ощущает в себе два «я»: одно хочет работать, делать, любить, и второе, которое тянет его совсем в другую сторону, в эту пропасть безысходности. И постоянное противоборство двух «я» делает его жизнь совершенно невыносимой. У него не получалась жизнь с какими-то определенными поступками, он метался из одной стороны в другую... Два раздирающих начала делали его жизнь страшной и невыносимой... А болезнь к этому времени зашла уже очень далеко... И я начал искать, что еще можно сделать. Единственный человек, который этим тогда зани-

мался, был профессор Лужников. К нему я и обратился... И у меня была большая надежда — и я Володю в этом убедил — что мы выведем его из этого состояния... Лужников разрабатывал новый метод — гемосорбцию. Я договорился, но то не было адсорбента, то ребята выезжали в другие города... А Володя ждал, каждый день звонил... — Ну, где? Ну, когда? И, наконец, мы это сделали... Я пришел к нему, посмотрел и понял, что и здесь мы ничего не добились... Тогда мы думали, что гемосорбция поможет снять интоксикацию, абстинентный синдром... Но теперь ясно, что это не является сто-процентной гарантией.

— Как вы думаете, когда и каким образом Высоцкий мог столкнуться с наркотиками?

— Понимаете, когда мы выводили Володю из тяжелых состояний, то знали, что можно, а что нельзя... Знали, чего следует бояться... Ведь в этом процессе используются вещества наркотического ряда... Володя попадал в разные места, и где-то, скорее всего, передозировали... Тогда «выход» проще... В общем, я думаю, что вкус наркотика он ощутил на фоне «выхода из пике». Где и когда, я не знаю... От меня Володя очень долго это скрывал... Я только в 79-м году догадался — сам понял — что дело тут уже не в алкоголе, а совсем в другом... И для меня это было очень грустным открытием — с наркотиками бороться куда трудней... Доз я не знаю... Хотя мне говорили, что они были совершенно фантастическими! Мы с Володей об этом никогда не говорили.

— Но Высоцкий боролся?!

— Конечно. У него в последнее время был такой настрой — или вылечиться, или... умереть. Дальше так он существовать уже не мог. И откровенно говорил об этом. Поэтому я так расстроился, когда после гемосорбции посмотрел ему в глаза... Хотя сам Володя говорил:

— Все нормально... Все хорошо...

Но я-то вижу... По-моему, это был последний удар, рухнула последняя надежда... А ведь мы его так настроили... «Это гарантия!» А что нам оставалось делать, надо было его настроить...

— А можно было как-то повлиять, удержать, запретить?

— Нет, невозможно. В последнее время болезнь зашла так далеко, что отказ мог привести к смерти... Потому что нужна замена, а она никогда не бывает адекватной... Абстинентный синдром... Это трудно себе представить, как мучаются люди... Страдает все, весь организм... А удержать? Володя, на мой взгляд, был человеком, для которого авторитетов не существовало. Другое дело, что у него была своя градация отношения к людям... И в этой системе Вадим Иванович Туманов стоял достаточно высоко... Он мог повлиять на Володю, но в последние годы уже не всегда...

— 23 июля 1980 года, вечером, вы были на Малой Грузинской. Расскажите об этом поподробнее...

— 23 июля я дежурил... Ко мне приехали Янклович и Федотов. И говорят, что Володя совсем плохой... Что дальше это невозможно терпеть и что надо что-то делать... Федотова я тогда увидел в первый раз, и он как-то странно себя повел...

— Вы тут сидите, ничего не делаете...

Ну, я поставил его на место... А Валера Янклович смягчил все это дело... И мы поехали туда... Состояние Володи было ужасным! Стало ясно, что надо или предпринимать более активные действия, пытаться любыми способами спасти, или вообще отказываться от всякой помощи. Что предлагал лично я? Есть такая методика: взять человека на искусственную вентиляцию легких... Держать его в медикаментозном сне и в течение нескольких дней вывести из организма все, что возможно. Но дело в том, что отключение идет с препаратами наркотического ряда, тем не менее, хотелось пойти и на это... Но были и другие опасности... Первое — Володю надо было «интубировать», то есть вставить трубку через рот. А это могло повредить голосовые связки. Второе — при искусственной вентиляции легких очень часто появляются пневмонии, как осложнение... В общем, все это довольно опасно, но другого выхода не было... Мы посоветовались (вместе со мной был Стас Щербаков, он тоже работал в реанимации и хоро-

шо знал Володю) и решили: надо его брать. И сказали, что мы Володю сейчас забираем... На что нам ответили, что это большая ответственность и что без согласия родителей этого делать нельзя... Ну что делать — давайте, выясняйте... И мы договорились, что заберем Володю 25 июля. Мы со Стасом дежурили через день... Володя был в очень тяжелом состоянии, но впечатления, что он умирает, не было... Ну, а двадцать пятого... Мне позвонили... И я вместо дежурства поехал туда...

— Когда вы приехали на Малую Грузинскую, там еще был реанимобиль?

— Нет, я приехал позже... Занимался делами... Там был наш реанимобиль, врач Какубава и фельдшер Володя Коган... Но к тому времени они уже уехали...

— Вы приехали...

— Я приехал, народу было уже много... Внизу стояли ребята из школы карате Штурмина... Помню, что пришла племянница Гиси Моисеевны, помните «Балладу о детстве»? За мной ходил Туманов:

— Нет, ты скажи, от чего умер Володя?

Позже по этому поводу точно заметил Смахов: «Он умер от себя...»

Потом я присутствовал при обсуждении — где хоронить... Отец настаивал:

— Только на Новодевичьем!

И все это было настолько серьезно, что начали пробиывать... Пытались связаться с Галиной Брежневой, но она была где-то в Крыму... Второй вариант — через Яноша Кадара хотели выйти на Андропова... С большим трудом удалось уговорить отца... Тогда Новодевичье кладбище было закрытым, и хоронить там народного поэта и певца... Поехали на Ваганьковское... Кобзон рассказывал, что директор кладбища чуть не заплакал, когда ему предложили деньги...

— За кого вы нас принимаете! Высоцкого! Да любое место...

28 июля часа в четыре утра в подъезде дома на Малой Грузинской была панихида... Были самые близкие — мать,

отец, Марина, Людмила Абрамова, Володины сыновья... Поставили гроб, играл небольшой оркестр студентов Консерватории, там рядом их общежитие... Было такое прощание... А потом на реанимобиле мы перевезли Володю в театр... Реанимобиль и целая кавалькада машин...

— Вы знаете, меня — как, наверное, и многих — мучает один вопрос: если бы вы забрали Высоцкого 23-го?

— Трудно сказать... Но у нас был разработан план. Пролечить Володю, потом прямо из клиники — на самолет. И в тайгу — к Туманову. Но как это получилось бы — трудно сказать.

— А что у вас осталось на память о Высоцком?

— Что осталось? Храню горнолыжные ботинки, которые Володя привез из Франции... Это было в 1975-м или 1976 году, тогда с инвентарем было очень туго. Володя успевал об этом и говорит:

— Я тебе привезу.

— Ну, это дело тонкое и точное...

— Ничего, сделаем!

Мы сделали мерки: я поставил ногу на картон — очертили, вырезали... Вернулся довольный:

— Я все-таки тебе привез!

Привез ботинки известной итальянской фирмы, для того времени просто роскошные ботинки! И рассказывает, как все это происходило...

— Пошли мы с Мариной выбирать... Ходим-ходим... Какой-то одесский еврей держит лавочку этого горнолыжного инвентаря... Начал выбирать нам, прикладывает твои мерки... А потом говорит: «Вообще инвентарь — дело тонкое. Пусть лучше ваш друг сам сюда приедет».

Володя рассказывал и хохотал:

— Вот так! Надо было тебе самому поехать и купить! А то я ношусь с твоими мерками...

Да, помню еще один его смешной рассказ... Как-то мы приехали на Малую Грузинскую — это было уже после фильма «Место встречи изменить нельзя». А тогда шло какое-то

дело, связанное с автомобильной аварией... И как раз накануне у него был следователь, который это дело вел... А Володе посоветовали пригласить его к себе... Следователь пришел с женой, чувствовал себя хозяином положения... Первое, что он спросил: «Где тут коньяк?» Володя в лицах все это показывал... И жену, и самого следователя... «Вот ты, Володя, снялся в фильме... Ну, что это такое? Разве это похоже на правду? Ты приходи ко мне в кабинет, посиди, посмотри... Если ты еще когда-нибудь будешь играть следователя — делай с меня! Вот жена скажет...» Еще рубашка Володина лежит... Я, как двадцать пятого вышел из дома, так до похорон и не вернулся... Там еще пришлось поехать к Володарскому на дачу — выводить его «из пике»... Марина сказала, что надо поехать, а то он даже не знает, что умер Володя... И все время в одной рубашке, а жара... И Марина дала мне Володину... Да еще французский диск, который Володя подарил нам с женой: «Лене и Тане — с дружбой! В. Высоцкий». Вот и все, что у меня осталось... Володя часто мне говорил:

— Ты собери кассеты... У меня есть человек, у которого все мои песни. Он тебе запишет...

Ну, я и прособирался... Тогда казалось, что жизнь будет вечной и все еще впереди...

Москва, сентябрь 1989 года

Станислав
ЩЕРБАКОВ

(врач-анестезиолог Института им. Склифосовского)

Вот вы говорите — факты! Но ведь эти факты через меня! Оттого, что я такой, я видел события несколько в другом ракурсе, чем, скажем, Федотов... У Федотова свой способ видения мира, свой способ приспособления, свое «я» — он все видел по-своему. Леня Сульповар — тоже по-своему, Абдулов — тоже... Все видели по-своему.

С вашей точки зрения, Высоцкий был болен? Да?! Был наркоманом, даже полинаркоманом, если быть точным?! А вот я, врач, извините, так не считаю. Я немного поработал в психиатрии и знаю, что современная трактовка наркомании совершенно отличается от того, что нам преподносили раньше.

Мы считали, что наркомания — это социальное зло, но сейчас это понимание несколько расширено. В некоторых случаях наркомания, по сути дела, является социальной защитой, формой социальной защиты. И каждый по-своему приспособляется к нашей жизни, к нашей социальной среде...

Один эмигрирует за границу, другой эмигрирует в самого себя — как сейчас принято говорить: «внутренняя эмиграция»... Человек уединился, сел за стол и потихонечку скрипит пером: что-то выдает или не выдает... А у Высоцкого был совсем другой характер — характер достаточно сильный и открытый. Но и ему был нужен, что называется, подпор...

Кстати, на чем еще держится наркомания... Любое живое существо — и человек тоже — само себя вознаграждает. Вознаграждает чувством радости или каким-то удовольствием. Для этого организм вырабатывает линдогенные опиаты — вот они-то и вознаграждают человека за какие-то правильные действия. Но если человек действует неправильно, во вред организму, то опиаты подавляются, вырабатываются другие вещества — и человеку плохо. А если он все делает правильно, то сама система себя вознаграждает.

А вот система «Высоцкий» в наших условиях существовала без вознаграждения. Он не мог уйти ни в ту, ни в другую эмиграцию...

Вы понимаете, я пытаюсь объяснить схему, на которой держатся мои факты. Конечно, я субъективен, но одни факты могут ничего не значить.

Так вот, Высоцкий от общества не получал адекватного вознаграждения: зажимали, не давали, давили... А он по своей сути не мог сидеть и кропать потихоньку — ему нужен

был выход. Ведь личность очень сильная... А любая сильная личность в условиях тоталитаризма или спивается и деградирует, или этого человека просто убивают. (Способов много, в том числе и самоубийство.)

Но Высоцкий был достаточно сильным и умным еще и в том плане, что его нельзя было где-то зажать и посадить. А в какое-то время была и внешняя защита — Марина, но чаще всего он защищался сам. И вот что еще важно: препараты, которые применял Высоцкий, ни сому (тело), ни личность не разрушают. Если бы он принимал их в каких-то умеренных дозах — мог бы еще долго жить и работать... Но на каких дозах шел Высоцкий — не известно, во всяком случае, не известно нам... Другое дело, что в последнее время он еще и пил — как вы выражаетесь: «уходил в пике». А сочетание алкоголя и промедола дает отвратительный эффект: пропадает всякое желание жить. Кстати, это бывает очень редко — полинаркомания. Я, например, не встречал таких людей, которые одновременно употребляли и водку, и наркотики.

А лечили-то Высоцкого не от того! Его лечили от физической зависимости, но, повторяю, Высоцкий был сильной личностью, и психологическая зависимость была главной. И все те методы лечения разрушали его больше, чем сами наркотики...

Так получилось, что в последнее время Высоцкий буквально «навалился» на меня!.. Хотя контакт у нас, можно сказать, был минимальный... Высоцкий часто заезжал к нам — Институт Склифосовского — заезжал просто так, безо всяких просьб... Никогда не выпендривался — всегда на равных. Заезжал, чтобы поддержать свой человеческий статус, — все-таки Высоцкий был человек! Понимаете, мы в Склифе насмотрелись: среди известных людей довольно много дерьма... Если рядом был концерт, брал с собой наших девчонок...

Но и за «лекарством» тоже приезжал... Извините, и я давал Высоцкому, — а кто из врачей не давал?! Но Склиф он щадил, наш институт был для него — опора...

А факты... В году, наверное, семьдесят восьмом Высоцкий приехал под самый Новый год. Я как раз дежурил тридцать первого декабря.

Приезжает:

— Ребята, срочно поехали! Умирает Эдик Володарский!

Реанимобиль был на вызове, и мы поехали на его машине. Взяли фельдшера, чемодан с набором и поехали в Матвеевское. Фельдшер — молоденькая белокурая девушка Люба. Володя сказал, что один к одному — Марина Влади, и всю дорогу упрашивал:

— Ну дай Любе сесть впереди...

А я говорю:

— Ни фига! Я тебе девушку вперед не дам.

Потому что он гнал как сумасшедший! Когда мы приехали, меня, извините, тошнило. Володя рвал и метал: то под сто двадцать, то по нулям... Я ведь и на скорой, и на реанимобиле поездил — переносил нормально, а тут меня просто мутило.

Мы приехали. И что там получилось... Володарский ведь тоже большой специалист по этому делу, он прилетел из какой-то командировки и решил выпить рюмку коньяка. Выпил — и ему стало плохо. И тогда Володарский решил, что жена подсыпала антабус в коньяк, а тут Новый год... Что делать?.. И я должен был установить: есть антабус или нет.

Вижу, что реакции нет, говорю Володарскому:

— Знаете что, единственный тест — вторая рюмка.

— Я один не буду.

— Ну, наливайте всем четверым.

Все выпили, кроме Высоцкого:

— Мне еще к отцу надо заехать...

Володарский с опаской — но выпил. Все нормально. А потом Высоцкий прокатил нас по праздничной Москве, и мы с Любой еще успели к праздничному столу. Однажды летом — год уже не помню — приезжает Высоцкий, привозит свой первый французский диск... Утро, больных не было, мы сидим, пьем чай. Он покрутился, покрутился, говорит мне:

— Стас, я хочу тебе подарить диск.

Я был немного удивлен, никогда ничего у него не просил, даже не ходил на Таганку по его приглашениям. Достает диск, начинает подписывать: «Щербакову Станиславу Алексеевичу...» Я хмыкнул. Он поставил запятую. «...Славе! С пожеланием всего лучшего и добра много!»

Потом говорит:

— Только спрячь. Стас, я хочу, чтобы у тебя были все мои диски.

Действительно, через некоторое время привез еще один диск, потом приволок третий. Причем все это он делал как-то по-человечески элегантно...

Проходит время, приезжает Валера Янклович.

Говорит:

— Стас, извини. Володя просил вернуть третий диск. На время. Он обещал дать записать кому-то...

Вот это меня взорвало. Я просто швырнул два диска... Я бы ему вернул все три, но первый диск кто-то записывал.

А первый диск Высоцкий привозил кому-то другому, — мне так показалось... В Склифе Володя знал многих, но ближе всех был с Леней Сульповаром. И Леня, конечно, пытался сделать все, что мог. В частности, гемосорбцию... При гемосорбции кровь прогоняется через абсорбент — обычно это активированный уголь — что позволяет слегка очистить организм. При наркомании это может снять физическую зависимость. Но сейчас мы знаем, что обычно гемосорбция ни к чему не приводит, кроме дальнейших осложнений. Если человек много лет принимает какой-то препарат, то у него в организме образуются свои особые отношения с этим препаратом. Очень хитро переплетенные связи. То есть организм по-своему приспосабливается, как мы говорим, образуется патологический гомеостазис. А гемосорбция — что-то убирая, и убирая довольно грубо — может сломать приспособляемость организма к этому препарату... Но в те времена в гемосорбцию верили. Сульповар договорился с профессором Лужниковым, но что-то не получалось... А когда была сде-

лана гемосорбция — я не помню, да и я знал об этом со слов Сульповара.

Я хорошо помню, когда я видел Высоцкого в предпоследний раз... Это было, когда он прилетел из Парижа от Марины Влади. Высоцкий приехал среди ночи вместе с Валерием Янкловичем. У нас был такой «предбанник», там стоял стол, за которым мы писали истории болезни, сюда же закатывали каталки. В эту ночь было полно больных. И вот открывается дверь, заходят Высоцкий и Янклович. Таким Высоцкого я никогда не видел. Он же всегда — подтянутый и аккуратный, а тут... Небритый, помятый, неряшливо одетый — в полной депрессии...

Бывали такие случаи, когда он не входил — врвался в ординаторскую! Когда действие препаратов кончалось — начиналась абстиненция, это самый страшный период для наркоманов. Они могут сделать все что угодно, но достать любыми средствами! Так вот врвался совершенно ошалевший человек: зрачки расширены, моторное возбуждение — и было ясно, что с ним происходит.

А тут он тихо вошел, сел на стул. Я — за столом писал историю болезни. Высоцкий даже глаз не поднимал. Но раз приехал — ясно за чем. Но было уже лето восьмидесятого, приближалась Олимпиада, мы знали, что нас «пасут», и договорились — «все, больше не даем». И Высоцкий знал об этом.

Я ему говорю:

— Володя — все. Мы же договаривались, что — все.

— Стас, в последний раз...

— Нет, уходи. Валера, забирай его.

А у него чуть ли не слезы на глазах...

И тут бригада на меня взорвалась:

— Стас, ну ты что?! Заставляешь человека унижаться...

Я говорю:

— А-а, что хотите, то и делайте.

Повернулся и ушел. Со мной вышел Янклович. И пока ребята «оказывали помощь», он мне сказал, что Володю выгнала Марина, что была попытка суицида (самоубийства)...

Я знаю, что таких попыток было несколько... Мне рассказывали: психоз, немного театрализации, но они были на высоте, что называется — «на бугре»... А тут совсем другое: он был подавлен.

Да, Высоцкий сказал мне еще раз, уже вслед:

— Стас, это в последний раз.

Вот видите, и тут он оказался прав.

Ну а последняя наша встреча, если ее можно назвать так, — 23 июля 1980 года. Почему мы его не взяли тогда? Ведь дело дошло чуть ли не до драки...

Вечером к нам в реанимацию приехал Валера Янклович, попросил дозу хлоралгидрата. Это такой седативный (успокаивающий), расслабляющий препарат, довольно токсичный. Дежурили мы с Леней Сульповаром. И когда узнали, в каких дозах и в каких смесях хлоралгидрат будет применяться, — мы с Леней вообще стали на дыбы! Решили сами поехать на Малую Грузинскую. Реанимобиль был на вызове, мы сели в такси.

Приезжаем. Открывает дверь какая-то девушка. В нестандартном большом холле горит одна лампочка, полумрак. На диване под одеялом лежит человек и вроде слегка похрапывает. Я прохожу первым, смотрю: человек в очках, понимаю, что не Высоцкий. Это был Федотов, я тогда в первый раз с ним столкнулся.

Спрашиваю:

— А где Высоцкий?

— Там, в спальне.

Проходим туда и видим: Высоцкий, как говорят медики, в асфиксии... Федотов накачал его большими дозами всяких седативов, он лежит практически без рефлексов, у него уже заваливается язык... То есть он сам себя может задушить! Мы с Леней придали ему положение, которое положено наркотизированному больному, — рефлексы чуть-чуть появились. Мы — анестезиологи, но и реаниматоры тоже — видим, что дело плохо. Но ведь и Федотов — тоже профессионал-реаниматолог! Я даже не знаю, как это назвать, — это

не просто халатность или безграмотность... Если у меня в зале лежит больной и я знаю, что он умрет, — ну нечего лопать! — но когда я слышу храп западающего языка, извините, я спокойно сидеть не могу!

Ну а дальше пошел этот сыр-бор: что делать?! Я однозначно настаивал, чтобы немедленно забрать Высоцкого. Однозначно. И не только потому, что тяжелое состояние, но и потому, что здесь ему просто нельзя быть. Нельзя.

Федотов сказал, что нужно согласовать с родителями, хотя зачем в такой ситуации согласовывать?! Сульповар сел на телефон, позвонил.

По-моему, он говорил с Ниной Максимовной, она сказала:

— Ребята, если нужно, конечно, забирайте.

Интересно, помнит ли она этот разговор?..

Но дальше все уперлось, что у него через неделю самолет. Кажется, он должен был лететь в тайгу: домик за триста километров от жилья... Тогда мы стали думать, что делать сейчас... Забрать к себе на неделю — это практически исключалось. Потому что к Высоцкому — не только в реанимации, но и в институте относились уже очень негативно. Особенно — руководство, потому что они понимали: институт «курируют» сверху. Да еще совсем недавно была целая «наркоманная эпопея», по этому делу несколько наших сотрудников попали за решетку. Так что на неделю никак не получалось, но на два-три дня мы бы могли его взять...

Два-три дня подержать на аппарате, немного подлечить... Леня Сульповар говорил вам, что интубирование создает угрозу голосовым связкам, — но что говорить о потере голоса, если вопрос стоит о жизни и смерти?! А пневмонии, как осложнения при лечении на аппарате, — во-первых, бывают не так уж часто, а во-вторых, их можно избежать... Конечно отдельный бокс — это идеальный вариант, но какой бокс? Вот я вспоминаю нашу старую реанимацию... У нас был один большой зал — наш «центральный цех», как мы его называли. Там было пять или шесть коек. Потом — ожоговый зал — чуть поменьше. И была проходная комната, где

стояла одна кровать. Ну какой это бокс? Бокс — это что-то отдельное, со своим входом.

Так что вопрос стоял главным образом только о длительности... Мы же видели, в каком он состоянии: в глубоком наркозе плюс асфиксия — это однозначно — надо было его забирать. Если бы речь шла о любом другом — даже о пьянчужке на улице — забрали бы, да и все! А тут все уперлось: по-моему, каждый хотел сохранить свою репутацию...

Федотов почему-то вел себя очень агрессивно, он вообще не хотел госпитализации. Вначале ссылся на родителей, потом говорил, что справляется сам...

Я говорю:

— Как же ты справляешься?! Практически ухайдокал мужика!

Я тогда высказал все и, по-моему, в достаточно грубой форме.

Леня Сульповар... Мне тогда не очень понравилась его позиция — он немного пошел на поводу у Федотова... А Валера Янклович — кстати, это единственный человек, который, по-моему, знает все о жизни и о болезни, или он доверял нам, или еще что, но я не помню каких-то его вставок... И я понял тогда, что от меня мало что зависит... Немного сдался, что ли...

Потом говорили о самом оптимальном, на мой взгляд, варианте — пролечить Высоцкого на даче. Эту тему мы с Леной обсуждали, когда ехали в такси... Ведь ситуация из рассказа Валеры была достаточно ясной. Не афишируя, пролечить Высоцкого на даче, и пролечить на достаточно высоком уровне. Но в случае чего юридически мы бы отвечали сами — ну а что было делать?! Ведь практически все наши контакты были на грани дозволенного и недозволенного. И в Склиф мы его проводили всегда под каким-то другим диагнозом...

Как лечить на даче? Есть такой метод: обычно мы применяем его при суицидальных попытках, когда человек пытался повеситься... Таких больных — и наркотизированных

тоже — мы ведем на аппарате и на релаксантах... Причем используются препараты типа «кураре». Вы знаете, что стрелы с ядом кураре обездвиживают животных. Так и здесь — все мышцы блокируются, кроме работы сердца. И я предложил: провести Высоцкого на аппарате на фоне абсолютной кураризации. Разумеется, с какой-то терапией: подкормить, что-то наладить.

Какие сложности: очень трудно уловить момент, когда больной приходит в сознание... И, естественно, начинается возбуждение. Ну представьте себе, к вам возвращается сознание, и вдруг вы видите, что у вас изо рта торчит трубка! Человек не знает, жив он или мертв...

Иногда спрашиваешь такого больного:

— Вы знаете: на этом вы свете или на том?!

Вторая сложность: психическое состояние больного, когда он придет в сознание. Нужно постоянно его настраивать, то есть кто-то постоянно должен быть рядом.

Так вот, мы хотели привезти аппарат на дачу... И особых проблем здесь не было, мы с Леной взяли бы и привезли. Аппаратов уже тогда было достаточно много: никто бы и не заметил... Мы хотели набрать бригаду: я, Леня, еще несколько опытных ребят — и дежурить... Конечно, это не положено, но... Люди должны когда-то отдавать и рисковать для этого...

И все это поломал *Федотов*:

— Да вы что?! На даче? Нас же всех посадят, если что...

Короче говоря, все время чувствовалось, что он не хочет, чтобы Высоцкого забрали. Не хочет! И даже непонятно почему... Что он считал себя профессиональнее нас? Об этом и речи не могло быть после того, что мы увидели в спальне. Мы пытались у него узнать: что он делает, по какой схеме? Он не очень-то распространялся, но мы поняли, что от промедола он хочет перейти к седативным препаратам — седуксен, реланиум, хлоралгидрат... В общем, через всю седативу, минуя наркотики... Но это совершенно неправильная позиция! Совершенно! И теперь ясно, что Высоцкого просто «проспали», как мы говорим... Да и Федотов сам рассказывал об этом.

Ведь этот диагноз смерти — якобы инфаркт миокарда, — он всех устроил. Все с радостью за него ухватились. А ведь это делается все очень просто: берется одна кардиограмма... Я сейчас могу показать вам десяток кардиограмм с инфарктом... Все дело в том, чтобы убрать все предыдущие кардиограммы, — тогда не с чем сравнивать. О том, что подсунули кардиограмму, мне говорили Годяев, Сульповар и еще кто-то из реанимобильных фельдшеров...

Извините, я все время отвлекаюсь, но что делать... В общем, исходя из того, что надо подготовить Высоцкого к первому августа и что мы можем взять его только на два-три дня, мы решили забрать его через день — то есть 25 июля утром.

А двадцать пятого я прихожу на работу, фельдшера мне говорят:

— Станислав Алексеевич, Владимир Семенович умер.

Среди ночи Федотов вызвал нашу машину. На Малую Грузинскую ездили Рюрик Кокубава и Володя Коган. Кстати, вам с ними тоже надо поговорить...

Я тогда разозлился страшно. Ведь почему еще мы с Лейней взорвались двадцать третьего? — Хлоралгидрат! Этот препарат всегда у нас был, но мы его почти не применяли. А если и применяли, то только в клизмах... А Федотов мешал хлоралгидрат с водкой. Вот в чем дело! Ведь если мешать препарат с водкой, то его действие усиливается, по крайней мере, в два раза. Они потенцируют друг друга. Поэтому мы и застали Высоцкого в таком состоянии — это была кома! Медикаментозная кома.

И если ночью двадцать пятого был аналог ситуации двадцать третьего — а, судя по всему, аналог был полный — Высоцкий умер от асфиксии. Запал язык, и он просто не смог дышать... Ведь он был полностью релаксирован — расслаблен — за счет больших доз седативных препаратов... И ведь Федотов лечил его этим методом не день и не два — по крайней мере, последние две недели.

Да, вскрытия не было, но оно могло бы и не установить точной причины... Кстати, утром двадцать пятого я думал, что Высоцкого привезут на вскрытие в Склиф. И совершенно озверевший позвонил своим судмедэкспертам (хотя, конечно, этого делать не стоило)...

И говорю Вороновой Инессе Васильевне:

— Сейчас привезут Высоцкого — посмотрите, чтобы кровь взяли на все яды...

Но Высоцкого не привезли...

Вот Смехов сказал, что Высоцкий умер от самого себя... Да, в какой-то мере от самого себя. Но ведь он не весь умер, он убил только свое тело. Это Смехов умрет, и после него ничего не останется, кроме кучки праха. А Высоцкий останется.

Но Высоцкий умер не только от самого себя, он умер и, в частности, от нас! И, в частности, от меня тоже! Может быть, наше общество и не убило его, но оно его вытолкнуло. Кстати, в случае Высоцкого каждому есть что скрывать...

Жизнь перед каждым ставит проблему: как остаться самим собой... Высоцкий выбрал это... Но у него была не банальная наркомания, это была, повторяю, форма социальной защиты. Так у него шла настройка на наше социальное дерьмо!

Высоцкий был и остался сильным мужиком, которых всегда не хватает! Я только хочу, чтобы его сыновья знали это.

Москва, 17 августа 1991 года

Владимир
КОГАН

(фельдшер реанимобиля Института им. Склифосовского)

— Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Высоцким?

— В 1969 году, когда Володя поступил в наше отделение реанимации, он попал туда с желудочным кровотечением.

— *Ваша бригада ездила за ним?*

— Нет, Володю привезли на «скорой помощи» — вместе с ним были Марина Влади и Сева Абдулов — вот тогда я его увидел впервые. После этого Володя стал появляться в нашем институте более или менее регулярно, заходил просто так... Вот тогда мы и познакомились. Пару раз приезжал сюда и забирал с собой на спектакли. И на концерты — тоже. Помню, как он привез нас в Дом культуры АЗЛК. Володя сам провел нас, сам посадил. Несколько раз решали с ним какие-то вопросы... Сразу же вам скажу, что никакой дружбы у нас не было — обыкновенное знакомство. На Малой Грузинской при жизни Володи я не бывал, попал туда только ночью 25 июля.

— *А часто Высоцкий попадал в Склифосовского после 69-го года?*

— Да, бывало несколько раз, я уже не помню по годам. А потом часто бывал по «своим делам»... К этому времени все наши врачи и мы — фельдшеры — были его хорошими знакомыми.

— *А самый первый раз чем вам запомнился?*

— Ну нам больше запомнилась Марина Влади... Володя лежал в отделении — он много крови потерял тогда, много с ним пришлось поработать врачам... А Марина сидела у нас в ординаторской.

— *А обычные — рядовые «заезды»?*

— Часто он заезжал к нам после возвращения из-за границы — рассказывал... А нам все было интересно: как там жизнь на том «проклятом Западе»?! Выходили во Франции диски — привозил, показывал. Дарил, по-моему, только Лене Сульповару. Однажды приехал и говорит:

— Поехали, прокатимся.

А мне очень нравился его большой «мерседес»...

— Ну поехали.

Поехали к Володарскому, попили чайку — и уехали. Однажды приехал с Ваней Бортником — он сидел в машине... А потом, года с 76-го, — его болезнь. У нас ведь хорошо по-

нимали, что наркомания — это опасная болезнь, старались помочь. А раньше — с алкогольными делами... Володины друзья нас уже знали — звонили, когда надо было помочь.

— *А вы ездили на такие вызовы?*

— Да. Это, в общем, неприятно было... Но что делать? Я же говорю, что Володя к этому времени был у нас своим человеком. Вы же знаете, что Высоцкий умел контактировать с людьми, был совершенно неординарным человеком. И как было не помочь? Меня он уже хорошо знал:

— Ну как дела, Володя?

Однажды позвонил кто-то из друзей, мы поехали... Володя был пьян, — очень пьян, просто в совершеннейшем уходе. Мы его на носилках спускали с пятого или шестого этажа, несли вниз, к машине... Запой — это даже не то слово: ну, пьет человек потихоньку... А тут было сильнейшее алкогольное опьянение, и с ним могло случиться все что угодно: он мог захлебнуться, задохнуться... Пятое-десятое...

А в институте мы Володю приводили в себя — мне кажется, даже ничего нигде не оформляли... Прокалывали, делали капельницу — быстро приводили в форму, а потом кто-нибудь из друзей за ним приезжал, увозил домой.

Народный способ лечения всех этих похмельных дел — тысячи лет на Руси один — на следующий день выпить еще. А мы помогали Володе «прерваться», чтобы через два-три дня он мог выйти нормальным человеком. Мы могли и умели это делать, потому что наш «контингент» больных — с различными травмами — поступает в основном в состоянии опьянения.

— *О гемосорбции вы знали?*

— Гемосорбцию делали у нас в институте, в отделении искусственной почки. Я знал, что Володе это делали и что он в гемосорбцию очень верил. По-моему, для Володи это был один из последних шансов...

— *Вы дружили с Игорем Годяевым — ныне покойным. Расскажите, что это был за человек?*

— Мы не дружили, мы работали вместе. Игорь говорил, что знал Володю гораздо раньше, чем я... Насколько я тогда понял, Игорь был вхож в дом, хорошо знал Марину. У него была масса фотографий — и с Володей, и с Мариной. Кассеты с записями, причем у него были записаны разные варианты песен. После смерти Володи я переписывал эти кассеты, видимо, это были рабочие записи: один и тот же куплет звучал по-разному.

Где это все сейчас? Я не знаю... Может быть, у Наташи — вдовы Годяева? Наташа с дочкой живет у родителей Игоря. Они работали за границей — теперь на пенсии.

— *А теперь о той самой ночи — с 24 на 25 июля 1980 года...*

— Было обычное дежурство, но я знал, что Володя в плохом состоянии. У нас даже шли разговоры, что его надо класть в институт... Не то чтобы мы ждали, но знали. Высоцким должны были заниматься специалисты.

А ночью — часа в четыре — прямо к нам прибежал Валерий Янклович:

— Володе — плохо!

Но мы же на государственной службе — надо оформлять наряд на выезд, писать все эти бумажки... А тут мы сразу выскочили — в машину и поехали. Приехали на Малую Грузинскую вместе с врачом Рюриком Кокубавой. Кажется, нас встретил Сева Абдулов... Володя лежал в большой комнате, он был уже мертв. Раньше нас приехала еще одна реанимационная бригада — ее вызвали из дома.

В квартире было довольно много людей, я не знал никого, кроме Абдулова и Янкловича. Нет, там был еще Вадим Иванович Туманов, с которым я познакомился позже. И одна девушка, как я потом узнал — Ксения. Мы подошли к Володе, все было ясно — мертв.

Все в квартире были какие-то испуганные... Валера сел прямо на пол рядом с Володей, схватился за голову. Ну горе — что тут говорить... Мы пробыли в квартире минут пятнадцать. Да, когда мы подъехали, на улице уже стоял милиционер.

— *А причина смерти?*

— Ох... Это потом у нас пошли всякие домыслы и предположения: мы стали думать, как и почему это могло случиться? А тогда, на первый взгляд, — это была скоропостижная смерть. Ничего такого — ярко выраженного — не было. Обыкновенный умерший человек. Никаких следов насилия или чего-то там еще — ничего этого не было. Володя лежал, как будто спал, руки были вытянуты вдоль туловища. Абсолютно белые руки...

*Москва, Институт Склифосовского,
июнь 1993 года*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Приложить все усилия, чтобы Высоцкий остался таким, каким он был на самом деле... В полноте своего человеческого существа. Ведь «он человек был в полном смысле слова».

Юрий Лотман: «Крупный писатель делает себе биографию — перерастает себя, перерастает данность...» Вообще, по мысли Блока, единственный выход для человека — это перерастать себя....

Чтобы понять, надо полюбить... Полюбить человека в великом поэте. Анна Ахматова: «За великолепием стихов Пушкина... мы не видим живого человека».

В биографии учитывать вот что...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное — взято.

(Марина Цветаева)

Когда работать о Высоцком — потребность души, все дается в руки и в душу... Имею ли право — проверять на подлинность, на правду воспоминания о Высоцком? Доверять своему чувству правды слова? Самое ценное — его сохранный речь...

Проблема: неужели что-то должно забыться?! Судьба ребенка Пушкина от Калашниковой... — недостающее звено? Но надо считаться с человеком в гении и с гением в человеке... Избранность, особая печать, которую чувствуют дети.

Чтобы писать биографию Высоцкого — художественную биографию — нужно обладать равным даром?! Спорная мысль... В любом случае, пока честнее собирать «труды и дни».

Главное — сохранить. «Спаси и сохрани». Время безжалостно, и к памяти людей — тоже. Некоторые вещи возможны лишь современникам. Потом это будет невозможно. Талант — единственная новость, но гений — это божий дар...

Еще раз — ответственность современников... За свое время, которое тоже — родина, за память, которая мать всех муз, за свидетельства о людях, рядом с которыми выпало жить.

Высоцкий открывается не сразу — от первоначального удивления и восхищения до постижения глубин... И в биографии тоже.

Да, биографию великого человека нельзя писать, стоя на коленях... Но от восхищения и даже преклонения — куда денешься? Да и не надо никуда деваться... Нужны только — здравый смысл и чувство меры.

И если спустя столько лет люди помнят слова и подробности, а не только себя рядом с Высоцким, значит, это удивило, задело, поразило, значит, он продолжает жить...

*Валерий Перевозчиков,
февраль 2009 года*

СОДЕРЖАНИЕ

Живой голос, сорванный отчаяньем. *Вступление* 5

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Нина Максимовна Высоцкая

О друзьях и соседях, о времени и о своей семье 8

О Марине, о даче и о наследстве 18

*Еще о Марине, о ее книге и о том, что происходило
в июле 1980 года* 26

Семен Владимирович Высоцкий

О Володе, о друзьях детства и об Иосифе Кобзоне 30

Лидия Сарнова 37

Геннадий Полока 39

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Гитары Высоцкого 55

Леонид Ильич Брежнев 61

ГАИ СССР 67

Иван 73

Игорек 78

Бухара, 1979 год 84

Настя 92

Нью-Йорк 96

Подарки 100

Илья Порошин (сын Валерия Павловича Янкловича) 104

ДИАЛОГИ О ВЫСОЦКОМ

Людмила Абрамова и Валерий Золотухин

*О посмертной маске, о Марине Влади, о воспоминаниях
и вспоминателях* 112

Анатолий Федотов и Валерий Янклович

Бухара, июль 1979-го 123

О болезни, о последних днях и часах... 129

ИНТЕРВЬЮ И ВОСПОМИНАНИЯ

Валерий Абрамов 137

Артур Макаров 147

Борис Диодоров 152

Анна Шахназарова 157

Игорь Шевцов 159

Лев Делюсин 189

Леонид Филатов 197

Ирина Шугунова 198

Наталья Панина. *История одной фотографии* 202

Ревекка Шемякина (*жена Михаила Шемякина*) 205

Леонид Сульповар (*врач-реаниматолог
Института им. Склифосовского*) 211

Станислав Щербаков (*врач-анестезиолог
Института им. Склифосовского*) 220

Владимир Коган (*фельдшер реанимобиля
Института им. Склифосовского*) 231

Вместо заключения 236

Книга Валерия Кузьмича Перевозчикова –
попытка представить и понять живого Высоцкого.

Каждый, кто знал его по-настоящему, имеет право
на голос, считает автор – известный биограф поэта
и поэт. Время идет, люди уходят, а с их смертью
удаляется навсегда тот живой Высоцкий,
которого знали только они.

Эта книга, содержащая эксклюзивные воспоминания
и интервью, неизвестные факты биографии
Владимира Семеновича, может вызвать несогласие
читателей и желание поспорить с авторами
свидетельств – но это свойство всех
«непричесанных» воспоминаний.

ISBN 978-5-699-49562-7

9 785699 495627 >

ЭКСМО